

ВЕСТНИК

ТВЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия: История

№ 4 (68), 2023

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61026 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р ист. наук, проф. Т.Г. Леонтьева (*глав. редактор*);
канд. ист. наук, доц. С.В. Богданов (*отв. секретарь*);
д-р ист. наук, ст. науч. сотр. В.Б. Аксенов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, доц. А.В. Белова;
д-р ист. наук, глав. науч. сотр. В.П. Булдаков (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук А.М. Ермаков (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. Н.Л. Пушкарёва (ИЭА РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф. А.С. Ходнев (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. В.В. Шелохаев (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р гум. наук, проф. Ё. Икэда (Токийский университет, Япония);
проф. истории Д. Орловски (Южный методистский университет, г. Даллас, США);
проф. истории Гр. Фриз (университет Брандейса, г. Уолтем, США)

Адрес редакции:

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201
Тел.: +7(4822)34-16-85

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2023

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФC77-61026 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: History

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
Of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

D. Sc. In History, prof. T.G. Leontieva (*editor-in-chief*);
Cand. Sc. in History S.V. Bogdanov (*executive secretary*);
D. Sc. in History, V.B. Aksenov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.V. Belova;
D. Sc. in History V.P. Buldakov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.M. Ermakov;
D. Sc. in History N.L. Pushkareva (IEA RAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof. A.S. Khodnev;
D. Sc. in History V.V. Shelokhaev (IRI RAS, Moscow);
Prof. of Humanities Y. Ikeda (The University of Tokyo, Japan);
Prof. of History D. Orlowsky (Southern Methodist University, Dallas, USA);
Prof. of History Gr. Freeze (Brandeis University, Waltham, USA)

Editorial Office:

Office 201, 16/31, Trehsvyatskaya st., Tver, 170100, Russia
Tel.: +7(4822)34-16-85

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Аксенов В.Б.</i> Общественные настроения в России накануне Великой войны: от национальной травмы к военной тревоге и патриотической эйфории	5
<i>Малхозова Ф.В.</i> Осень 1993 г.: последний съезд Советов	25
<i>Свирин К.М.</i> Деятельность профессора А.Н. Вершинского в Калининской областной «Комиссии для собирания материалов по истории Великой отечественной войны»	49
<i>Смирнов С.Н.</i> Деятельность епархиального отдела Императорского православного Палестинского общества в Твери в конце XIX века ...	71
<i>Чибисов Б.И.</i> Крещение Корелы в 1227 г. в Новгородской земле	87
<i>Шаповалов В.А.</i> «Мужики-дворяне» в контексте российской повседневности конца XVIII – начала XX века	99

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

<i>Ильясов Л.М.</i> Крест как сакральный символ в петроглифике Чечни.....	113

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

<i>Богданов В.О.</i> Монастырское землевладение в Ржевском уезде в конце XV – первой половине XVII веков	127
<i>Менделеев Н.Д.</i> Село Медна Новоторжского уезда к контексте поземельных отношений в Новгородской земле в XIV–XVII веках	138
<i>Менделеева О.А.</i> Представления о магии и колдовстве у народов Индии в этнографических обзорах Е.П. Блаватской.....	147

СООБЩЕНИЯ

<i>Гадалова Г.С.</i> Тверской Феодоровский мужской монастырь: к вопросу о ктиторах и времени создания	155
<i>Гладков А.К.</i> «Mala potestas»: теоретические аспекты низложения государя в средневековой политической мысли	162

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Булдаков В.П.</i> Историк и призрак полицейского государства (<i>Хутарев-Гарнишевский В.В.</i> Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. – 648 с.).	171
СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	180

CONTENTS

THE HISTORY OF RUSSIA

V.B. Aksenov Public sentiments in Russia on the eve of the Great War: From national trauma to war anxiety and patriotic euphoria	5
F.V. Malkhozova Autumn 1993: the Last Congress of Soviets	25
K.M. Svirin Activity of Professor A.N. Vershinsky in the Kalinin Regional «Comission for Collecting Materials on the History of the Great Patriotic War»	49
S.N. Smirnov Functions of the Eparchial Department of the Imperial Orthodox Palestinian Societies in Tver at the End of the 19 th Century	71
B.I. Chibisov The Baptism of the Kapelians in 1227 in the Novgorod Land	87
V.A. Shapovalov «Muzhiki-Landowners» in the Context of Russian Everydaylife in the Late Nineteenth – Early Twentieth Century	99

ARCHEOLOGY. ETHNOGRAPHY. HISTORICAL GEOGRAPHY

L.M. Ilyasov The Cross as a Sacred Symbol in Petroglyphs of Chechnya ...	113

THE PAGE OF THE POST-GRADUATE STUDENT

V.O. Bogdanov Monastic Land Ownership in the Rzhevsky District at the End of the XV – First Half of the XVII Centuries	127
N.D. Mendelev The Village of Medna from Novotorzhsky Uezd in the Context of Land Relations in Novgorod Land in the 14 th – 16 th Centuries	138
O.A. Mendeleva The Essence and Manifestation of Magic and Mitchcraft in the Ethnographic Works of E.P. Blavatskaya	147

THE REPORT

G.S. Gadalova Tver Feodorovsky Monastery: on the question of ktitors and the time of creation	155
A.K. Gladkov «Mala potestas»: the Theoretical Aspects of the Monarch's Dethronement in Medieval Political Thought	162

THE CRITICISM. THE BIBLIOGRAPHY. THE SCIENTIFIC LIFE

Vladimir P. Buldakov On the question of the origin of historiographical absurdities	171
INFORMATION FOR AUTHORS	180

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)''1914/1918''

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.005–025

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ: ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАВМЫ К ВОЕННОЙ ТРЕВОГЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ЭЙФОРИИ¹

В.Б. Аксенов

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

В статье изучается ментальный механизм генезиса войны сквозь призму художественных и публицистических текстов, массовых слухов, визуальных образов – того, что формировало общественные настроения, в которых созревали предчувствия мировой войны. Автор обращает внимание на распространение эмоций ресентимента, за которыми скрывалась национальная травма русской-японской войны и революции 1905–1907 гг. В 1913–1914 гг. общественные настроения характеризовались смесью военной тревоги и патриотической эйфории, что повышало значение слухов и усиливало значимость эмоционального фактора в политике. В частности, это обнаруживается в механизме принятия решения о проведении всеобщей мобилизации, в котором значимую роль сыграли слухи.

Ключевые слова: Первая мировая война, общественные настроения, национальная травма, военная тревога, патриотическая эйфория, футурология.

Незадолго до начала Великой войны П.Н. Милюков выпустил брошюру «Вооруженный мир и ограничение вооружений», в которой с высоты позитивистского подхода доказал, что Европе не грозит война, так как она противоречит интересам всех государств, народов и классов. Ещё раньше, в 1898 г., о бессмысленности большой европейской войны, которая дорого обойдётся даже победителям и запустит цепочку социальных революций, написал российский учёный И.С. Блюх в книге «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», а в 1908 и 1911 гг. вышли книги английского публициста Н. Энджелло, в которых автор приходил к тем же выводам. Тем самым мыслители-современники выражали

---

¹ Данная статья является доработанным вариантом англоязычной впервые опубликованной в *Herald of the Russian Academy of Sciences: Aksekov V. Public sentiments in Russia on the eve of the Great War: From national trauma to war anxiety and patriotic euphoria // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Issue 6. Supplement Series A: Studies in Russian, Soviet and Contemporary History. Vol. 92. № S11. P. S1009–S1018.*

сомнения в обоснованности военной тревоги и приводили железные аргументы в пользу невозможности большой войны в силу её нерациональности. Однако логика рационалистического мышления спасовала перед упрямым историческим фактом, когда начавшаяся Великая война перечеркнула не только некоторые результаты международных договорённостей рубежа XIX–XX вв., но и достижения мировой гуманистической мысли эпохи Просвещения, пробудив в народах архаичные инстинкты.

В чём же ошиблись учёные-современники? Главная ошибка заключалась в самом позитивистском подходе, в недооценке того, что история не подчиняется рациональной человеческой логике хотя бы потому, что поступки людей зачастую иррациональны, подчинены эмоциям, а не идеям. Человеческие эмоции, страсти вспыхивают, разгораются, дрейфуют и затухают по своим собственным законам; общества как сложные открытые динамические системы имеют тенденцию к самоорганизации. Тем самым история учит исследовать прошлое не как шахматную партию между политическими лидерами или странами, классами, народами, а как совокупность сложных синергетических процессов, в которых «правила игры» динамичны и меняются в зависимости от обстоятельств. К слову, Миллюков понимал значение эмоционально-иррациональных факторов истории, заявляя, что «война вызывается не рациональными, а главным образом эмоциональными мотивами»². Однако он считал, что эти эмоциональные мотивы всего лишь иррациональные инстинкты и пережитки, которые можно преодолеть с помощью просвещения: «Полусознательная, иррациональная внушаемость и возбудимость должна уступить место систематическому самонаблюдению и критическому анализу мотивов собственного поведения. А для этого прежде всего борьба против эмоционального, “религиозного типа” психики и насаждение прочных “научных привычек” должны стать главными задачами гражданского воспитания передовых демократий»³. Большую прозорливость продемонстрировал французский учёный Г. Лебон, который в 1917 г., также отмечая решающую роль коллективных аффектов в разжигании войн, писал, что «чувства и разум не эволюционируют параллельно друг другу и не имеют общего измерения. Потому цивилизацию очень высокого уровня легко дополняют очень низкие чувства»⁴.

Современные исследователи обращают внимание, что рубеж XIX–XX вв. открыл новую эпоху, которая характеризовалась возросшей социальной конфликтностью и повышенной ролью масс, распространением общественной нервозности и эмоций ресентимента, выливавшимися в великодержавные и расистские комплексы, подпитывавшиеся национальными травмами и обидами⁵. Помимо международных кризисов, на настроения

² Миллюков П.Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений. СПб., 1911. С. 152.

³ Миллюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей. 1909–1910. М., 1991. С. 376.

⁴ Лебон Г. Вчера и завтра. Сжатые мысли. М., 2016. С. 18.

⁵ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015; Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера. М., 2017; Гурный М. Ве-

современников влияла научно-техническая революция, менявшая повседневность. Сами современники считали, что причиной являются «суета и гонка» новой эпохи электричества, которая ускорила бег времени⁶. В России нервность городского социума была усилена последствиями великих реформ: массовой миграцией крестьян в города, демографическим перестроением общества, что превращало город в поле социальных и эмоциональных конфликтов. Индустриализация и модернизация, носившие безусловно прогрессивный характер по своей природе, своими ближайшими результатами имели рост общественной напряженности.

Меняющийся мир возбуждал фантазию творческих личностей и преломлялся в художественных произведениях алармистскими текстами, которые, в свою очередь, воздействовали на сознание масс. Политики начала XX в. отмечали влияние художественной литературы (а также набиравшего популярность кинематографа) на массовое сознание, в котором раздувался «апофеоз патриотических мечтаний» и великодержавные комплексы⁷. Весьма преуспевали в этом писатели-фантасты, в чьих алармистских произведениях В.П. Булдаков отмечает «логику ресентиментного провоцирования» читательской аудитории⁸. Литература, играя на противоречиях национальных травм и национальной гордости, усиливала межнациональные обиды и формировала в массовом сознании чувство военно-патриотической тревоги.

При этом сами фантасты хоть и не признавали ответственность за провоцирование страстей, после начала Великой войны напомнили читателям о своих пророчествах. В ноябрьском номере журнала «Мир приключений» за 1914 г. появилась статья Л. Исидорского (псевдоним Я.И. Перельмана) «Пророки мировой войны», в которой писатель-физик обращал внимание на способность «чутких умов» предсказывать глобальные катастрофы: «Случилось то, что ещё недавно всеми считалось самым невероятным, самым невозможным – вспыхнул мировой военный пожар... И лишь немногие романисты делали фантастические экскурсии в эту область... Очевидно, мрачная тень надвигавшегося мирового бедствия тревожила наиболее чуткие умы, беспокоила встревоженное воображение. Можно насчитать около десятка фантастических романов, посвященных этой теме, и из них большая часть появилась в последние два года»⁹.

Общественная тревожность воплощалась в навязчивых образах приближающейся катастрофы. Ещё в 1887 г. французский художник, писатель и издатель А. Робида опубликовал роман «Война в XX веке», в котором попытался представить новую технологичную войну, начавшуюся, по его

ликая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. СПб., 2021. Булдаков В.П. У истоков Первой мировой войны: смута в европейских умах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 2(62). С. 5–27/

⁶ Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924. В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 124–125.

⁷ Милуков П.Н. Вооруженный мир и ограничение вооружений... С. 69.

⁸ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 10.

⁹ Мир приключений. 1914. № 11. Стлб. 111–126.

прогнозу, в 1945 г. Война в определённой степени соответствовала битвам Первой мировой: воздушные сражения между аэропланами и дирижаблями, использование газового оружия, монструозных пушек и т. д. Страхи общества перед научными открытиями, в том числе экспериментами биологов, медиков, подсказали писателю сюжет о разработке бактериологического оружия, а популярность эзотерических теорий, коими увлекались даже известные физики, заставляла фантазировать об отрядах боевых медиумов-экстрасенсов (слухи о которых ходили в российском обществе в годы Великой войны, возможно, проникнув туда из беллетристики).

Более обстоятельно война будущего изображена в романе другого французского писателя П. Жиффара «Адская война» (1908). Показательно, что война вспыхивает в последний день работы мирной конференции в Гааге, когда на торжественном прощальном ужине немецкий и английский дипломат не смогли договориться, кому первому подносить шербет. В результате английский король испытал чувство национального унижения и потребовал от германского императора извинений, а Германия в ответ послала на Англию дирижабли-бомбардировщики, которые по пути разбомбили Гаагу. Тем самым автор не только выразил скепсис относительно потенциала международных организаций, но и показал, какие ничтожные поводы могут разрушить привычный хрупкий мир.

Роман Жиффара интересен ещё и тем, что в нём политический конфликт перетекает в войну рас: фантазия писателя заканчивается тем, что армия китайцев захватывает Москву. Нашествие «желтой расы» Жиффар преподносит как месть «белой расе» за подавление восстания боксеров в Китае. Французский автор описанием различных фантастических военных машин демонстрирует не только тревогу современников перед милитаризацией науки и промышленности, но и показывает распространение националистических и расовых предрассудков под знаменами патриотизма. В публицистике 1914–1918 гг. Великая война нередко представляла как война рас. В частности, именно так называлась статья националиста С.А. Володимерова, опубликованная 21 июля 1914 г. в черносотенной «Земщине», в которой славянская раса противопоставлялась германской расе.

Взгляд на мировую политику как борьбу рас обнаруживается в начале XX в. не только у писателей-фантастов, но и у чиновников, политиков. Советник Германского имперского статистического комитета Р. Мартин в футурологической работе «Будущность России и Японии» предсказывал, что «за пятьдесят лет Россия потеряет в пользу желтой расы большую половину Сибири. В предстоящие столетия желтая раса будет сурово теснить Россию, и Россия сохранит свои владения даже в Европе, главным образом благодаря сочувствию и поддержке остальных народов белой расы»¹⁰. П.Н. Милюков, обвиняя именно немецких писателей в распространении милитаристского мышления, обратил внимание на другое футурологическое сочинение Мартина – «Берлин-Багдад: Германская империя в эпоху

---

¹⁰ Мартин Р. Будущность России и Японии. М., 1907. С. 262.

дирижаблестроения, 1910–1931 гг.», которое вышло в 1907 г. В нём немецкий автор делился своей мечтой о создании уже в 1916 г. Всемирной Германской империи от Берлина до Багдада и предсказывал вторую российскую революцию в 1913 г. Подобные мечты были характерны для носителей имперского сознания вне зависимости от их национальности, в частности, о Всемирной русской монархии мечтал еще Ф.И. Тютчев в неоконченном трактате «Россия и Запад», да и сам Милюков после начала Первой мировой войны демонстрировал рецидивы имперского мышления, заявляя претензии России на Босфор и Дарданеллы.

Говоря о футурологии, нельзя не упомянуть английского писателя Г. Уэллса, одним из первых предсказавшего появление танков. В 1901 г. Уэллс написал статью «Предвидения о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль», в которой отмечал, что в эпоху масс демагогически-популистская патриотическая риторика разжигает национальные конфликты и провоцирует войны¹¹. В 1910 г. вышел первый номер журнала «Мир приключений», открывавшийся публикацией романа «Война миров». Начавшаяся вскоре Первая мировая война, преподносившаяся пропагандой как столкновение цивилизаций, интерпретировалась современниками как война миров. Показательно, что в августе 1914 г. поэт В. Брюсов пытался осмыслить современность через образы Г. Уэллса: «Не выброшены ль в былое все мы / Иль в твой волшебный мир, Уэллс? / Не блещут ли мечи и шлемы / Над стрелами звенящих рельс?»

Научно-фантастическая литература, пытавшаяся через анализ технических изобретений предсказать ближайшее будущее, обладала в то же время психотерапевтическим эффектом, уводя писателя и читателя из катастрофического настоящего в мир фантазий. Любопытным свидетельством популярности фантастики является тот факт, что накануне Великой войны написанием художественно-футурологического сочинения увлёкся последний посол Российской империи в Берлине С.Н. Свербеев¹².

Изобретения электрического века поражали воображение не одних только писателей, но и приводили к возникновению своеобразного фольклора – эсхатологических легенд. А.И. Кривошеков собирал фольклор оренбургских казаков и зафиксировал рассказы некоего странника Ивана Митрича, которыми он делился накануне Первой мировой войны и которые демонстрировали трансформацию научных изобретений в эсхатологические образы в религиозном сознании обывателей: «Как настанут последние времена, все изменится, по иному будет: полетят железные птицы под самые облака и будут клевать православных железными носами и плевать на землю сверху ядрами... Опутают землю-матушку железною проволокою да в несколько рядов, точно нитками обовьют, и нельзя будет Божией пташке пролететь кверху... А внизу протянут железо по всей земле, и поставят на

¹¹ Уэллс Г. Предвидения о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль. М., 1902. С. 153–154.

¹² Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1984. С. 459.

это железо медные кувшины громаднейшие; нальют в них воды полнешеньки, а в середине трубы сделают и огня накладывают. Закипит от него водича, и побегут кувшины по железу, а в них люди поедут с песнями да с плясками... Озвереют тогда люди и пойдут друг на друга войною. Будет эта война последнею и самую страшною, и никуда от смерти не укроешься. Тогда наступит и конец миру»¹³.

Апокалиптические настроения, усиленные Русско-японской войной и первой российской революцией 1905–1907 гг., сохранялись в обществе вплоть до Великой войны, давшей ещё более очевидный повод для соответствующих интерпретаций. Вероятно, наиболее ярким примером художественного произведения, написанного по следам Русско-японской войны и содержащего сильный эсхатологический мотив, можно считать «Красный смех» Л. Андреева, который во многом предсказывал картины Первой мировой. Словосочетание «красный смех», в котором прилагательное «красный» выступало синонимом «кровавый», а смех имел форму зловещей истерики, было эсхатологической метафорой наступающих «последних времен», проявившихся во всеобщем безумии. Картины коллективного схождения с ума от страха перед ночными бомбардировками рисовались в другом отечественном анонимном произведении «Война! Европа в огне» (1912). Возможно, произведение было написано под впечатлением от книги Р. Мартина, так как в нём описывалась война между Россией и Германией, начавшаяся с бомбардировки немецким воздушным флотом Петербурга. В предисловии автор задавался вопросами: «В нынешний момент, момент кровавых столкновений и тяжелых предчувствий встают невольные вопросы: что за этим последует? Какие неожиданности свалятся на наши головы? Не увлечет ли и нас бурный вихрь войны? И во что тогда выльется цикл наших невзгод? И с какой стороны нагрянет к нам опасность? На законные вопросы нет ответа. Тема неизвестности в часы наибольшего напряжения зрительной способности человечества точно нарочно сгущается еще сильнее. От этого тучнее почва страхов, на которой рождаются самые разнообразные цветы фантазии»¹⁴.

Образы фантастической литературы, а также массовые слухи-легенды, будоражившие воображение современников, оседали в подсознании и всплывали в годы Первой мировой войны в массовых фобиях о ночных бомбардировках городов с таинственных аэропланов, о гигантских бесшумных пушках и пр., провоцируя общественную нервность и различные психические отклонения. Показателен сон, приснившийся археологу В.А. Городцову, который он записал в своём дневнике 12 сентября 1914 г. В этом сне причудливо переплелись сюжеты научной фантастики (чувствуется влияние романа Ж. Верна «Пятьсот миллионов бегумы», в котором описывалось противостояние свободного города Франсвилля и милитаризованного Сталеграда), открытия в области естественных наук, современная международная ситуация и

¹³ Кривошеиков А.И. Легенды о войне // Исторический вестник. 1915. № 10. С. 201–202.

¹⁴ Война! Европа в огне. СПб., 1912. С. 5.

собственные подсознательные страхи автора. Во сне происходило решающее сражение между армией Вильгельма II и защитниками города Новомир. Главный герой, желая получше рассмотреть битву, поднялся со своим дедушкой в небо на аэроплане и увидел, как наступавшая неприятельская армия оказалась вдруг парализованной пущенными из лаборатории Новомира токами¹⁵.

Предчувствие мировой войны проявлялось на фоне усиливавшейся в Европе гонки вооружений, которая подпитывалась мессианскими расово-цивилизационными концепциями. С точки зрения этих национал-патриотических теорий война могла быть развязана не только ради завоевания/отвоевания определённых территорий или защиты союзников от врагов, но и ради сохранения абстрактной «национальной чести». Герой романа немецкого писателя А. Нимана «Всемирная война» говорил Вильгельму II: «Никто не сомневается в том, Ваше Величество, что объявление войны было бы роковым шагом... Но существует высший закон, перед которым должны отступить на задний план все другие законы, – закон – поддерживать свою честь. И у целого народа есть также своя честь, как и у отдельного человека. В тех случаях, где дело коснется этой чести, войны избегать не следует, потому что от сохранения национальной чести зависит, собственно говоря, и сохранение всякого другого национального достоинства»¹⁶. Превращение вопроса о «национальной чести» в фактор международной политики означал её иррационализацию и подчинение эмоциям, так как показателем оскорблённой чести становилось субъективно-испытываемое чувство обиды. Российские консерваторы XIX в. оправдывали войну России с Европой именно «неблагодарностью» последней, что воспринималось как нанесенное оскорбление, поругание национальной чести¹⁷. Р. Мартин писал, что с середины 1870-х гг. под влиянием панславизма в России разрасталась вражда к Германии, которая ещё более усилилась из-за чувства обиды за итоги Берлинского конгресса 1878 г. Так же считал и М. Вебер, видя в российской германофобии реакцию на внешнее могущество Германии, своеобразный ресентимент¹⁸. В начале XX в. благодаря развитию таких дисциплин, как национальная характерология, цивилизационная и расовая теории и пр., способствовавшие распространению национальных предрассудков и становившиеся основой национально-патриотической стратегии, понятие «национальной чести» получало псевдонаучные обоснования и, повышая эмоциональный градус в международной политике, толкало мир к глобальной войне.

Главной национальной травмой правящих российских элит в XIX в. являлась Восточная (Крымская) война, в которой Россия проиграла союзу

¹⁵ *Городцов В.А.* Дневники ученого. 1914–1918: в 2 кн. М., 2019. Кн. 1. С. 98.

¹⁶ *Ниман А.* Всемирная война. Мечты немца. М., 1904. С. 82–83.

¹⁷ См.: *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М., 1874. С. 93; *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1995. С. 31–32.

¹⁸ *Вебер М.* К положению буржуазной демократии // Политическая наука. Россия: опыт революций и современность. М., 1998. С. 9.

Турции с западными державами. В начале XX в. её место заняла травма Русско-японской войны. «Маленькая победоносная» должна была вернуть нуждающимся в ощущении национального величия чувство собственной национальной исключительности, но в результате лишь привела к новым разочарованиям как правительством, так и самим императором. Власти были обвинены в провоцировании не нужной народу войны. Некоторые представители интеллигенции, как и в годы Крымской войны, Польских восстаний, Русско-турецкой войны, желали своему правительству поражения, видя в этом главное условие внутренних преобразований. Писатель В.В. Вересаев вспоминал настроения общества в это время: «Кругом, в интеллигенции, было враждебное раздражение отнюдь не против японцев. Вопрос об исходе войны не волновал, вражды к японцам не было и следа, наши неуспехи не угнетали; напротив, рядом с болью за безумно-ненужные жертвы было почти злорадство. Многие прямо заявляли, что для России полезнее всего было бы поражение»¹⁹. Даже консервативно настроенный Л.А. Тихомиров начинает критиковать императора в своём дневнике, демонстрируя явное чувство resentimenta, замешанное на ксенофобии: «А Государь “молчит и плачет”... Жалко Его, а Россию ещё жалче. Не умеет сделать, что нужно, и ведет себя и весь народ в полон жидовско-русско-польско-франко-немецкой интеллигенции»²⁰.

В условиях переживаемых национальных травм в качестве эмоциональной сублимации происходит выработка своеобразной философской вакцины – теории о том, что войны идут во благо национальному духу. В 1906–1907 гг. в России под редакцией В.В. Битнера вышло трёхтомное издание «История культуры. Расцвет и увядание в жизни народов». Во введении говорилось: «Война... является очищающей грозой, которая встряхивает погруженные в нездоровую спячку народы. Самые кровавые страницы истории показывают нам, что на войну следует иногда смотреть, как на вмешательство высшего мирового порядка, и что в этом случае более сильный народ есть тот “молот провидения”, который разбивает негодный механизм, чтобы заменить его новым, более совершенным»²¹. В годы Первой мировой войны попытку обосновать данную теорию предпринимали многие известные психиатры, в частности, В.М. Бехтерев.

Тем не менее исследователи обращают внимание, что после 1907 г. в определённых слоях российского общества распространяется меланхолия²². Во многом она вытекала из переживаемой национальной травмы, причём, помимо поражения в Русско-японской войне, консерваторы национальным унижением считали вынужденные политические уступки 1905–

¹⁹ Вересаев В.В. Записки врача. На японской войне. М., 1986.

²⁰ Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. М., 2015. С. 28.

²¹ История культуры. Расцвет и увядание в жизни народов: в 3 частях. СПб., 1906. Вып. 1. С. 5.

²² См.: Стейнберг М. Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. ст. М., 2010. С. 202–226.

1906 гг., леволиберальные и революционные круги – наоборот, незавершённость революции. Общественная рефлексия обнаруживается в философских работах, авторы которых пытаются переосмыслить недавнее прошлое. В вышедшем в 1909 г. сборнике «Вехи» авторы рефлексировали на тему вины российской интеллигенции за революцию 1905–1907 гг. и обращали внимание на поразивший образованные слои империи мировоззренческий, ценностный конфликт: «Русское общество, истощенное предыдущим напряжением и неудачами, находится в каком-то оцепенении, апатии, духовном разброде, унынии» – подыскивал характеристики общественных настроений С.Н. Булгаков²³. М.О. Гершензон считал бегство интеллигенции от политики после 1907 г. «психологической реакцией». В 1911 г. П.Б. Струве выпустил сборник своих статей за 1905–1910 гг. под названием «Patriotica», которые были объединены общим чувством «патриотической тревоги». Автор, мечтая о Великой России, обвинял радикально настроенную интеллигенцию в том, что она разрушает государство, путая его с властью, но высказывал мнение, что «можно ненавидеть государство, но нельзя ненавидеть свою нацию». В другом сборнике, «Интеллигенция в России» (1910), П.Н. Милюков обращал внимание на вызванный Русско-японской войной патриотический раскол интеллигенции, проявившийся в развитии настроений «чем хуже, тем лучше». Патриотическая тревога характеризовалась коллективным чувством вины и стыда, что отразилось, например, в работе молодого тогда историка И.М. Катаева «Что такое патриотизм?» (1907), в которой автор подводил психологические итоги Русско-японской войны: «Теперь всякий знает, что эта война с её бесчисленными жертвами была совсем не нужна для отечества, что её затеяла кучка сильных людей, которые, прикрываясь благом отечества, преследовали лишь свои корыстные цели»²⁴.

Период, непосредственно предшествовавший началу Великой войны, ознаменовался в определённых слоях общества юбилейно-патриотической эйфорией: в России в 1912 г. торжественно отмечали столетие изгнания Наполеона, а в 1913 г. – трёхсотлетия династии. Приготовления к столетию Отечественной войны начались задолго до самого юбилея: Русское военно-историческое общество выпускало граммофонные пластинки с военно-патриотическими песнями на тему былых событий, брошюры, а также военно-патриотический лубок. Воспевая успехи русского оружия, доблесть воинов и народный дух, патриотическая печать нередко представляла нападение Наполеона на Россию как «новый Крестовый поход на неё всей Европы», реанимируя свойственные консерватизму и панславизму XIX в. комплексы и стереотипы, связанные с противопоставлением «русского мира» Западу²⁵.

²³ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей. 1909–1910. М., 1991. С. 43.

²⁴ Катаев И. Что такое патриотизм? М., 1907. С. 5–6.

²⁵ Родина. Еженедельные обзоры политики и общественной жизни. 1912. 26 августа.

Тема юбилея отразилась как в либеральной, так и в консервативной печати, однако с определёнными различиями. Официальные власти создавали сусально-патриотический миф о войне, свидетельствовавший о полном единении власти и общества перед лицом французского нашествия; либеральные историки его опровергали. Одной из главных «неудобных» тем войны 1812 г., которую старалась обходить официальная историография, был пожар Москвы. В 1911–1912 гг. Историческая комиссия Общества распространения технических знаний (ОРТЗ) выпустила семитомное богато иллюстрированное энциклопедическое издание «Отечественная война и русское общество. 1812–1912» под редакцией А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова и В.И. Пичеты. Авторы издания ответственность за пожар возлагали на московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина. Д.А. Жаринов обращал внимание, что уже в 1812 г. возникли две версии случившегося: официальная, возлагавшая ответственность на Наполеона и тем самым представлявшая его варваром, и «красивая патриотическая легенда», объяснявшая пожар жертвенностью москвичей, которые добровольно сожгли свои дома, чтобы не впустить в них французов. Обе эти версии отводили обвинения от российских властей. Легенда о жертве москвичей выполняла важную пропагандистскую функцию: внушала с помощью исторической мифологии массовому сознанию идею о жертвенности как черте русского национального характера и образце патриотического поведения.

В предисловии высказывалась мысль о том, что 1812 г. на столетие определил внутреннюю и внешнюю политику России: война с Наполеоном как наследником революции предопределила сворачивание «дней Александровых прекрасное начало», а также заложила камень в фундамент того самого могущества «Пруссии и Австрии, в котором коренятся все наши политические беды». Авторы критиковали российскую аристократию за следование корыстным планам в ущерб интересам народным и несколько идеализировали роль крестьянства в войне.

М.М. Ковалевский поднимал другую «неудобную» для патриотов-консерваторов тему 1812 г. – разорение местных жителей вследствие использовавшейся русскими войсками тактики выжженной земли. Историк упоминал о снесённых деревнях, население которых в одночасье стало нищим и просило милостыню у наступающих французов, о мародёрстве отступающих русских полков. Вместе с тем работа Ковалевского полностью соответствовала патриотическому дискурсу: главным источником победы он назвал патриотизм русского народа, закончив свою работу призывом «стойко отстаивать национальные интересы» перед лицом внешних и внутренних врагов²⁶. При этом тема внутреннего врага Ковалевским раскрыта не была, но в 1912 г. в России это понятие могло ассоциироваться с радикалами справа (черносотенцами) и слева (революционерами).

1913 г. должен был пройти под звуки празднования 300-летнего юбилея династии, подготовка к которому началась за три года, когда был

---

²⁶ Ковалевский М.М. 1812-й год // Вестник Европы. 1912. № 7. С. 224.

учреждён специальный «Комитет для устройства празднования трёхсотлетия царствующего дома Романовых». К юбилейным торжествам публиковались парадные портреты российского самодержца и выходили иллюстрированные издания на историческую тематику; журнал «Нива» публиковал фотоотчёт о торжествах, проходивших в различных городах империи, а «Русский паломник» выпустил бесплатный «Юбилейный альбом в память 300-летия дома Романовых».

Первым официальным днём торжеств стало 21 февраля – день избрания на царство Михаила Федоровича. Этот день был объявлен нерабочим, и в Петербурге начались праздничные мероприятия: салют в Петропавловской крепости, благодарственный молебен в Казанском соборе, приемы сановников в Зимнем дворце, праздничный концерт в Государственной думе. В городе проходили праздничные гуляния. Однако кое в чём власти перестарались: даже шеф жандармов В.Ф. Джунковский отмечал, что на улицах было слишком много полиции, из-за чего создавалось впечатление, что город «обращён в военный лагерь». В феврале в столице праздничные мероприятия продолжались несколько дней, а в мае императорская чета отправилась по Волге в Ипатьевский монастырь в Костроме. Сопровождавшие царя министры по-разному описывали настроения провинциальной публики в дни пребывания императора. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов писал о глубоком и неподдельном национальном настроении всей России, за исключением «худосочных элементов интеллигенции», в то время как премьер-министр и министр финансов В.Н. Коковцов сообщал о «тусклом и слабом проявлении скорее любопытства, нежели истинного подъёма». Начальница Санкт-Петербургского Елизаветинского института благородных девиц М.Л. Казем-Бек (урожденная Толстая) демонстрировала в дневнике скептическое отношение к торжествам, отмечая, что у некоторых чиновников патриотическое настроение подогревалось надеждами на награды: «Об юбилее говорят много. Светское общество готовится к придворным торжествам; чиновники радовались, надеясь на денежные и другие награды, а теперь ворчат, узнав, что наград не будет; революционеры, говорят, задумывают какие-то беспорядки»²⁷.

В печати также отражались разные настроения современников в связи с юбилеем. В периодике по понятным причинам преобладали патриотические восторги. Иллюстрированные журналы печатали парадные портреты российских императоров, литературно-исторические очерки из истории династии, родословные таблицы. Одна из заметок в журнале «Нива» подводила итог правления Романовых и рисовала радужные перспективы: «Читая историю, нельзя не верить в беспредельную нравственную мощь России и в ее сказочную жизнеспособность. Пройдя свой тернистый путь, она под руководством своих царей Дома Романовых вышла наконец на широкую дорогу к славному будущему, озаряемую, как лучами солнца, великой и светлой русской государственной идеей, в основе которой лежат

---

²⁷ Казем-Бек М.Л. Дневники. М, 2016. С. 335.

непоколебимая народная вера в высшую справедливость и безусловный нравственный авторитет государственной власти»²⁸. Как это часто бывает в истории, патриотические восторги по поводу величия империи предшествуют её скорому краху.

Иной вывод отражён в вышедшей в издательстве И.Д. Сытина шеститомной иллюстрированной истории романовской России «Три века. Россия от Смуты до нашего времени», в работе над которой приняли участие Ю.В. Готье, А.Е. Пресняков и другие историки. Несмотря на юбилейный характер издания, на протяжении всех томов авторы сохраняли известный критицизм в отношении российских правителей, а последний том заканчивался следующими словами: «Вести Россию по старому руслу нельзя, нужны новые кормчие: прежние лощманы довели Россию до позора и унижения»²⁹.

Тем не менее, когда в июле 1914 г. вспыхнула Великая война, некоторые монархисты, идеализировавшие патриотическое единение власти и общества, считали, что черед юбилеев воспитала и развила у россиян патриотическое чувство: «Никто не предполагал, какое значение имело то, так сказать, накопление патриотического чувства в русском народе, которое явилось результатом пережитых всем русским народом славных исторических юбилеев: освобождения от поляков Троицкой лавры, смерти патриарха Ермогена, потом его прославления, трёхсотлетия освобождения России от поляков, избрания на царство Дома Романовых, юбилея Отечественной войны, юбилея освобождения крестьян... Постепенно возгораемый патриотизм теперь проявил себя тем несказанным чувством единения, которое охватило всю Россию пред лицом германского врага, начавшего с нами несправедливую брань»³⁰. На самом деле казенный патриотизм и чрезмерные усердия услужливых чиновников скорее ослабевают, чем усиливают патриотические эмоции, которые к тому же не могут длиться долго.

Юбилейные торжества 1913 г. на фоне продолжавшейся с 1912 г. Балканской войны и роста рабочих забастовок в России представлялись в воображении части современников пиром во время чумы. Возможно, наиболее точной визуализацией этих настроений является законченная в 1913 г. картина П. Филонова «Пир королей», на которой властители мира изображены живыми мертвецами, собравшимися на своё последнее пиршество. Современники сравнивали филоновский сюжет с другими известными пирами: пиром Ирода и пиром Валтасара. Характерно, что пир Валтасара упоминался в одной из главных революционных песен России – «Похоронном марше» («Вы жертвою пали...»): «А деспот пирует в роскошном дворце, / Тревогу вином заливая, / Но грозные буквы давно на стене / Уж чертит рука роковая!» Тем самым картина Филонова была полна эсхатологических предчувствий как приближающейся внешней Великой войны, так и внутренней революции. В 1914 г., незадолго до объявления Германией

²⁸ Нива. 1913. № 7. С. 140.

²⁹ Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. М., 2005. Т. VI. С. 408.

³⁰ Восторгов И. Во дни войны. Голос пастыря-патриота. М., 1916. С. 28.

войны России, другой российский художник, Н.К. Рерих, закончил картину «Град обреченный», изображавшую город, лежащий в плену у огромной огненной змеи. После начала войны М. Горький назвал эту картину пророческой, а самого художника – величайшим интуитивистом, а искусствовед и критик А.И. Гидони так писал о «Граде обреченном» и других картинах Рериха, написанных перед самой войной: «Невольно хочешь многое в них объяснить интуитивными предчувствиями художника. Потому что стихия этих картин – пожар. И кажется, что художник, ставший мужем в своем мастерстве, окрепший и определившийся, бродя в мире творческих видений, ощутил внезапно некую тревогу. Как в историческом рассказе, он припал ухом к земле, прислушался. И был шум, крики, смятение в одном стане, тишина великая – в другом»³¹. Военная тревога и предчувствия мощных социальных взрывов были характерны и для западных художников. Например, немецкий экспрессионист Л. Мейднер пишет в 1912–1913 гг. серию апокалиптических работ, на одной из которых, «Апокалиптический пейзаж», предсказывает будущие запечатленные с натуры О. Диксом образы Великой войны.

Не отставали от художников и поэты. Наверное, больше других в предсказаниях скорой войны преуспели итальянские футуристы. Правда, в отличие от художников-экспрессионистов, Ф.Т. Маринетти вдохновлялся образами катастрофы. В опубликованном им «Манифесте футуризма» провозглашался уже известный тезис об очистительной функции войны: «Мы желаем прославить войну – единственную гигиену мира – милитаризм, патриотизм, разрушительный жест анархистов, прекрасные идеи, которые убивают, и презрение к женщине»³². После начала Первой мировой войны Маринетти назвал ее «самой прекрасной футуристической поэмой». Неудивительно, что «Манифест футуризма», опубликованный в Италии в 1909 г., был переиздан в Петербурге в 1914 г. Культ войны футуристов пересекался с героическим романтизмом русского акмеизма. Н.С. Гумилев еще в 1912 г. осуждал устами Св. Георгия пацифизм в стихотворении «Видение» («От битв отрекаясь, ты жаждал спасенья, / Но сильного слёзы пред Богом неправы, / И Бог не слышал твоего отреченья, / Ты встанешь завтра, и встанешь для славы»), а в годы Первой мировой войны уже открыто прославлял гром побед («И так сладко рядить Победу, / Словно девушку, в жемчуга, / Проходя по дымному следу / Отступающего врага»).

В то время, когда в общественном сознании созревала уверенность в неизбежности войны, на международной арене предпринимались неубедительные попытки ограничения применения оружия в межгосударственных спорах. Первая (1899) и Вторая (1907) Гаагские конференции провозглашали конвенции о мирном разрешении международных конфликтов, одна-

³¹ Беликов П.Ф. Рерих и Горький // «Горьковский сборник». Ученые записки Тартуского государственного университета, Труды по русской и славянской филологии, XIII. Тарту, 1968. С. 258; Гидони А.И. Творческий путь Рериха // Аполлон. 1915. № 4–5. С. 32.

³² Маринетти. Футуризм. СПб., 1914. С. 103–110.

ко характерно, что большая часть документов касалась не предотвращения войны, разоружения, отказа от концепции «вооруженного мира», а регламентации боевых действий. Казалось, что участники мирных конференций сами были уверены в неотвратимости большой войны. Тщетность международных мирных инициатив показали локальные Балканские войны 1912–1913 гг., ставшие тревожным звонком перед надвигающимся глобальным конфликтом. Тем не менее Первая Балканская война воодушевила российских национальных патриотов, которые вспомнили о «славянском мире» и потребовали от правительства поддержки балканских стран в войне с Турцией и защиты Сербии от нападков Австрии. Милитаристские призывы наполняли правую печать. Воодушевившись победами «братьев-славян», российские публицисты жаждали реванша и рефлексировали на тему упущенных возможностей в 1904 г. Например, Б.А. Суворин заявлял в «Вечернем Времени», что в случае поддержки европейской дипломатии удалось бы удержать Порт-Артур и победить в войне. В это время в общественном сознании возросла военная тревога. В феврале 1913 г. корреспонденты отмечали, что нервозность добралась и до деревни, обращая внимание на разные мотивы военной тревоги политизированных патриотов и простых обывателей: «Бряцает оружием “Новое Время” и вслед за ним шумят в погоне за розницей вечерние газеты.... В уездном городе, и еще более в деревне, настойчиво спрашивают: будет война или нет? Но эти вопросы не имеют ничего общего с тем шумом, который пытаются поднять вокруг войны “общественные деятели”... Для деревни и для живущего деревней уездного города вопрос о войне – вопрос жгучий, больной. Но его жгучесть не в славянской идее, не в кознях Австрии, а в болезненном страхе: неужели ко всем давящим бедам прибавится еще новая?»³³.

Очередной виток военной тревоги отразился в художественной литературе развитием нового жанра: фантастического шпионского детектива. Журнал «Мир приключений» публиковал рассказы и повести, в которых главным антагонистом был немецкий шпион, вооружённый фантастическими изобретениями (миниатюрное оружие, стреляющее лучами смерти, аэропланы-трансформеры, видеотелефоны, портативные записывающие устройства и проч.). В одном из номеров журнала за 1913 г. поражение в Русско-японской войне объяснялось искусно организованным японским шпионажем, при этом сообщалось, что Германия уже внедрила в одну только Францию 35 000 агентов, и тут же, как будто в подтверждение, приводились рисунки немецких шпионов на автомобилях³⁴. Не случайно, что в эти годы появляется и отечественный шпионский детектив, родоначальником которого считается Н.Н. Брешко-Брешковский. В апрельском номере «Мира приключений» за 1914 г. он публикует рассказ «Секретные документы» на тему Балканской войны. Шпионский детектив провоцировал страх перед «внутренним врагом», «иностранным агентом» и в годы Вели-

³³ Вестник Европы. 1913. № 2. С. 419.

³⁴ Мир приключений. 1913. № 6. Стлб. 1139–1142.

кой войны вылился в массовую шпиономанию, приобретавшую порой форму настоящей паранойи.

Военная тревога сохранялась в 1914 г. и была характерна не для одной России. В начале года австрийский писатель, историк К. фон Ланг писал: «Что-то надвигается, но, когда оно начнется, предсказать невозможно. Быть может, нас ждут ещё несколько мирных лет, однако с такой же вероятностью гром может грянуть уже сегодня»³⁵. Н.Ф. Денисюк в очерке «Вооруженный мир и война» демонстрировал определенный когнитивный диссонанс, эффект Шрёдингера, выражая одновременно уверенность в невозможности войны и в её вероятности: «Итак, европейская война, по мнению многих, почти невозможна, и решиться на вызов своего противника в наше время не посмеет ни одна великая держава. Но тогда зачем же длить вооружённый мир, стоящий... не так уж и дешево, и при этом усиливать с головокружительной быстротой боевые силы?.. Такой мир, надо признаться, напоминает усиленное приготовление к войне... рассмотрев внимательно характер и лихорадочное нарастание новых трат, новых батальонов и судов, мы невольно станем тревожиться за будущее европейского мира и должны будем признаться, что живем на вулкане»³⁶.

Не последнюю роль в нагнетании международной напряжённости играли государственные великодержавные комплексы, отражавшиеся в газетных и журнальных публикациях и нервировавшие читательскую аудиторию. В ответ на антироссийскую риторику берлинской прессы петербургские газеты весной 1914 г. писали, что Россия «воскресла из пепла маньчжурского пожара... и готова встретить лицом к лицу всякое нападение и с Востока, и с Запада». Автор политического обозрения «Нивы» наивно радовался, что как только отечественная пресса дала отпор немецкой печатной агрессии, «кровавый кошмар всеобщей войны, уже нависшей над изнемогающей под бременем непосильных вооружений Европы, рассеялся от одного твердого слова», и также при этом заявлял о слиянии власти и общества «в патриотическом сознании единства гражданского долга» перед необходимой самозащитой³⁷. Создавалось впечатление, что постоянные заявления о невозможности большой войны в Европе делались от страха её предчувствия, выполняли своеобразную психотерапевтическую функцию, то есть являлись самообманом. Однако эта риторика поднимала градус национал-шовинизма, которому ещё суждено было сыграть свою роль уже летом 1914 г.

По мере возможности некоторые бывшие или нынешние государственные деятели пытались предостеречь власть от ошибки провоцирования или развязывания войны. Одной из самых известных попыток, вероятно, является записка П.Н. Дурново, бывшего министра внутренних дел, члена Государственного совета, которую он подал на имя им-

³⁵ Цит. по: Хейстингс М. Первая мировая война: Катастрофа 1914 года. М., 2021. С. 33.

³⁶ Нива. Литературное и популярно-научное приложение. 1914. Февраль. № 1. С. 356.

³⁷ Нива. 1914. № 12. С. 240.

ператора в феврале 1914 г. (В историографии существуют сомнения относительно подлинности этой записки, однако, учитывая свидетельства современников, знавших о ее написании, а также тот факт, что высказанные в ней мысли были распространены в определенных слоях империи и не являются уникальным предсказанием, которое могло быть написано только «задним числом», не позволяют считать аргументы в пользу фальсификации достаточно убедительными). В своей записке Дурново предостерегал Николая II от вступления в войну с Германией, считая, что в этом случае вся тяжесть военных испытаний ляжет на Россию, вследствие чего обострятся имеющиеся социально-экономические противоречия и усилится опасность революции. Дурново был далек от панславистских настроений, поэтому даже успех в войне и территориальные приобретения считал неблагоприятными по своим последствиям, так как они привели бы к эскалации национальных конфликтов в Российской империи.

Тем не менее, признавая наличие международной напряженности, многие верили, что до большой войны дело не дойдет. Посол Франции в России М. Палеолог, в июне 1914 г. считавший большую европейскую войну неизбежной, зафиксировал в дневнике слова Николая II за две недели до начала мирового конфликта, в которых император продемонстрировал характерную ошибку рационалистического подхода в прогнозировании войны: «Несмотря на всю видимость, император Вильгельм слишком осторожен, чтобы ввергнуть свою страну в безумную авантюру... А император Франц Иосиф хочет одного – умереть спокойно»³⁸.

Сараевский выстрел усилил военную тревогу тех, кто следил за международными событиями. 13 июля Австро-Венгрия объявила мобилизацию, и в этот же день в «Минской газете-копейке» появился раздел «Накануне войны», в котором, помимо взаимоотношений Австро-Венгрии с Сербией, говорилось о распространившихся в Петербурге слухах о неизбежной мобилизации. Эти же слухи отметил в столице Палеолог: «пахнет мобилизацией», – и пришёл к выводу, что «на этот раз это война». Слухи гнали людей на улицы. 14 июля манифестация прошла в Москве на Тверской, раздавались лозунги «Долой Австрию и Германию», около полуночи толпа пыталась пройти к зданию германского консульства, но была рассеяна конными городскими³⁹. В половине первого ночи с 15 на 16 июля вышли «летучки» и «прибавления» к газетам с одним заголовком – «Война». Несмотря на поздний час, их вмиг разобрали у газетчиков на Невском. В Москве на Тверской вокруг газетчиков собралась толпа, состоявшая преимущественно из публики, вышедшей из сада «Аквариум». На следующий день посетители увеселительного сада были представлены в газетах как главные патриоты города, следящие за международной обстановкой даже по ночам. «Подъём народного духа мы видели в эти дни, – писали правые

³⁸ Палеолог М. Дневник посла. М., 2018. С. 27.

³⁹ Вечернее время. 1914. 15 июля.

корреспонденты в условиях, когда в различных частях Петербурга ещё проходили столкновения рабочих с полицией и стояли баррикады. – Он проявился во всех слоях населения, проявился неудержимым потоком, проявился с тем спокойствием и с той внушительностью, какие умеет показать в серьезные исторические минуты русский народ»⁴⁰. Основой сплочения должны были стать панславистские идеи: «Сербия, Россия, Славянство в опасности. Сплотимся все до единого для защиты достоинства наших предков. С нами Бог», – писали газеты 15 июля 1914 г. Городские власти всячески содействовали массовым патриотическим шествиям, порой присоединяясь к толпе. 15 июля в Москве помощник градоначальника В.Ф. Модль лично возглавил патриотическую манифестацию, он ехал на своем автомобиле и направлял движение масс. 16 июля в Петербурге прошёл молебен в Казанском соборе, митинг у памятника Александру III, возле сербского, английского и французского посольств. «Манифестации захватили весь город. Повсюду слышались восторженные крики, всюду царит лихорадочное возбуждение. В 5 часов дня тысячная толпа с национальными флагами и с импровизированным белым знаменем, на котором резко выступает фраза „Да здравствует Сербия!“ двинулась по Невскому к памятнику Александру III», – писала газета «Вечернее время»⁴¹.

Социалисты считали, что в эти дни суворинское «Вечернее время» чуть не стало печатным органом «союзников» (членов «Союза русского народа» и сочувствующих). Именно перед зданием редакции «Нового» и «Вечернего времени» собирались группы «патриотов». «Панславистские круги... принялись за „работу“. Уличная и полулиберальная пресса готовила почву для патриотических манифестаций. Последние ждали себя не заставили и стали „стихийно“ рождаться в центральных частях города и заканчивались в первые дни у сербского посольства... „Стихийно“ выносились заранее спрятанные флаги, плакаты, портреты царя, и под охраной усиленного наряда конной полиции совершали хождение по „союзникам“, – вспоминал большевик А.Г. Шляпников⁴². Кадет Н.И. Астров, описывая московские ночные манифестации 17 июля, также обращал внимание, что они проходят под контролем полиции: «По вечерам на улицах ходят толпы рваного народа с флагами, с пением гимна и криками „ура“. Это патриотические манифестации, покровительствуемые полицией. Толпы ведут себя пока чинно»⁴³. Некоторые убеждённые монархисты не менее скептически воспринимали патриотизм тех дней. Доцент Юрьевского университета Б.В. Никольский записал в дневнике 18 июля: «Что касается манифестаций, то к ним я равнодушен. Это все бутафория»⁴⁴.

⁴⁰ Вечернее время. 1914. 15 июля.

⁴¹ Вечернее время. 1914. 16 июля.

⁴² Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года... С. 49.

⁴³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 990. Л. 939.

⁴⁴ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. СПб., 2015. Т. 2: 1904–1918. С. 195.

Эмоции захлёстывали современников и затрудняли рациональное восприятие действительности. В этих условиях усиливалось значение стихийных факторов, в информационном пространстве – настоянных на страхах слухов, нервировавших общество и проникавших даже в правительство. Слухи сыграли роль триггера в развязывании мировой войны. Не желая усугублять конфликт с Германией, Николай II подписывает указ о проведении частичной мобилизации 4 военных округов, хотя против этого выступали некоторые генералы. Начальник Генерального штаба 46-летний Н.Н. Янушкевич просидел с 16 по 17 июля у телефона в своём кабинете, собирая различные сведения о действиях Германии. Решающими для его настроения оказались два слуха, как впоследствии выяснилось, не соответствовавшие действительности: якобы о том, что Германия 17 июля тайно объявила всеобщую мобилизацию (этот слух распространялся и в самом Берлине, нервность населения которого соответствовала атмосфере в российской столице), а также о том, что германский флот двинулся в сторону Финского залива и один из кораблей подорвался на mine. Эти слухи укрепили Янушкевича во мнении о необходимости всеобщей мобилизации, в чём он сумел убедить Николая II. 18 июля приказ о всеобщей мобилизации появился на улицах российских городов. Вильгельм II ожидаемо воспринял всеобщую мобилизацию в России как угрожающую безопасности Германии, выдвинул Николаю II ультиматум с требованием отменить мобилизацию, а после отказа это сделать 19 июля объявил России войну.

Начало Первой мировой войны ознаменовалось очередным витком патриотической истерии, которой были охвачены образованные слои всех стран-участниц. Однако в великодержавном хоре патриотов чувствовался плохо скрываемый страх и национальные комплексы, обиды, формировавшиеся в предшествующие десятилетия в условиях научно-технической революции, усиления социальных конфликтов и возраставшей эмоциональности городского социума, что характеризовало смену эпох, переход от традиции к модерну. Война в известной степени была порождением коллективных эмоций ресентимента, начинавших определять политику. Имперские амбиции, не соответствовавшие политическим реалиям, рождали чувство ущемления национальной гордости, национальной травмы, что требовало компенсации через воинственную риторику. Развивавшаяся тревожность порождала чувство беспомощности у политиков и ощущение неизбежности приближающейся катастрофы. При этом складывалась парадоксальная ситуация, когда алармистские призывы в художественной литературе, публицистике сами повышали вероятность её начала, как будто способствуя самореализации предсказаний. Американский социолог Р. Мертон, один из авторов теории «самоосуществляющегося пророчества» (предсказание, воспринимаемое людьми как истинное, будет влиять на их поведение таким образом, что их поступки сами приведут к осуществлению этого пророчества, вне зависимости от того, направлены они на его предотвращение или нет), в качестве примера верности своей теории приводил ситуацию, когда предчувствие войны, вызывающее всеобщее во-

оружие и воинственную риторику, способствует её реальному началу⁴⁵. Это обнаруживается и в истории начала Первой мировой войны, когда печать способствовала формированию взаимных коллективных предрассудков, а патриоты-великодержавники в очередной «битве патриотизмов» угрожали применением оружия, пытаясь скрыть за мессианско-имперскими идеями национальные травмы. С.Д. Сазонов вспоминал, что война с определённого момента казалась некоторым европейским политикам предопределённой, неотвратимой, и они, «скрестив руки, пассивно смотрели на её приближение»⁴⁶.

Список литературы:

1. Беликов П.Ф. Рерих и Горький // Труды по русской и славянской филологии. XIII: Горьковский сборник / Отв. ред. З.Г. Минц. Тарту, 1968. – 283 с. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 217).
2. Булдаков В.П. У истоков Первой мировой войны: смута в европейских умах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2022. № 2 (62). С. 5–27.
3. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., Новый хронограф, 2015. – 721 с.
4. Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – 414 с.
5. Лебон Г. Вчера и завтра. Сжатые мысли / Пер. с фр., предисл., примечания В. Скибы. М.: МАКС Пресс, 2016. – 176 с.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873, [7] с.
7. Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / пер. с нем. Н. Штильмарк; под науч. ред. С. Ташкенова; вступ. слово С. Ташкенова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 552 с.
8. Стейнберг М. Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 202–226.
9. Хейстингс М. Первая мировая война: Катастрофа 1914 года. М.: Альпина нон-финшн, 2021. – 692 с.

Об авторе:

АКСЕНОВ Владислав Бэнович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории, РАН (Россия, 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: vlaks@mail.ru

⁴⁵ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 608.

⁴⁶ Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск, 2002. С. 170.

PUBLIC SENTIMENTS IN RUSSIA ON THE EVE OF THE GREAT WAR: FROM NATIONAL TRAUMA TO WAR ANXIETY AND PATRIOTIC EUPHORIA

V.B. Aksenov

Institute of Russian History RAS, *Moscow, Russia*

The article examines the mental mechanism of genesis of the war, through the prism of artistic and publicistic texts, mass rumors, visual images - the factors which shaped the public mood, in which the anticipations of the World War were ripening. The author draws attention to the spread of the emotions of resentment that masked the national trauma of the Russian-Japanese War and the 1905-1907 Revolution. In 1913-1914 the public mood was characterized by a mixture of war anxiety and patriotic euphoria, which increased the importance of rumors and strengthened the importance of the emotional factor in politics. In particular, this can be seen in the mechanism of decision-making on the general mobilization, in which rumors played a significant role.

Keywords: *World War I, public mood, national trauma, war anxiety, patriotic euphoria, futurology.*

About the author:

AKSENOV Vladislav Benovich – Doctor of History, Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Russia, 117036, Moscow, Dm. Ulyanov, 19), e-mail: vlaks@mail.ru

References:

- Belikov P.F., *Rerih i Gor'kij*, «Gor'kovskij sbornik», Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. XIII. Tartu, 1968.
- Buldakov V.P., *U istokov Pervoj mirovoj vojny: smuta v evropejskih umah*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya». 2022, № 2(62), S. 5–27.
- Buldakov V.P., Leont'eva T.G., *Vojna, porodivshaya revolyuciyu*. M., 2015.
- Gurnyj M., *Velikaya vojna professorov. Gumanitarnye nauki. 1912–1923*, SPb., 2021.
- Lebon G. *Vchera i zavtra. Szhatye mysli*. M., 2016.
- Merton R., *Social'naya teoriya i social'naya struktura*, M., 2006.
- Radkau J., *Epoha nervoznosti. Germaniya ot Bismarka do Gitlera*, M., 2017.
- Stejnberg M., *Melanholiya Novogo vremeni: diskurs o social'nyh emociyah mezhdv dvumya revolyuciyami*, Rossijskaya imperiya chuvstv: Podhody k kul'turnoj istorii emocij. Sbornik statej, M., 2010, S. 202–226.
- Hejstings M., *Pervaya mirovaya vojna: Katastrofa 1914 goda*, M., 2021.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.

УДК 94(470)

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.025–048

ОСЕНЬ 1993 Г.: ПОСЛЕДНИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ¹

Ф.В. Малхозова

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Осенью 1993 г. противостояние сторонников президента Б. Ельцина и Верховного Совета переросло в вооружённый конфликт. Россия вышла из состава Советского Союза росчерком пера, но становление новой формы государственности не свершилось бескровно. Разрушение тоталитарной системы происходило в отсутствие развитой политической демократической инфраструктуры, что непосредственно повлияло на становление нового политического режима. Несмотря на утвердившееся представление о Верховном Совете как о парламенте, в действительности советская система не предусматривала разделения властей. Включение в существующую систему всенародно избранного президента привело к их конфликту, которое переросло в вооружённое противостояние. Ключевое значение в разрешении кризиса имела позиция армии и министра обороны. Но не менее важной была реакция субъектов федерации.

Ключевые слова: *Съезд народных депутатов, Верховный Совет, Советы, Ельцин, Хасбулатов, Руцкой, расстрел Белого Дома, 1993, политический кризис, государственный переворот, парламент.*

В истории современной России небольшой период 1992–1993 гг. имеет определяющее значение. Именно тогда происходили радикальные реформы в экономике. Но не меньшее значение имеют политические события, которые не только разрушили систему советской власти, но и обусловили вектор государственного развития. Россия вышла из состава Советского Союза росчерком пера, но становление новой формы государственности не свершилось бескровно. Разрушение тоталитарной системы происходило в отсутствие развитой политической демократической инфраструктуры, что непосредственно повлияло на становление нового политического режима. Несмотря на утвердившееся представление о Верховном Совете как о парламенте, в действительности советская система не предусматривала разделения властей. Россия перестала быть советской, но сохранила советскую Конституцию, согласно которой Верховный Совет был законодательным, распорядительным и контролирующим органом власти. Включение в советскую систему всенародно избранного президента привело к их неизбежному конфликту.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Фонда «История Отечества».

Наращение противоречий шло на протяжении всего 1992 г., вылившись на седьмом Съезде народных депутатов России в открытый конфликт. Участниками противостояния с одной стороны стали президент Б. Ельцин, его администрация и правительство, с другой – Председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов, вице-президент А. Руцкой и Председатель Конституционного суда В. Зорькин. Если в основе противостояния лежали начавшиеся в январе 1992 г. радикальные экономические реформы, то в 1993 г. предметом острой борьбы стала концепция новой Конституции и её система власти: парламентская или президентская. Противостояние Верховного Совета и президента, в орбиту которой постепенно втягивались разные уровни власти, привело к острому политическому кризису. К августу 1993 г. все формы компромисса, включая референдум, были пройдены. Последним стало Конституционное совещание для выработки единого проекта Конституции, которое не изменило ситуацию. Каждая сторона подготовила свой проект Конституции, но «президентский» мог быть принят только вопреки Верховному Совету, «парламентский» только вопреки президенту. Вирус конфронтации из столичных кабинетов распространялся по стране, вовлекая в нее местные органы власти. На Урале полным ходом шла подготовка к созданию Уральской республики, Татарстан и Чечено-Ингушетия, отказавшись подписать федеративный договор, вели собственную политику, да и другие регионы приступили к формированию своей правовой базы без оглядки на Центр.

Возможность насильственного роспуска съезда и Верховного Совета рассматривалась в политических кругах с начала 1993 г. Окончательное решение было принято летом. По воспоминаниям А. Чубайса, в августе у Б. Ельцина «произошёл какой-то сдвиг, переоценка ситуации. Он понял, что дальше надо идти вперёд, не останавливаться, а дожимать до конца»².

14 сентября на открытии заседания Президентского совета в Большом Кремлевском дворце Б. Ельцин заявил: «Преодоление двоевластия – это важное условие для оздоровления экономики, укрепления правопорядка, и даже нравственного возрождения»³. После заседания пресс-секретарь РФ В. Костиков сообщил журналистам, что разрешить конституционный кризис с нынешним составом парламента не представляется возможным, но отметил, что «жесткие действия не обязательно должны носить нецивилизованный характер»⁴.

По признанию Б. Ельцина, в начале сентября решение о роспуске было им уже принято. О планах президента первым узнал его помощник В. Илюшин, перед которым Ельцин поставил задачу юридического обеспечения указа о роспуске Верховного Совета и съезда. Илюшин отреагировал

² Авен П., Кох А. Революция Гайдара. М, 2013. С. 108.

³ Кузнецова В. Осенью парламентских выборов не будет // Независимая газета. 15 сентября 1993. С. 1.

⁴ Там же.

спокойно, «будто получил задание подготовить указ о заготовке кормов к грядущей зиме»⁵.

Первое обсуждение проекта указа о роспуске Верховного Совета и съезда состоялось 12 сентября в Старо-Огареве, куда Б. Ельцин пригласил А. Козырева, П. Грачёва, В. Ерина, Н.М. Голушко. Пригласили всех ключевых министров, кроме В. Черномырдина, который в это время возвращался из США⁶. Указ одобрили все участники совещания, спорили лишь о дате роспуска. Сначала выбрали 19 сентября, понедельник. Но подумав, решили это сделать на день раньше, в воскресенье, чтобы без осложнений перекрыть входы в здание и не пустить депутатов на работу. Кроме того, 19 число вызывало прямые аналогии с 19 августом 1991 г.

13 сентября президент встретился с Черномырдиным. Он сообщил ему о принятом решении и показал проект указа, на котором уже стояли подписи четырёх министров. Прочитав, В. Черномырдин «размашисто расписался»⁷. Руководителя своей администрации С. Филатова президент решил пока оставить «в счастливом неведении» и ввести в курс дела ближе к событиям. Но, по словам Коржакова, Филатову о готовящемся указе сообщил министр обороны П. Грачёв. Филатов выступил с резкой критикой указа, предсказывая катастрофические последствия: «Демократии конец! Всему конец! Начнется гражданская война»⁸. Но его никто не слушал.

Ещё одно совещание в узком кругу состоялось 16 сентября в президентской резиденции Завидово, куда пригласили министра обороны П. Грачёва и начальника Главного управления охраны М. Барсукова для уточнения деталей предстоящего события⁹. Намеченную дату – 18 сентября – пришлось снова перенести, в этот раз на 21 сентября. Информация о запланированном мероприятии утекла из кабинетов президента. Встревоженные невероятными слухами депутаты не покидали Белый Дом даже в воскресенье.

Важная роль в планах президента отводилась еще не созданному Совету Федерации. С этой целью 18 сентября в Георгиевском зале Кремля собрались 134 из 175 руководителей регионов. Отсутствовали, в частности, М. Шаймиев, К. Илюмжинов, А. Тулеев, Ю. Лодкин и ряд других влиятельных политиков¹⁰. Помимо Б. Ельцина, присутствовали С. Шахрай, который представлял правительство, Н. Рябов от Верховного Совета, руководитель Администрации президента С. Филатов и некоторые члены Конституционного Суда. Главной целью мероприятия являлось учреждение Совета Федерации, но достичь её не получилось. Причиной участники называли неподготовленность документов – Положение о Совете Федерации и его

⁵ Ельцин Б. Записки президента. М., 2006. С. 393.

⁶ Коржаков А. Борис Ельцин: От рассвета до заката. М., 1997. С. 155

⁷ Ельцин Б. Указ. соч. С. 399.

⁸ Коржаков А. Указ. соч. С. 158

⁹ Там же. С. 156

¹⁰ Румянцев О. Конституция девяносто третьего. История явления. М., 2013. С. 247.

Регламент¹¹. Несмотря на весьма существенные полномочия, заложенные в проекте, неожиданно для президента руководители регионов критически восприняли Соглашение об образовании Совета Федерации. Следующее заседание назначили на октябрь.

В этот же день Р. Хасбулатов провел в парламентском центре встречу представителей Советов всех уровней. Встреча оказалась на страницах всех газет благодаря выходке спикера. Стоя на трибуне, он фамильярно заявил: что взять с нашего президента? Он ведь у нас русский мужик и под этим делом (многозначительно щелкнув себя по горлу) подпишет любой указ. Выступление вызвало резонанс в СМИ.

21 сентября в полдень Б. Ельцин пригласил в Кремль В. Черномырдина и трёх силовых министров: Н. Голушко, П. Грачёва, В. Ерина. К эту времени уже было ясно, что взять Белый Дом не удастся. Чтобы максимально ослабить влияние Верховного Совета на регионы, было принято решение отключить всю городскую и правительственную связь в здании. Генералу А. Старовойтову было дано распоряжение после начала трансляции обращения президента в 20 часов 01 минуту отключить в Белом доме все телефоны.

Запись телеобращения была назначена на 5 часов вечера. Прибывших в Кремль телевизионщиков ввели в курс дела. В четвертой комнате Кремля начали устанавливать камеры и расставлять оборудование. Но когда все уже было готово, выяснилось, что не работает телесуфлер, с которого президент должен был читать своё обращение. Текст никак не появлялся на экране, а когда загрузился, строчки полетели с бешеной скоростью. Инженеры засуетились, пытаясь наладить оборудование. По признанию Ельцина, эта обычная житейская ситуация, когда в самый ответственный момент, особенно в присутствии начальников, техника ломается, сняло его напряжение¹². Закончив приготовления, все, кто непосредственно не был связан с записью, вышли из кабинета, и президент приступил к своему докладу. Всю телевизионную бригаду попросили не уезжать из Кремля до восьми вечера и пригласили на ужин. А Ельцин уехал смотреть своё обращение домой.

Вечером того же дня в 17:30 было созвано срочное заседание Президиума Верховного Совета с участием представителей прессы. Поводом для собрания стали «опасные движения внутренних частей», которые, согласно заявлению Хасбулатова, были зафиксированы в ночь с субботы на воскресенье. По словам спикера, он потребовал объяснений у заместителя Министра внутренних дел о том, почему в Москву введены войска, в том числе дивизии Дзержинского. Ему ответили, что это вызвано нападением крупной банды на банк. Не удовлетворившись таким объяснением, Ю.М. Воронин связался с Центральным банком, где «высмеяли эту идею».

¹¹ Кузнецова В. Новый раунд политической борьбы в Москве: никто никому не верит // Независимая газета. 21 сентября 1993. С. 1

¹² Ельцин Б. Указ. соч. С. 410.

Тогда возникла версия об учениях вокруг гостиницы «Москва», выступавшей в качестве «Белого дома», на которой отрабатывали способы блокировки и другие маневры. Членов президиума возмущало, что все «учения» шли с грубым нарушением закона о милиции, об обороне и других постановлений, в соответствии с которыми требовалось ставить в известность представительные органы власти – Верховный Совет¹³.

Тем временем кассету с записью выступления президента автомобиль с охраной отвёз в «Останкино», где его ждал глава телерадиокомпании В. Брагин. В 20:00 президент Б. Ельцин в телевизионном обращении к гражданам России объявил о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета и объявил выборы в новый орган законодательной власти – Федеральное Собрание. Выборы были назначены на 11–12 декабря 1993 г., в то же время Ельцин согласился на досрочные выборы президента после начала работы Федерального собрания.

Во второй части указа № 1400 была подробно расписана конституционная реформа «по этапам»: до какого числа сотрудникам аппарата Белого Дома следует находиться в отпуске (до 13 декабря 1993 г. с сохранением содержания), что надо делать Совету министров, забирая имущество Верховного Совета, как себя вести Конституционному суду (не созывать заседания), кому подчиняться Центробанку (президенту) и кто назначает генерального прокурора (президент).

21 сентября в 22:00 собрался Президиум Верховного Совета с участием представителей прессы. Первым слово было предоставлено руководителю юридической службы Верховного Совета С.В. Володину, который констатировал, что президент использовал свои полномочия для приостановления деятельности законно избранных органов власти, что в соответствии со статьей 121–6 Конституции России влекло немедленное прекращение его полномочий¹⁴. Хасбулатов отметил «совершенно ясный и очевидный факт государственного переворота» и призвал президиум принять соответствующий документ о переходе полномочий к вице-президенту Руцкому. Президиум принял решение немедленно созвать сессию Верховного Совета. Руководство Верховного Совета выступило с обращением к гражданам России, в котором призвала выступить против антиконституционных действий президента и его окружения¹⁵.

После обращения президента перед Белым домом начали собираться митингующие¹⁶. В здании отключили правительственную связь. Спикер призвал действовать энергично в деле обороны Белого дома, которую возглавил генерал-полковник В. Ачалов. 23 сентября «Российская газета» – официальный рупор Верховного Совета – вышла под заголовком «Прези-

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1666. Л. 5

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 26. Л. 19

¹⁵ Там же. Д. 50. Л. 2–2 об.

¹⁶ Дроздов С. Экстренное сообщение о государственном перевороте: Борис Ельцин распустил съезд и парламент // Новая ежедневная газета. 22 сентября 1993. С. 1

дент растоптал Конституцию»¹⁷. На следующий день газету запретили. Новый номер газеты вышел уже 5 октября.

В 00:00 часов 22 сентября начала работу седьмая сессия Верховного Совета. По предложению Р. Хасбулатова вице-президент А. Руцкой занял президентское место. Под аплодисменты депутатов было принято постановление о прекращении полномочий президента с 20 часов 00 минут 21 сентября 1993 г. Следующим постановлением А. Руцкой был назначен исполняющим обязанности президента. Он принёс присягу на Конституции и зачитал свой указ № 1 о мерах по пресечению антиконституционной деятельности. В ответ на провозглашённые в президентском указе положения Хасбулатов принял свои контрмеры: Центробанку было запрещено финансировать органы исполнительной власти без разрешения Верховного Совета¹⁸, были намечены выборы президента России через три месяца и «проведён тест на лояльность» генерального прокурора В. Степанкова. Генеральный прокурор заверил Верховный Совет, что «прокуратора будет действовать исходя из признанной и законной Конституции и того закона о прокуратуре, который вы приняли»¹⁹. Ещё одним ключевым решением Верховного Совета стало постановление о созыве десятого чрезвычайного Съезда народных депутатов Российской Федерации с повесткой дня «О политическом положении Российской Федерации в связи с совершенным государственным переворотом»²⁰.

После перерыва, в два часа ночи председатель Конституционного Суда В. Зорькин огласил заключение Конституционного суда о том, что указ президента № 1400 от 21 сентября 1993 г. и его Обращение к гражданам России нарушили ряд статей Конституции и являлись основанием для отрешения Ельцина от должности²¹. Решение было поддержано аплодисментами.

А. Руцкой «ввиду полного неподчинения» его приказам попросил Верховный Совет заменить министров безопасности и обороны. Выбор новых министров свидетельствовал о непостоянстве политической конъюнктуры. Министром обороны стал В. Ачалов, участник ГКЧП, которому удалось избежать заключения. Новым министром безопасности был назначен В. Баранников, активно противостоявший ГКЧП в августе 1991 г. Летом 1993 г. Баранников стал одной из жертв коррупционного скандала, устроенного Руцким, и был уволен за «серьёзные недостатки в работе». На место министра внутренних дел В. Ерина Верховный Совет назначил его бывшего заместителя А. Дунаева.

Белый дом взяла в осаду милиция. Защитники Верховного Совета окружили себя баррикадами. Первая линия обороны состояла из ведомственной охраны Верховного Совета. После неё шла линия из вооружён-

¹⁷ Президент растоптал Конституцию // Российская газета. 23 сентября 1993. С. 1.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 2 7. Л. 21

¹⁹ Там же. Л. 30.

²⁰ Там же. Д. 1. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 27. Л. 45.

ных штатских. По мнению депутата А. Захарова, именно им позже могли раздать оружие, которое хранилось в управлении охраны²². Защитники Белого дома построили импровизированные баррикады из колючей проволоки, арматуры и прочих подручных средств. В воздухе повеяло революцией. Одновременно, стоило отойти в сторону Арбата, текла обычная жизнь, работали коммерческие ларьки, повседневность чувствовалась во всём. По словам того же А. Захарова, «Пахло кровью, пахло гражданской войной, но обществу все это было абсолютно до фонаря»²³.

Несмотря на оснащение Белого дома инженерными системами горячего и холодного водоснабжения, канализации, внутренних водостоков и дренажных устройств, из-за отсутствия электричества всё перестало функционировать. Остановились 49 пассажирских лифтов, а 1156 служебных комнат и 32 зала площадью 167 тысяч квадратных метров погрузились в мрак²⁴. В подвале Белого дома находился бункер, предназначенный для руководства. Два дизельных генератора, система кондиционирования воздуха, водоснабжение из артезианской скважины, а также запас продовольствия обеспечивали существование там на довольно длительное время. Из бункера по туннелю можно было выйти к рельсам метро, и, вероятно, этим путем можно было доставлять всё необходимое²⁵. Жить под землёй было безопасно. Но Хасбулатов не стал закрываться в бункере.

Помимо Белого дома, отдельного внимания президента был удостоен Конституционный суд. 23 сентября МВД сняло внешнюю охрану здания. Председатель Конституционного суда В. Зорькин был лишён возможности пользоваться телефонной связью с регионами через спецкоммуникатор, а в его служебном автомобиле была отключена радиосвязь²⁶.

В окружении оказался и Центробанк, который взял в кольцо ОМОН. Первоначальный план Ельцина заключался в том, чтобы сместить В. Геращенко с поста председателя Центробанка и назначить вместо него министра финансов Б. Фёдорова. Но этому решительно воспротивился премьер-министр В. Черномырдин²⁷. Президент с ним согласился, но на своих условиях. Переподчинение Центробанка президенту России потрясло не только В. Геращенко, который оказался в подчинении у своего жёсткого оппонента министра финансов Б. Фёдорова, но и финансовые рынки. Удивительным образом в тот момент, когда здание окружил ОМОН, валютные резервы Центробанка «исчерпались», и он прекратил валютные интервенции для поддержания курса рубля. Прекращение валютных интервенций «в связи с политической нестабильностью», осуществленное 22 сентября, привело к

---

²² Окрест Д., Кувалдин С., Бузев Е. Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 гг. М., 2021. С. 130

²³ Там же.

²⁴ Дроздов С. В Белом доме уже жить нельзя. Можно жить под ним // Независимая газета. 29 сентября 1993. С. 1

²⁵ Там же.

²⁶ Остапчук А. Конституционный суд // Независимая газета. 24 сентября 1993. С. 1

²⁷ Ельцин Б. Указ. соч. С. 412

скачку доллара до 1102 руб., на следующий день курс взлетел до 1297 руб.²⁸. Таким образом, политическая нестабильность была усилена экономической нестабильностью. Прекращение валютных интервенций было одним из пунктов соглашения, заключенного в свое время Геращенко с Фёдоровым. Поэтому нельзя было исключать, что Геращенко действовал не по своей инициативе, а по указанию Фёдорова.

Совет Министров поручил Центральному банку с 22 сентября провести комплекс согласованных с Министерством финансов мер по защите национальной валюты России. Кроме того, Центробанк должен был проводить операции по счетам Верховного Совета РФ и подведомственных ему организаций и предприятий только по согласованию с Министерством финансов. До 1 октября 1993 г. было поручено перечислить в республиканский бюджет Российской Федерации 200 млрд руб. из прибыли по отчёту за 1992 г.²⁹ Пенсионный фонд РФ также переходил с 22 сентября из подчинения Верховному Совету в подчинение Совету Министров и должен был осуществлять свою деятельность на основании бюджета, согласованного с Министерством финансов.

Президентский указ привёл к окончательному расколу в руководстве Верховного Совета. Утром 23 сентября первым на трибуну зала заседаний вышел заместитель председателя Верховного Совета Н. Рябов и заявил, что указ президента о поэтапной конституционной реформе позволит решить затянувшийся кризис властей, поэтому он просит снять с него полномочия заместителя спикера парламента³⁰. На следующий день Б. Ельцин назначил его председателем Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Вслед за Рябовым о своей отставке объявил председатель Комитета по обороне и безопасности С. Степашин, затем ушёл председатель Комиссии по бюджету, планам, налогам и ценам А. Починок. 23–24 сентября заявление о своей отставке на имя Председателя Верховного Совета написали председатель Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям Е. Амбарцумов³¹ и председатель Комиссии по культуре Совета Республики Ф.Д. Поленов³².

Президент заново утвердил В. Степанкова в должности генерального прокурора, что стало шоком для депутатов, которые видели генерального прокурора в «своей команде». Особенно после того, как В. Степанков заявил народным депутатам, что коллегия прокуратуры решила, что против президента Б. Ельцина невозможно возбудить уголовное дело, так как он сохраняет статус неприкосновенности и отрешить его от должности может только съезд двумя третями голосов. «Я вижу, Генеральный прокурор скорее настроен на подписание постановления о задержании депутатов, а не истинных преступников», – прокомментировал новость Хасбулатов³³.

²⁸ Горский Ю. Геращенко наносит удар // Независимая газета. 24 сентября 1993. С. 1

²⁹ Там же.

³⁰ Родин И., Колбасюк В. Парламент // Независимая газета. 24 сентября 1993. С. 1

³¹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 42. Л. 28.

³² Там же. Л. 31.

³³ Куцылло В. Записки из Белого Дома. 21 сентября – 4 октября 1993. М., 1993. С. 27

Коллегия Министерства обороны немедленно выразила поддержку президенту, что на следующий день подтвердил своим постановлением П. Грачёв. Что касается министерства безопасности, то оно было фактически разоружено в последние дни руководства В. Баранникова, у него отняли все военизированные структуры. Коллегии трёх силовых министерств оказали жёсткое сопротивление попыткам поставить свои организации под контроль новых министров, назначенных А. Руцким³⁴.

В то же время, по расчётам аналитиков Верховного Совета, как на силовую структуру команда президента могла рассчитывать только на Кремлёвский полк личной охраны (более 10 тысяч прекрасно вооружённых и обученных людей, верных лично президенту), московский ОМОН и, возможно, дивизию Дзержинского. По информации, поступившей в Белый дом, после некоторых колебаний в первую ночь после объявления указа №1400 дивизия вернулась в зону постоянной дислокации³⁵.

Социально-политическая обстановка в регионах

Социально-политическая обстановка в стране после обращения президента в целом оставалась спокойной. В большинстве регионов малые советы выступили с поддержкой Верховного Совета, но реакция на местах тем не менее была неоднозначной. На следующий день после объявления о конституционной реформе на заседании президиума Верховного Совета Хакасии и правительства было объявлено о поддержке Верховного Совета России, а указ Ельцина признан грубо нарушающим Конституцию. Совет Федерации профсоюзов республики осудил экономическую политику президента России, потребовав провести перевыборы всех ветвей власти³⁶. 22 сентября малые Советы Барнаула, Благовещенска, Кемерово, Краснодара, Петропавловска-Камчатского, Сахалина признали указ президента неконституционным. В Иркутске 22 сентября сессия Советов не состоялась из-за отсутствия кворума. С осуждением указа президента здесь выступили представители профсоюзов и вузовской интеллигенции³⁷. Происходящие события стали важнейшей темой для обсуждения в государственных структурах и общественных объединениях Республики Татарстан. Лидеры национальных структур демонстрировали непричастность республики к «российским распрям». Была достигнута договоренность избегать проявления какой-либо реакции по этому поводу³⁸. В центре Казани состоялся кратковременный митинг сторонников и членов коммунистической партии численностью около 30 человек, на котором действия президента были расценены как попытка государственного переворота.

23 сентября в г. Уфе прошла внеочередная сессия Верховного Совета республики, которая приняла постановление о приостановке на территории

³⁴ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 48. Л. 7.

³⁵ Там же. Л. 6.

³⁶ Там же. Д. 65. Л. 65.

³⁷ Там же. Л. 66.

³⁸ Там же. Л. 67.

Башкортостана как действия указа президента от 21 сентября, так и постановлений Верховного Совета РФ об импичменте президента России и назначении исполняющим обязанности президента А. Руцкого³⁹. Башкирские национальные организации воздержались от публичной оценки происходящих событий.

Обстановка в Республике Карелия не претерпела существенных изменений и оставалась стабильной. «В связи с решением Конституционного суда» о неконституционности указа президента Президиум Верховного Совета Карелии признал его не действующим на территории Карелии⁴⁰. Во всех документах, принятых органами власти и управления Республики Карелия подчёркивалось, что она остается суверенной республикой в составе Российской Федерации, и главная её задача – сохранение стабильной социально-политической обстановки в регионе.

В Волгограде указ президента основными политическими партиями и общественными силами был воспринят неоднозначно. По городу распространялись слухи о запрещении деятельности политических партий. Известный своими радикальными взглядами главный редактор местной газеты «Колокол» Тереньтев призывал своих единомышленников: «пока власти дерутся, наша задача взять все в свои руки и определить свой порядок вместе с монархистами»⁴¹. Курсирующие слухи, что президент может призвать казачество поддержать его жесткую линию, воспринимались равнодушно, так как «многие утратили веру в него как в лидера страны»⁴². Прокommунистические силы провели у здания областной администрации антипрезидентский митинг, собравший около 150 человек. Большинство жителей области практически придерживалось позиции: «пусть всё решается в Москве, нам необходимо заботиться о себе».

В Коми президентский указ, согласно сводкам оперативной информации МВД, заметного влияния на социально-политическую обстановку в республике не оказал, не наблюдалось и всплеска общественно-политической активности. По инициативе лидеров рабочего движения, однозначно высказывающихся в поддержку президента, в шахтерских коллективах Воркуты прошли обсуждения сложившегося положения. Но никаких решений о «силовых методах воздействий на оппонентов не было принято». Это несмотря на то, что Исполком федерации независимых профсоюзов работников нефтегазовой промышленности России и президиум Мосгорсовета прислали в адрес нефтяников республики телеграммы, в которых указывали на неконституционность принятых президентом решений и предлагали начать подготовку к забастовочным акциям протеста⁴³.

В Екатеринбурге и Свердловской области после обращения президента сохранялась «спокойная рабочая обстановка». Малая родина прези-

³⁹ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 65. Л. 99.

⁴⁰ Там же. Л. 74.

⁴¹ Там же. Л. 65.

⁴² Там же. Л. 66.

⁴³ Там же. Л. 74.

дента была занята созданием Уральской республики. На совещании с членами правительства области глава администрации Э. Россель выразил надежду, что противостояние двух ветвей власти не выплеснется за пределы Москвы и заявил о необходимости соблюдать спокойствие и порядок. Среди первоочередных задач были названы уборка урожая, обеспечение города теплом, подготовка к сессии облсовета по вопросу создания Уральской Республики⁴⁴.

Из действующих в Свердловской области политических организаций о своей позиции в первые же дни заявили только две. «Фонд поддержки первого Президента» принял обращение к гражданам России с призывом поддержать президента и начать подготовку к парламентским выборам. Областной комитет коммунистической партии, напротив, выступил с осуждением действий главы государства и призвал к немедленному созыву Съезда народных депутатов.

В Красноярске на совместном заседании администрации края и членов краевого совета было выражено мнение о необходимости проявления выдержки обеими ветвями власти для сохранения социально-политической стабильности. В Магадане сессии областного и городского Советов обозначили свою нейтральную позицию⁴⁵. Практически во всех районных центрах Ставрополья реакция населения на политические события в стране была нейтральной. Каких-либо антиобщественных проявлений и других негативных действий не было отмечено. Сентябрьские события среди населения Хабаровского края вызвали «недоумение и обеспокоенность»⁴⁶. Во многих трудовых коллективах прошли совещания, на которых трудящихся призывали воздержаться от каких-либо акций протеста.

23 сентября экспертами Ростовской независимой социологической службы «Коалиция молодежных сил Дона» был проведён телефонный опрос жителей Ростова, который показал, что 69 % ростовчан высказались в поддержку президента Ельцина⁴⁷. 24 сентября московское отделение ВЦИОМ провело экспресс-опрос 1245 жителей столицы. Согласно данным опроса, 41 % москвичей считали, что в конфликтной ситуации, сложившейся в стране, «закон на стороне Ельцина», 18 % – на стороне Верховного Совета, 28 % полагали, что деятельность и той, и другой стороны незаконна⁴⁸. При таком раскладе одновременные выборы представлялись наилучшим выходом.

В целом, если подводить общий итог, следует отметить, что указ президента о поэтапной конституционной реформе наибольший резонанс вызвал в органах государственной власти, да и те в большинстве выбрали позицию дистанцирования от противостояния в центре с акцентом внимания на решение местных проблем. Социально-политическая обстановка в реги-

---

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 65. Л. 82.

⁴⁵ Там же. Л. 68.

⁴⁶ Там же. Л. 75.

⁴⁷ Там же. Д. 66. Л. 46.

⁴⁸ Там же. Л. 33.

онах России сохранялась спокойной. В общественных настроениях прева-лировало мнение о необходимости мирного разрешения кризиса и одно-временных выборах обеих структур власти.

Съезд

Традиционно Съезд народных депутатов России проходил в Большом Кремлевском дворце. Но там уже несколько месяцев шла реконструкция, и ещё летом при обсуждении возможного созыва съезда среди мест, где его можно было бы разместить, стал фигурировать Таврический дворец в Пе-тербурге, более пригодный к нему, чем Парламентский центр на Цветном бульваре⁴⁹.

23 сентября в 22 ч. начал работу десятый чрезвычайный Съезд народных депутатов Российской Федерации. В секретариат съезда был представлен список из 38 народных депутатов, отказавшихся приехать на съезд⁵⁰. Среди них народный артист СССР О. Басилашвили, президент Якутии М. Николаев, президент Калмыкии К. Илюмжинов и другие. В де-путатском корпусе насчитывалось 1037 депутатов. Более чем в 30 округах депутатские мандаты были вакантными⁵¹, полномочия ряда депутатов бы-ли прекращены по разным причинам. К открытию съезда прибыли 638 народных депутатов, Хасбулатов объявил кворум, и съезд начал свою ра-боту⁵². По расчётам президентской стороны, кворум составлял 693 депута-та, и провозгласил съезд нелегитимным. Разница в расчетах объяснялась тем, что Верховный Совет считал от 941 народного депутата без учёта пе-решедших на работу в органы исполнительной власти, хотя это решение ещё предстояло утвердить самому съезду⁵³. Депутаты продолжали прибы-вать, к 27 сентября в списке зарегистрированных депутатов были отмечены 694 депутата. 28 сентября депутатов, А. Селиванова и В. Байкалова, к Дому Советов уже не пустила милиция⁵⁴. Их имена в список регистраций под номерами 695 и 696 были дописаны карандашом.

На рассмотрение съезда был вынесен вопрос «О политическом поло-жении в Российской Федерации в связи с совершенным государственным переворотом». С докладом выступил Р. Хасбулатов, который сообщил де-путатам, что 21 сентября президент РФ Б.Н. Ельцин совершил государ-ственный переворот, в стране провозглашена диктатура, «отменено наро-довластие, введена жесткая политическая цензура на средства массовой информации»⁵⁵. Давая оценку действиям президента, спикер назвал ее са-мой крупной политической авантюрой, которая может привести к развалу

⁴⁹ Родин И. Спикер парламента, возможно, пойдет «посоветоваться на Конституци-онное совещание // Независимая газета. 1 июня 1993. С. 1

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 2. Л. 1–3.

⁵¹ Там же. Л. 5–6.

⁵² Там же. Д. 4. Л. 1.

⁵³ Румянцев О. Конституция девяносто третьего. История явления. М., 2013. С. 256.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 2. Л. 19.

⁵⁵ Там же.

государства и страданиям простых людей. Критике было подвергнуто правительство, его экономическая и социальная программа. Спикер отметил, что в Верховном Совете «уже есть положительная экономическая программа»⁵⁶. В то же время идея формирования правительства национального согласия объявлено актуальным.

Председатель Кемеровского областного Совета народных депутатов А. Тулеев сообщил, что сессия Кемеровского областного Совета признала действия «бывшего президента Б. Ельцина» как государственный переворот⁵⁷. Учитывая «инертность большей части населения», Тулеев призвал опереться на регионы.

В первый день съезд, ссылаясь на предложения субъектов и заявление Председателя Конституционного суда, постановил провести одновременные досрочные выборы президента и народных депутатов⁵⁸. 24 сентября А.В. Руцкой подписал закон «О порядке принятия Конституции Российской Федерации»⁵⁹, согласно которому Конституция Российской Федерации могла быть принята двумя способами: Съездом народных депутатов или всенародным голосованием (референдумом). Съезд народных депутатов был вправе определить особую процедуру принятия Конституции.

В тот же день А.В. Руцкой подписал закон «О главах администраций субъектов РФ», согласно которому главы администраций краёв, областей, автономной области, автономных округов назначались на должность и освобождались от должности соответствующими Советами народных депутатов или избирались населением данного региона⁶⁰. Согласно ст. 3 закона главы администраций краев и областей входили по должности в состав Совета Министров – Правительства РФ.

Наделяя регионы новыми полномочиями, съезд пытался заручиться их поддержкой в конфликте с президентом. Казалось, что кризис, в котором оказались обе ветви власти, может разрешить третья сила – субъекты федерации. Для работы с регионами во время съезда были созданы отдельные группы народных депутатов. Так, группа под руководством З. Корниловой занималась северными территориями, Сибирью, Дальним Востоком. Поволжьем занимались Р. Мухамадиев и его группа. Северным Кавказом занялась комиссия Верховного Совета по реабилитации репрессированных народов под руководством группы С. Решульского⁶¹. По решению съезда в региональные Советы были разосланы телеграммы с просьбой командировать 4–5 представителей местных Советов для участия в работе десятого съезда народных депутатов с 27 сентября⁶².

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 2. Л. 32.

⁵⁷ Там же. Л. 96.

⁵⁸ Там же. Оп. 1. Д. 263. Л. 32.

⁵⁹ Там же. Л. 25.

⁶⁰ Там же. Д. 263. Л. 89.

⁶¹ Там же. Д. 267. Л. 29.

⁶² Там же. Д. 1. Л. 67–127.

Такие же приглашения были подготовлены для глав делегаций государств–участников СНГ⁶³. Но прибывшие 24 сентября в Москву руководители государств, входящих в Содружество, на совещании в Большом Кремлевском дворце выступили с поддержкой курса президента России Б. Ельцина.

26 сентября в Санкт-Петербурге собрались представители 39 субъектов Российской Федерации. Участники петербургского совещания приняли резкое заявление в адрес высших органов власти, которое подписали 27 регионов. Заявление содержало требование отменить указ № 1400, назначить одновременные выборы президента и Верховного Совета и отменить цензуру в СМИ. Если требования не будут удовлетворены до 28 сентября, субъекты оставляли за собой право «принять решительные меры экономического и политического воздействия»⁶⁴. Но их угроза не возымела действия. Дело в том, что среди подписавших документ не было наиболее влиятельных регионов – Якутии, Татарстана, Удмуртии, Карелии. Угрозы Саратовской и Смоленской области экономическими санкциями можно было не принимать во внимание. Но вот если бы Республика Саха (Якутия) объявила бы о своём нежелании отдавать часть прибыли от алмазов, это представляло бы реальную проблему.

На совещании в качестве наблюдателя от президента находился вице-премьер С. Шахрай. Он высказал «личное мнение» о поддержке одновременных выборов обеих ветвей власти⁶⁵. От съезда в Санкт-Петербурге присутствовала депутатская делегация во главе с председателем Совета Национальностей Р. Абдулатиповым. Вернувшись в Москву, Абдулатипов доложил десятому съезду о результатах поездки и зачитал заявление субъектов. Но депутаты отнеслись холодно к его информации, усомнившись в правомочности совещания принимать какие-либо решения⁶⁶.

Найти выход из сложившегося тупика власти пытались различные политические и общественные организации, отдельные политики. Свой план разрешения конфликта на страницах прессы предложил Г. Явлинский. Он заключался в одновременных выборах президента и депутатов, но не ранее февраля 1994 г., чтобы иметь возможность подготовиться к ним⁶⁷. Арбитром и марантом законности проведения выборов, по его плану, мог бы выступить Конституционный суд. 25 сентября в Конституционном суде состоялось совещание, в котором приняли участие В. Зорькин, С. Шахрай, Б. Немцов, Г. Явлинский, А. Владиславлев, В. Третьяков, А. Глазьев, Н. Рыжков, Е. Яковлев и другие. Результатом пятичасовой консультации стала «Программа проведения одновременных досрочных выборов парла-

⁶³ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 1. Л. 42.

⁶⁴ Там же. Д. 66. Л. 28.

⁶⁵ Там же. Л. 32.

⁶⁶ Там же. Д. 13. Л. 37, 43.

⁶⁷ Явлинский Г. Минимальное взаимодействие властей может спасти ситуацию // Независимая газета. 28 сентября 1993. С. 1.

мента и президента России»⁶⁸. Ключевым пунктом программы стали одновременные выборы 11–12 декабря 1993 г. на основе утверждённых президентом положений о выборах на переходный период. При этом с ограниченной законотворческой функцией продолжал бы действовать Верховный Совет. Но все предложения «нулевого варианта», одновременные выборы президента и парламента, Ельцин назвал неприемлемыми⁶⁹.

В Белом Доме

25 сентября в 14:25 А. Руцкой вышел из Белого дома и обошёл по кругу цепочку милиционеров и сотрудников служб безопасности, окружающих здание с призывами не выполнять «преступные приказы Ельцина, Грачёва, Ерина»⁷⁰. В это же время пресс-центр московской мэрии сообщил, что генералы А. Макашов и В. Ачалов раздают «огнестрельное оружие психически неуравновешенным и имеющим судимости людям с целью захвата комплекса зданий мэрии Москвы (бывшего СЭВ), а также заложников из числа гражданского населения»⁷¹. Мэрия призывала москвичей «не находиться с Белым Домом», а генералов – «остановиться и не усугублять вину». 26 сентября съезд принял постановление, в котором потребовал от воинских частей прибыть к заданию Верховного Совета для защиты конституционного строя⁷².

В ночь с 27 на 28 сентября по Белому дому стали распространяться слухи о планируемой газовой атаке и захвате здания. Всем раздали противогазы. Депутаты и сотрудники аппарата собрались в зале Совета национальностей. Началось совещание, подогреваемое слухами, что атака начнется в 4 часа утра, а части ОМОНа уже проникли в апартаменты Руцкого. В руках у депутатов горели свечи, у кого-то мерцали лучики фонариков. Вдруг на сцену президиума вышел один из ярых оппозиционеров, депутат М. Челноков, с гитарой и запел: «Береза, белая подруга»⁷³. После романса Челнокова начался импровизированный концерт народных депутатов, который продолжался до 6 утра. Атаки не случилось. На следующее утро съезд начал свою работу по расписанию, в 10 часов.

С самого начала блокады в Белом доме работала журналистка «Коммерсанта» В. Куцылло. Вечером 26 сентября она отправилась домой на метро: «Люди вокруг были чистые, умытые, направляющиеся на работу или домой, или даже в гости. Их не интересует маленькое пятнышко на карте столицы нашей родины...»⁷⁴. А там «темно, холодно, люди давятся

⁶⁸ Мир хрупок, но пока это мир // Независимая газета. 28 сентября 1993. С. 3.

⁶⁹ Президент отвергает компромисс, парламент – тоже // Независимая газета. 29 сентября 1993. С. 1.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 66. Л. 16.

⁷¹ Там же. Л. 17.

⁷² Там же. Оп. 1. Д. 263. Л. 52.

⁷³ Постнов В. Записки горячей осени девяносто третьего. М., 2013. С. 54.

⁷⁴ Куцылло В. Записки из Белого Дома. 21 сентября – 4 октября 1993. М., 1993. С. 61.

нарзаном с ломтиком колбасы на каких-то булочках из атомных запасов (хлеб уже кончился), спят на стульях или на полу, с автоматом или без», – писала она в своём дневнике⁷⁵.

28 сентября доступ в здание был закрыт полностью. По громкоговорителю депутатам рассказывали о тех благах, которые они получают, если покинут здание. В самом же Белом доме начали блокировать каждый этаж железными сейфами – на случай штурма. По состоянию на 30 сентября работу здания обеспечивал коллектив работников Управления по эксплуатации Дома Советов. Из 740 человек списочного состава в здании продолжало работать круглосуточно всего 35 человек⁷⁶. Это маленький коллектив, круглосуточно, без перерыва на отдых с 21 сентября обеспечивал жизнедеятельность здания, включая электроснабжение от дизелей гражданской обороны, а также санитарное состояние. Работники медицинской службы, отдела пожарной безопасности и департамента охраны покинули здание.

Вокруг Белого дома происходили различные столкновения между сторонниками и противниками народных депутатов. Ночью, 28 сентября появилась и первая жертва: погиб начальник отдела по работе с личным составом управления ГАИ ГУВД подполковник В. Рештук, отец пятерых детей. По одной из версий, он попал между строительной бытовкой, которой была укреплен баррикада на Садово-Кудринской улице, и милицеским тягачом, который её оттащивал. По неподтверждённым данным, его туда толкнули⁷⁷. Но были и другие версии.

Правозащитный центр «Мемориал» выпустил заявление, в котором осудил грубые нарушения прав человека, которые допускаются со стороны органов власти после издания указа № 1400 «О поэтапной конституционной реформе»⁷⁸.

«Регионы вступают в бой»

30 сентября в здании Конституционного суда на Ильинке открылось совещание представителей субъектов Российской Федерации, в котором приняли участие 62 из 88 субъектов⁷⁹. Из 21 республики присутствовали пять. Среди представителей регионов 56 являлись руководителями законодательных органов власти, 18 исполнительных. Собравшиеся проголосовали за меморандум, в котором они настаивали на «нулевом» варианте, но потребовали отсрочки одновременных выборов с тем, чтобы они прошли не позднее конца I квартала 1994 г. Совещание субъектов сформировало две группы для переговоров с Черномырдиным и Патриархом. Соглашение о созыве Со-

---

⁷⁵ Куцылло В. Указ. соч. С. 62.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 42. Л. 51.

⁷⁷ Обстановка в Москве продолжает накаляться // Независимая газета. 30 сентября 1993. С. 2.

⁷⁸ Заявление правозащитного центра «Мемориал» // Независимая газета. 30 сентября 1993. С. 1.

⁷⁹ Кажется, начался поиск путей мирного выхода из кризиса // Независимая газета. 1 октября 1993. С. 3.

вета субъектов Федерации подписали 45 представителей, оно осталось открытым для подписания до 4 октября, когда делегаты планировали продолжить свою работу уже в здании Мособлсовета. Сопредседатель созданного Совета субъектов Федерации (ССФ) президент Калмыкии К. Илюмжинов – провёл ночь в Белом доме и выступил перед депутатами десятого съезда. Назвав Б. Ельцина «бывшим президентом», а А. Руцкого «исполняющим обязанности президента РФ», он сорвал аплодисменты зала.

Мособлсовет, в резиденции которого планировалась дальнейшая работа субъектов федерации 4 октября, рассылал по регионам решение о создании нового органа власти. Председатель Верховного Совета Башкортостана М. Рахимов в интервью «Независимой газете» поддержал создание Совета субъектов Федерации, которое, по его мнению, могло бы взять на себя «полномочия по организации и контролю за проведением выборов президента и высшего законодательного органа РФ»⁸⁰. О настроениях региональных генералов можно судить по высказыванию президента Ингушетии Р. Аушева: «Мы напоминаем центру, что регионы, говоря по военному, вступают в бой»⁸¹.

Тем временем к проекту Уральской республики Э. Росселя добавилась новая инициатива председателя Кемеровского областного Совета народных депутатов Амана Тулеева, который выступил с идеей создания Сибирской республики. По данным информационного агентства Postfactum, 29 сентября 1993 г. в Кемерове состоялось заседание Совета рабочих комитетов Кузбасса, который отверг идею Амана Тулеева. По итогам совещания было принято обращение к жителям Сибири, в котором говорилось о невозможности раздела России «в угоду обанкротившимся политикам»⁸². Присутствующие поддержали Б. Ельцина и высказались за выборы в Государственную Думу 12 декабря 1993 г. Выборы же президента следовало перенести на 12 июня 1994 г., чтобы он эти полгода мог заниматься экономической реформой, не отвлекаясь на предвыборную борьбу.

30 сентября с докладом о ситуации в Республике Якутия на съезде выступил председатель Независимого профсоюза республики С. Юрков. Он сообщил, что, несмотря на жёсткое давление со стороны президента М. Николаева, республиканский президиум Верховного Совета принял решение провести сессию Верховного Совета. Также состоялось совместное заседание Совета министров, Верховного Совета, Конституционного Суда, Министерства безопасности и Министерства внутренних дел Республики Якутия. Большинство присутствующих на заседании осудили указ № 1400 Б. Ельцина, поддержали Верховный Совет и приняли заявление о поддержке Съезда народных депутатов. Юрков также сообщил, что в Республике

⁸⁰ Батыршин Р. Руслан Аушев: «Регионы вступают в бой» // Независимая газета. 2 октября 1993. С. 1.

⁸¹ Батыршин Р. Указ. соч. С. 1

⁸² ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 66. Л. 74.

Якутия формируется дружина добровольцев для отправки в Москву на помощь защитникам Дома Советов⁸³.

Одновременно в регионах проходили совещания премьер-министра В. Черномырдина и его заместителей с руководителями местных властей. 1 октября Абдулатипов встретился с Черномырдиным, по итогам разговора с которым прислал записку депутатам: «Час говорил с Черномырдиным. Угостил чаем, больше ничем помочь не может»⁸⁴.

В поисках компромисса

Встревоженный происходящими событиями Патриарх Московский и всея Руси Алексей II прервал свою поездку по США и вернулся домой. Вечером 29 сентября Патриарх от имени РПЦ предложил своё посредничество в диалоге между противоборствующими сторонами и призвал к снятию блокады Белого дома.

С предложением Патриарха о посредничестве главе президентской администрации позвонил митрополит Кирилл. Ельцин встретился с Алексием II в Кремле, где было принято решение о переговорах в Свято-Даниловом монастыре⁸⁵. Народные депутаты, находящиеся в Белом доме, заявили о готовности немедленно начать мирные переговоры в Свято-Даниловом монастыре. Вице-президент А. Руцкой заверил Патриарха в том, что сделает всё возможное для преодоления кризиса мирными политическими средствами и предложил свой план разрешения конфликта: отмена указа № 1400, сложение президентом своих полномочий, создание Контрольного совета субъектов Федерации и проведение весной следующего года одновременных выборов президента и парламента. Мэр Москвы Ю. Лужков поблагодарил Алексея II за проявленную инициативу и заявил о готовности немедленно принять участие в переговорах. В то же время правительства России и Москвы потребовали от Р. Хасбулатова и А. Руцкого в срок до 4 октября организовать выход из Белого дома и с прилегающих к нему территорий всех находящихся там людей одновременно со сдачей оружия и боеприпасов представителям Генпрокуратуры и МВД⁸⁶.

1 октября противоборствующие ветви власти России отказались от политики жёстких ультиматумов и впервые попробовали пойти навстречу друг другу. В 2:40 ночи 1 октября полномочные представители сторон в составе С. Филатова, О. Сосковца, Ю. Лужкова, В. Соколова и Р. Абдулатипова для снятия остроты противостояния согласились осуществить ряд мер, которые включали складирование всего находящегося в Белом доме огнестрельного оружия и установление охраны совместными контрольными группами из числа сотрудников ГУВД Москвы и Департамента охраны

---

⁸³ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 50. Л. 22.

⁸⁴ Исаков В. Госпереворот. Парламентские дневники 1992–1993. Екатеринбург, 1997. С. 432.

⁸⁵ Филатов С. Совершенно секретно. М., 2000. С. 293.

⁸⁶ Кажется, начался поиск путей мирного выхода из кризиса // Независимая газета. 1 октября 1993. С. 1.

Дома Советов. Одновременно с этим в здании восстанавливалась подача электроэнергии и горячей воды. После переговоров ночью были сняты все дежурные машины внутренних войск и отведены военнослужащие, находящиеся у здания Моссовета, рано утром в Белый дом была подана электроэнергия⁸⁷.

Утром 1 октября на заседании Верховного Совета все ночные соглашения были названы ошибочными, а подписание их Р. Абдулатиповым и В. Соколовым, по мнению депутатов, являлось превышением их полномочий. По воспоминаниям Исакова, Хасбулатов «с явным удовольствием “отстегал” с трибуны Соколова и Абдулатипова»⁸⁸. Верховный Совет принял решение денонсировать соглашение и утвердить состав новой комиссии для переговоров с президентом и правительством. Руководить переговорным процессом было поручено первому заместителю председателя Верховного Совета Ю. Воронину. Депутаты сформулировали требования, выполнение которых делало возможным нахождение компромисса: полное восстановление снабжения Белого дома, возобновление выпуска закрытых газет, теле- и радио-программ, вступление в должности министров, назначенных Верховным Советом. Достигнутая ночью договорённость о сдаче оружия Департамента безопасности Верховного Совета было отвергнуто. В ответ пресс-служба президента заявила, что неперемнным условием для возможных переговоров с Верховным Советом является полное разоружение Белого дома.

1 октября начались переговоры в Свято-Даниловом монастыре при посредничестве патриарха Алексия II. Сначала на переговоры со стороны народных депутатов приехал только Р. Абдулатипов. Патриарх через своего посланника потребовал прислать ещё представителей. К Р. Абдулатипову присоединились Ю. Воронин, В. Домнина, Р. Чеботаревский. Со стороны президента в переговорах участвовали С. Филатов, О. Сосковец, Ю. Лужков, от Конституционного суда В. Олейник, от Патриархии – патриарх Алексей II, митрополиты Ювеналий и Кирилл. Во время перерыва митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл заявил на пресс-конференции: «Церковь не желает играть политическую роль и даже роль лидера. Она смиренно предлагает конфликтующим сторонам в специфической церковной атмосфере сесть за стол переговоров и попытаться найти приемлемое решение»⁸⁹. На следующий день в Свято-Даниловом монастыре было подписано соглашение о нормализации обстановки в Москве. Но сами переговоры увязли во взаимных претензиях, в которых президентская сторона требовала сдать все оружие в белом Доме, Ю. Воронин – отменить президентский указ.

Наращение конфликта.

К череде стихийных митингов, проходивших в Москве в осенние дни 1993 г., присоединились и силовые ведомства. 1 октября на Лубянской пло-

⁸⁷ Филатов С. Указ. соч. С. 294–295.

⁸⁸ Исаков В. Указ. соч. С. 432.

⁸⁹ Ульянов Н. Мучительный поиск компромисса // Независимая газета. 2 октября 1993. С.1

щади состоялся митинг сотрудников Министерства безопасности, в котором приняли участие 200 офицеров⁹⁰. Офицеры Министерства безопасности осудили указ президента Б. Ельцина, поддержали Верховный Совет и заявили, что не предпримут никаких действий против Дома Советов⁹¹.

Съезд принял постановление «Об обеспечении прав лиц, выступавших на защиту конституционного строя РФ»⁹², согласно которому гражданам, принимавшим участие в защите конституционных органов власти РФ, выплачивалась средняя заработная плата за всё время их отсутствия на работе, а также единовременное денежное вознаграждение в размере трёхкратного среднемесячного заработка за счёт средств республиканского бюджета РФ. Кроме того, после нормализации обстановки гражданам предоставлялся дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительностью 30 календарных дней, а также бесплатное санаторно-курортное лечение, включая оплату проезда к месту лечения и обратно за счёт средств республиканского бюджета⁹³. Граждане, временно или постоянно утратившие трудоспособность в связи с выполнением своего государственного и общественного долга, получали право на пособие.

2 октября самая известная улица Москвы Арбат шумно отпраздновала своё 500-летие. В полдень Арбат посетил президент. Рядом, в сквере напротив здания МИД, проходил митинг сторонников Белого дома. Ближе к вечеру на Садовом кольце началось строительство баррикад, поджоги на улицах. Вечером баррикады были разобраны.

Согласно информации Министерства внутренних дел России, с 00 часов 3 октября у здания Дома Советов продолжали оставаться около 200 защитников из числа сторонников «Трудовой Москвы», РКРП, ВКПБ, «Союза офицеров», «Русского национального единства, а также других партий и общественно-политических движений коммунистической и националистической ориентации»⁹⁴. В 12:00 на Смоленской площади стали собираться сторонники Верховного Совета. Несмотря на неоднократные требования работников милиции покинуть площадь, около 100 человек блокировали движение транспорта и начали возводить баррикады, используя подручные материалы. Милиция под ударами летящих в сотрудников камней и бутылок стала разгонять толпу. В 13 часов на Калужской площади с целью проведения митинга и шествия в поддержку Верховного Совета и «защитников Белого дома» начали собираться активисты различных партий и движений национал-патриотической и коммунистической направленности. Выступивший перед собравшимися В. Анпилов призвал «идти на защиту Белого дома»⁹⁵. В 14:30 колонна из 10 тысяч человек, в авангар-

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 2. Д. 64. Л. 50.

⁹¹ Там же. Л. 50.

⁹² Там же. Оп. 1. Д. 263. Л. 95–98.

⁹³ Там же. Д. 263 Л. 97.

⁹⁴ Москва. Осень–93. Хроника противостояния. М., 1995. С. 359.

⁹⁵ Там же. С. 363.

де которой находилась автомашина КамАЗ, таранившая наряды милиции, начала движение на Краснопресненскую набережную.

В 15:20, прорвав многочисленные милицейские кордоны, сторонники народных депутатов подошли к Белому дому. Выступая на митинге с балкона Белого дома, А. Руцкой призвал к штурму мэрии и «Останкино». Вооружённые сторонники Белого дома последовали его призыву. Около 19:00 ч. начался штурм телецентра, в 19:30 «Останкино» прекратило вещание.

Единственным информационным каналом, выходящим в эфир, остался «Российский». В 20:00 прозвучало обращение правительства, в котором было заявлено решительное намерение пресечь беспорядки и предотвратить кровопролитие. Обращение содержало призыв не участвовать в противозаконных действиях, «чреватых самыми трагическими последствиями». В 20:40 перед москвичами по РТВ выступил первый вице-премьер правительства Е. Гайдар с призывом поддержать в трудную минуту демократию, собраться у здания Моссовета⁹⁶. После выступления Гайдара площадь Моссовета стала быстро заполняться народом, начался митинг сторонников Б. Ельцина. Перед собравшимися выступили Е. Гайдар, И. Смоктуновский, Л. Пономарев, Г. Якунин и другие. Писатели Б. Окуджава и А. Адамович по «Эху Москвы» призвали проявить твёрдость и остановить кровопролитие. «Первые выстрелы гражданской войны уже прозвучали и звучат сейчас – в Москве. Завтра они могут загреметь по всей России» – говорил Адамович⁹⁷.

3 октября Ельцин ввёл в Москве чрезвычайное положение, к центру стали стягиваться элитные части внутренних войск и российской армии. 4 октября Белый дом был окружён кольцом бронетехники. У Белого дома стоял 119 парашютно-десантный полк. Грачёв отсчитал седьмое окно, где предположительно находился кабинет Хасбулатова и дал указ целиться именно туда. Вокруг Белого дома собралась толпа зрителей. Первый снаряд залетел точно в окно. Затем последовали следующие. Все снайпера с крыш мгновенно разбежались, после чего танки закончили стрелять, а 119 полк получил команду штурмовать. Десять человек из них погибли. Капитану присвоили звание героя России, старшего лейтенанта наградили орденом. Их отправили служить в другие части, а фамилии засекретили.

Кадры горящего Белого Дома на весь мир транслировал американский новостной канал CNN. Под самым огнём как на мосту, так и на набережной стояла толпа любопытствующих. Из Белого дома вышли более 1500 человек. Руководители Верховного Совета и поддерживавшие их министры были арестованы и отправлены в Лефортовскую тюрьму. 6 октября В.Д. Зорькин принял решение о сложении с себя полномочий председателя Конституционного Суда⁹⁸.

Утром 5 октября Белый дом представлял печальное зрелище: почти во всех окнах высотной части здания были выбиты стекла, повреждены пе-

⁹⁶ Москва. Осень –93. Хроника противостояния. С. 416.

⁹⁷ Там же. С. 420.

⁹⁸ *Останчук А.* Конституционный суд: кризис внешний и внутренний // Независимая газета. 7 октября 1993. С. 1.

рекрытия. Брошенные в окрестностях Белого дома автомобили бфли частично расстреляны, частично разграблены. По информации Главного медицинского управления Москвы, на утро 5 октября, когда прекратился поток пострадавших в медицинские учреждения города, в них обратилось 553 человека, из них 437 были госпитализированы⁹⁹. 7 октября Б. Ельцин объявил в стране траур по погибшим «при пресечении вооружённой попытки государственного переворота»¹⁰⁰.

После октябрьских событий политическая реальность в России изменилась. Должность вице-президента была упразднена. Белый дом, с которым у Ельцина были связаны неприятные воспоминания, был передан под официальную резиденцию Совету Министров. «Всевластие Советов» ушло в историю.

События осени 1993 г. до сих пор вызывают многочисленные споры. Сторонники Верховного Совета оценивают действия президента как государственный переворот. Их оппоненты называют это борьбой с «красно-коричневыми» силами. Двадцать лет спустя А. Чубайс говорил: «То, что ты называешь “расстрелом Белого дома”, я называю разгромом вооружённого мятежа коммунистов, поддержанных фашистами и бандитами»¹⁰¹. Решающую роль в победе Ельцина сыграла поддержка армии и лично П. Грачёва. По мнению генерал-полковника Д. Волкогонова¹⁰², одного из руководителей фракции «Левый центр», только решительные действия вооружённых сил предотвратили начало гражданской войны.

В 1993 г. наша страна оказалась на исторической развилке, и выбор пути определил её дальнейшее развитие. Россия не в первый раз оказывалась перед таким выбором. Демократия или политическая целесообразность? За 90 лет до рассматриваемых событий, в 1903 г., на втором съезде РСДРП на прениях по программе партии Г.В. Плеханов убеждал: «Если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться». От этого зависела и продолжительность существования парламента. «Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент – своего рода *chambre introuvable*, – то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели»¹⁰³. Речь Плеханова произвела глубокое впечатление на Ленина. По словам Н.К. Крупской, когда спустя 14 лет перед большевиками встал вопрос о роспуске Учредительного собрания, он вспомнил о ней¹⁰⁴.

⁹⁹ В Москве – чрезвычайное положение // Независимая газета. 6 октября 1993. С. 1.

¹⁰⁰ Сегодня день траура по жертвам кровавых событий в Москве // Независимая газета. 7 октября 1993. С. 1.

¹⁰¹ Авен П., Кох А. Указ. соч. С. 108.

¹⁰² Волкогонов Д. Этюды о времени. М., 1998 С. 46.

¹⁰³ Протоколы второго съезда РСДРП. Л., 1924. С. 156.

¹⁰⁴ Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине: 3-е изд. М., 1989. С. 75.

Нет оснований полагать, что Б. Ельцин или его команда руководствовались теоретическими наработками или опытом российских социал-демократов. Но практические шаги российского руководства остались в рамках политических традиций. В то же время было бы неверно возлагать всю ответственность на одного президента. На протяжении практически двух лет у обеих сторон конфликта была возможность договориться, сформировать систему сдержек и противовесов, закрепить их в новом проекте Конституции. Но бескомпромиссная борьба привела к тому, что победитель получил возможность реализовать свою программу без оглядки на оппонентов. Отсутствие парламентских традиций, сильных партий, разделения властей сыграли свою роль. «Государство есть продукт общества на известной ступени развития», – писал Ф.Энгельс¹⁰⁵. Демократия в новой, постсоветской России получила свой первый вызов, но она оказалась не готова на него ответить.

Список литературы:

1. *Авен П., Кох А.* Революция Гайдара. М.: Альпина Паблишер, 2013. – 438 с.
2. *Окрест Д. Кувалдин С. Бузев Е.* Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 гг. М.: Бомбора, 2021. – 336 с.
3. *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985 – 2005. М.: «Русь-Олимп», 2007. – 551 с.
4. *Румянцев О.* Конституция девяносто третьего. История явления. М.: Библиотека РГ, 2013. – 318 с.

Об авторе:

МАЛХОЗОВА Фатима Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории, РАН, (Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: fa-m@yandex.ru

AUTUMN 1993: THE LAST CONGRESS OF SOVIETS

F.V. Malkhozova

*The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

The confrontation between President Boris Yeltsin and the Supreme Soviet in 1993 almost turned into a civil war. The collapse of the Soviet Union happened with the stroke of a pen, but the development of a new form of statehood in Russia was not bloodless. The destruction of totalitarianism took place without a developed political democratic infrastructure, which directly affected the formation of the new political regime.

Despite the view of the Supreme Soviet as a parliament, in reality the Soviet system did not provide for the separation of powers. The inclusion of an elected president in the Soviet system led to their conflict, which esca-

---

¹⁰⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: 2-е изд. М., 1961. Т. 21. С. 170.

lated into an armed confrontation. The position of the army and the defence minister was of central importance in resolving the crisis had. But equally important was the reaction in the regions of the country.

Keywords: *Russia, Congress of People's Deputies, Supreme Soviet, Soviets, Yeltsin, Khasbulatov, Rutskoi, White House shooting, 1993, political crisis, coup d'etat, parliament.*

About the author:

MALKHOZOVA Fatima – PhD in History, Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, (Russia, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: fa-m@yandex.ru

References:

- Aven P., Kokh A., *Revolyutsiya Gaydara*, M.: Al'pina Publisher, 2013. – 438 s.
Okrest D., Kuvaldin S., Buzev Ye., *Ona razvalilas'. Povsednevnyaya istoriya SSSR i Rossii v 1985 – 1999 gg.*, M., Bombora, 2021. – 336 s.
Pikhoya R.G., *Moskva. Kreml'. Vlast'. Dve istorii odnoy strany. Rossiya na izlome tysyacheletiy. 1985–2005*, M., «Rus'-Olimp», 2007. – 551 s.
Rumyantsev O., *Konstitutsiya devyanosto tret'ya. Istoriya yavleniya*, M., Biblioteka RG, 2013. – 318 s.

Статья поступила в редакцию 22.10.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.

.

УДК 94(470.331).084.8

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.049–070

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА А.Н. ВЕРШИНСКОГО В КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ «КОМИССИИ ДЛЯ СОБИРАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

К.М. Свирин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье рассмотрена деятельность профессора Анатолия Николаевича Вершинского в составе Калининской областной комиссии для собирания материалов по истории Великой Отечественной войны. Комиссия была создана в мае 1943 г. решением бюро Калининского обкома ВКП(б). Сведения о создании и организации работы комиссии сохранились фрагментарно в архивных документах. Неформальное лидерство в деле организации собирания материалов по истории войны легло на профессора А.Н. Вершинского и возглавляемую им кафедру истории СССР Калининского пединститута. Деятельность профессора А.Н. Вершинского была связана с составлением программы сбора и систематизации материалов по истории войны, определением перечня собираемых источников, прежде всего воспоминаний и рассказов свидетелей оккупации, проведением экспедиций в освобожденные районы области, составлением летописи войны, подготовкой собранных материалов к публикации. Основная часть собранных материалов отложилась в личном архивном фонде ученого.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, профессор Вершинский Анатолий Николаевич, Калининская область, Калининская областная комиссия для собирания материалов по истории Великой Отечественной войны, Комиссия Минца, Калининский пединститут, история исторической науки.

Профессор Анатолий Николаевич Вершинский – личность для Тверского региона и Тверского государственного университета легендарная. На протяжении двух с лишним десятилетий (1922–1944) А.Н. Вершинский «был весьма заметной фигурой в городе и области. Его глубоко уважали сотни учившихся у него школьных преподавателей, его ценили за несомненные организаторские способности в науке, а его имя было хорошо знакомо

читающей публике. ... его по праву считают признанным создателем и главой советской школы тверского исторического краеведения...»¹.

Профессор А.Н. Вершинский в августе 1922 г. был избран преподавателем русской истории Тверского педагогического института и заведующим отделением языка и литературы², в 1934 г. получил звание профессора. В ходе работы в институте А.Н. Вершинский разработал несколько лекционных курсов по отечественной истории, историографии, источниковедению, этнологии, истории первобытной культуры. В списке опубликованных работ А.Н. Вершинского краеведческие исследования (редактировал сборник «Материалы Общества изучения Тверского края», опубликовал «Очерки по истории верхневолжских карел», «Население Тверского края») и работы по археологии³.

Профессор был очень хорошо известен в предвоенном Калинин, являлся депутатом Центрального райсовета города, делегатом Второго чрезвычайного областного съезда Советов; читал курс отечественной истории для командного и политического состава пехотного корпуса и авиачасти, дислоцированных в городе⁴. С лета 1940-го до весны 1941 г. газета «Пролетарская правда» опубликовала около 30 биографических очерков А.Н. Вершинского в рубрике «Из прошлого нашей области» о знаменитых людях Тверского края (Михаиле Ярославиче Тверском, Афанасии Никитине и других). В 1940 г. А.Н. Вершинский выступал с публичными лекциями («Куликовская битва», «Международное положение конца XIV в.»), а в военные годы выступал по радио⁵.

Биографы А.Н. Вершинского – Л.А. Котлярская и М.М. Фрейденберг – отмечали, что плодотворный период его работы 1920–30-х гг. сменился тяжёлыми последними годами жизни. Докторская диссертация «Феодальные отношения в Верхнем Поволжье в XI–XVI вв.» оказалась незавершённой, чему помешала война и военное разорение, а основная часть работы погибла при оккупации города⁶. Авторы обращают внимание, что результаты научной работы профессора так и не стали известны общественности, а рукописи остались неопубликованными. Исследователи высоко оценили подвижническую работу А.Н. Вершинского по изучению истории войны, однако уделили ей скромное внимание.

Между тем на основе сохранившихся документов можно утверждать, что под руководством и при непосредственном личном участии профессора А.Н. Вершинского на территории области была осуществлена попытка реа-

---

¹ Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М. Из истории тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский (1888–1944). Тверь, 1990. С. 3.

² Там же. С. 85.

³ Профессор Анатолий Николаевич Вершинский. Дневник. Воспоминания / предисл. И.Г. Воробьёвой / подг. текста И.Г. Воробьёвой, Т.П. Сергеевой / комм. И.Г. Воробьёвой, М.В. Строганова. Тверь, 2005. С. 4–5.

⁴ Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М. Указ. соч. С. 131.

⁵ Там же. С. 146–147.

⁶ Там же. С. 145.

лизовать грандиозный замысел по собиранию, систематизации и публикации материалов по войне.

Исследователи обращали внимание на то, что А.Н. Вершинский входил в состав комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и участвовал в составлении актов о злодеяниях, но ничего не упоминают о том, что он также стал членом Областной комиссии для собирания материалов по истории Великой Отечественной войны (далее – областная комиссия).

К сожалению, о содержании работы областной комиссии в принципе сохранилось мало официальных сведений. В фонде Калининского обкома ВКП(б) отложилось дело с материалами работы комиссии за 1943 г. Почти все документы представлены черновиками, проектами или копиями⁷.

Судя по сохранившимся рукописям А.Н. Вершинского, именно комиссия должна была стать полноценным организующим центром изучения войны на территории Калининской области.

Следует упомянуть, что огромную роль в сохранении памяти о событиях Великой Отечественной войны сыграла Комиссия по истории Великой Отечественной войны, которая работала в Москве с декабря 1941 г. по декабрь 1945 г. Научное руководство работой комиссии на всём протяжении её работы осуществлял член-корреспондент Академии наук СССР, ответственный секретарь главной редакции «Истории гражданской войны» Исаак Израилевич Минц (1896–1991), в связи с чем эта организация известна под названием «Комиссия Минца». Конечной целью И.И. Минца было написание многотомной истории Великой Отечественной войны, для чего он планировал создать специальный институт⁸.

«Это был выдающийся историко-документальный проект – последний в цепи грандиозных советских начинаний такого рода («История партии», «История фабрик и заводов», «История Гражданской войны»). Объём выполненной в экстремальных условиях военного времени работы впечатляет всех, кто сталкивается с архивом Комиссии, в котором хранятся многие тысячи листов стенограмм бесед с непосредственными участниками боевых действий, партизанами и мирными жителями, пережившими оккупацию»⁹. Несмотря на то что Институт Великой Отечественной войны создан не был, сотрудники Комиссии смогли создать подробнейшую хронику первых трех

---

⁷ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 1325.

⁸ *Лотарева Д.Д.* Комиссия по истории Великой Отечественной войны: история создания, основные этапы и результаты деятельности // Великая Отечественная – известная и неизвестная: историческая память и современность: материалы междунар. науч. конф. (Москва – Коломна, 6–8 мая 2015 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2015. С. 159–160.

⁹ *Лотарева Д.Д.* Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив: реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник за 2011 год / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2014. С. 123.

лет войны, собрали уникальные свидетельства очевидцев, написали истории героев войны, тыла, партизанского движения¹⁰.

В июле 1942 г. «Комиссия Минца» выступила с инициативой создания сети республиканских и областных комиссий в составе 3–5 человек. Они должны были использовать в своей работе существующие научные учреждения, общественные организации, редакции газет и журналов. Общие задачи их работы формулировались как «... собирание материалов по истории Отечественной войны: о партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организациях в Отечественной войне, о перестройке и мобилизации промышленности и сельского хозяйства на войну, о героях фронта и тыла, о социалистическом соревновании, о помощи фронту и т. п.»¹¹.

Соответствующее инструктивное письмо было направлено за подписью председателя Комиссии – начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова – в адрес руководителей Украины, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Литвы, Карело-Финской республики, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Грузии, Армении, Азербайджана, а также российских областей – Ивановской, Калининской, Тульской, Ярославской, Сталинградской, Горьковской, Куйбышевской, Саратовской, Свердловской, Челябинской, Молотовской, Кировской и г. Ленинграда¹². Координировать и осуществлять методическое руководство этой работой на региональном уровне должен был специально созданный в составе «Комиссии Минца» к июлю 1942 г. Отдел национальных республик. К сентябрю 1942 г. такие комиссии были созданы только в Иваново-Вознесенской области, Дагестане, Северной Осетии, Белоруссии, Литве и Эстонии, при Украинской академии наук, в Киргизской республике¹³. Калининская область в этот перечень не входила.

Вопрос о продолжении формирования комиссий в союзных и автономных республиках рассматривался и в 1943 г. Однако в 1944 г. Отдел национальных республик в «Комиссии Минца» был ликвидирован¹⁴.

Найти официальную информацию о факте создания комиссии в Калининской области оказалось непросто и удалось только в архивных материалах заседаний бюро Калининского обкома ВКП(б).

Вопрос «Об утверждении Комиссии для собирания материалов по истории Великой Отечественной войны» рассматривался бюро только в мае

---

¹⁰ Лотарева Д.Д. Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив. С. 164.

¹¹ Цит. по: Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев; Институт российской истории РАН. М.; СПб., 2015. С. 120–121.

¹² Там же. С. 121.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 121–122.

1943 г., почти через год после составления упомянутого инструктивного письма. Вопрос был решён путём «опроса» членов бюро 02.05.1943 г., т. е. не рассматривался специально на заседании. Протоколом № 138 от 05.05.1943 г. заседания бюро Калининского обкома ВКП(б) в соответствии с указанием Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) была утверждена «Областная Комиссия для собирания материалов по истории Великой Отечественной войны в составе т.т.: 1) Калачева А.К. – Секретаря Обком ВКП(б) по пропаганде (председатель Комиссии). 2) Кривелевой С.А. – Зам. зав. отделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б). 3) Кашина – редактора газеты «Пролетарская правда». 4) Вершинского А. – профессора исторической кафедры Пединститута. 5) Андреева – зав. обл. архивом. 6) Образцова – зав. облоно. 7) Мельниковой – секретарь обкома ВЛКСМ по пропаганде»¹⁵. Очевидно, что единственным членом комиссии, который мог профессионально заниматься исследовательской, собственно исторической работой, был профессор А.Н. Вершинский.

Судя по тому, что вопрос о составе комиссии решался путём опроса, а не на заседании бюро, данная проблема не являлась первоочередной для Калининского обкома ВКП(б). Хотя другие кадровые вопросы (например, утверждение секретарей горкомов, райкомов, членов бюро горкомов и райкомов ВКП(б), утверждение редактора газеты «Пролетарская правда») решались непосредственно на заседании¹⁶.

Второстепенность данной темы для обкома подтверждается также тем, что в первоначальном проекте утверждение состава комиссии предполагалось ещё в феврале 1943 г.¹⁷, однако решение вопроса затянулось.

В течение июня – июля 1943 г. в созданную областную комиссию были делегированы районные уполномоченные¹⁸. В списке из почти 50 уполномоченных чаще всего упоминаются редакторы районных газет (21 человек), а также сотрудники партийных органов, в том числе заведующие парткабинетами райкомов и горкомов (9), пропагандисты райкомов и горкомов (6), заведующие и инструкторы отделов пропаганды и агитации (5), кроме того три директора школ и заведующий РОНО. Следует отметить, что единственным «историком» из назначенных уполномоченных оказалась учитель истории Молоковской средней школы член ВЛКСМ Петерсон Галина Ивановна¹⁹. Состав районных уполномоченных показывает сугубо партийное понимание целей и задач работы комиссии.

После заседания бюро обкома в мае 1943 г., на котором был утверждён состав комиссии, далее в течение 1943–1945 гг. информация о деятельности комиссии ни разу не встречается в протоколах заседаний бюро Калининского обкома ВКП(б). Непонятна и судьба комиссии. Документы о её ликвидации в рассмотренный период не выявлены. По-видимому, со смертью

¹⁵ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1089. Л. 6.

¹⁶ Там же. Л. 4 об.

¹⁷ Там же. Д. 1325. Л. 5–5 об.

¹⁸ Там же. Л. 22–47, 49–50.

¹⁹ Там же. Л. 40.

А.Н. Вершинского научно-методическое сопровождение работы комиссии, как, собственно, и сама работа, фактически прекратились, поскольку очевидно, что профессионально выполнять работу по собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны мог только историк А.Н. Вершинский и возглавляемый им коллектив кафедры истории СССР пединститута.

Для того чтобы понять, почему именно А.Н. Вершинский вошёл в состав областной комиссии, нужно обратиться к периоду, когда Калинин был освобождён и город начал возвращаться к мирной жизни после оккупации. Профессор А.Н. Вершинский вернулся из эвакуации одним из первых сотрудников Калининского пединститута. В марте 1942 г. пединститут возобновил занятия. В справке об обеспеченности института профессорско-преподавательским составом по состоянию на 16.02.1942 г., направленной в Калининский обком ВКП (б), упоминаются 57 сотрудников. Из них только 11 человек фактически находились в Калининне, остальные лишь были вызваны телеграммами²⁰. Среди находящихся в Калининне преподавателей были профессор «кафедры русской истории» А.Н. Вершинский и ассистент кафедры З.Г. Карпенко. В числе вызванных преподавателей исторического профиля упоминаются «зав. кафедрой древней, средней и новой истории» профессор А.С. Башкиров, профессор кафедры Н.И. Радциг, а также доценты П.М. Травин, доцент Исаев, доцент В.Н. Тарасов; в более позднем документе упоминается также доцент М.А. Розум²¹.

В правительственной телеграмме, направленной в адрес Калининского облоно 7 февраля 1942 г., говорится о назначении профессора А.Н. Вершинского врио директора института; также в ней указано: «намечаем Вершинского заместителем, директора подбираем»²².

А.Н. Вершинский оказался одной из самых уважаемых фигур в преподавательской среде, вернувшихся в город после оккупации²³. Ещё находясь в эвакуации в Кашине, в середине декабря 1941 г., он составил для обкома докладную записку с информацией о научных ценностях, оставшихся в оккупированном Калининне²⁴. Не случайно именно к нему обратились партийные органы, когда встал вопрос о сборе материалов по истории войны.

Вероятно, весной 1942 г. в Калининском обкоме ВКП(б) уже было известно о работе, которую начала «Комиссия Минца» по собиранию материалов по истории обороны Москвы. Очевидно, что эта информация поступала по каналам органов пропаганды и агитации ВКП(б). Можно с уверенностью утверждать, что в Калининне такая работа официально началась в мае 1942 г. Сохранился черновой вариант протокола совещания по сбору материалов «Калининская область в Отечественной войне» от 7 мая 1942 г., которое проводилось под руководством С.А. Кривелевой – зам. зав. отделом пропа-

²⁰ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 529. Л. 6–8.

²¹ Там же. Л. 15–15а.

²² Там же. Л. 16.

²³ Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М. Указ. соч. С. 149.

²⁴ Там же. С. 150.

ганды и агитации Калининского обкома ВКП(б)²⁵. В совещании приняли участие директор областного музея А.Н. Топорнин, представители НКВД, обкома ВЛКСМ, обкома союза учителей. Кроме того, на заседании присутствовали и три представителя от Калининского пединститута: В.П. Тугаринов (доцент кафедры основ марксизма-ленинизма), М.Л. Невский (зав. кафедрой ботаники) и А.Н. Вершинский (зав. кафедрой истории СССР)²⁶.

Наиболее обстоятельно по вопросу выступил А.Н. Вершинский, который сообщил, что кафедра истории СССР уже проводит работу по обозначенной теме, а именно – собирает материалы из газет и рассказы раненых бойцов и командиров и что уже собрано около 100 рассказов. По воспоминаниям близких А.Н. Вершинский, сам бывал в госпиталях, встречался с участниками боёв и записывал воспоминания очевидцев²⁷. На совещании он упомянул о необходимости собирания материалов районных газет, воспоминаний гражданского населения, а также о том, что нужно наладить учёт потерь по области, изучать партизанское движение, «фотографировать как можно больше, пока не восстановлено», привлечь комсомол, школьников, сельскую интеллигенцию, разделить труд между областными организациями и проводить беседы с живыми людьми²⁸.

Говорилось на совещании и о необходимости создания центра, организующего работу по сбору материалов и его публикации.

Начиная с проведённого совещания, неформальное лидерство в деле организации собирания материалов по истории войны легло на профессора А.Н. Вершинского и возглавляемую им кафедру истории СССР Калининского пединститута.

Вероятно, почти сразу после проведённого совещания А.Н. Вершинский приступил к разработке программы сбора и систематизации материалов по истории войны. В кратком виде эта программа была изложена в докладной записке, поданной им в адрес Калининского обкома ВКП(б). Записка не датирована, но по ее содержанию должна быть отнесена к периоду не позднее июня 1942 г.²⁹ Профессор А.Н. Вершинский обращается в обком с просьбой «теперь же, не дожидаясь окончания войны, поставить остро вопрос о необходимости собирания материалов по истории войны» и излагает от имени кафедры истории СССР «свои соображения по этому поводу»³⁰. Автор записки обращает внимание на то, что собирание материалов по истории войны не организовано, ведётся разными учреждениями, поэтому необходимо создание руководящего органа в виде Комиссии при обкоме ВКП(б) и Облисполкоме. Вторым мероприятием должно стать составление хроники событий войны на территории области³¹. События предлагалось фиксиро-

²⁵ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3 Д. 1325. Л. 8–8 об.

²⁶ Там же. Л. 8; Д. 529. Л. 20.

²⁷ Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М. Указ. соч. С. 154.

²⁸ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3 Д. 1325. Л. 8.

²⁹ Там же. Д. 529. Л. 18–19.

³⁰ Там же. Л. 18.

³¹ Там же. Д. 1325. Л. 18.

вать по нескольким рубрикам: события на фронте; события в тылу: перестройка промышленности, сельского хозяйства, помощь Красной Армии, работа культурных учреждений; фашистские зверства в оккупированных районах; калининцы – на фронтах войны³². Работу по регистрации событий, по мнению А.Н. Вершинского, могли бы проводить отделы агитации и пропаганды райкомов и редакции газет, которые ежемесячно должны были направлять собранные материалы в обком и комиссию. Кафедра истории СССР пединститута готова была взять на себя научное оформление и сводку всего материала, затем предоставляя его комиссии.

Предлагалось через областную и районную печать обратиться к гражданам с предложением собирать письменные и вещественные материалы и присылать их в Калинин (вещественные поступают в музей, письменные – в комиссию).

Также предлагалось организовывать экспедиции в освобождённые районы области в составе научных работников–историков, сотрудников музея и студентов. Программы экспедиций должен был утверждать обком ВКП(б). А.Н. Вершинский обращался к обкому ВКП(б) с просьбой осуществить материальное обеспечение планируемых экспедиций (питание, транспорт, обувь, наём помещений, писчебумажные и фотопринадлежности), выдать удостоверения, содействовать в получении разрешений на фотосъемку и в осуществлении взаимодействия с районными организациями и военными властями³³.

Автор обращал особое внимание на то, что запись рассказов очевидцев требует подготовки и опыта. «Нельзя дело собирания материалов ставить только с расчётом на участие жителей районов или местных комсомольских организаций, учительства... Даже записи корреспондентов газет не охватывают всего материала. Тем более это трудно людям, не имеющим в этом отношении практики»³⁴. Утверждение о том, что интервьюирование должны проводить хорошо разбирающиеся в теме люди, перекликается с пониманием этого процесса сотрудниками «Комиссии Минца»³⁵.

Автор также просил обком дать полномочия работникам экспедиций на составление актов о зверствах немцев, так как эти факты далеко ещё не все зарегистрированы.

Был ли получен ответ из обкома на поданную докладную записку – установить не удалось, как и его возможно содержание. Очевидно, что такое решение обком мог принять только в русле общей направленности партийной политики по данному вопросу. Ситуация была связана не только с ограниченными возможностями материального обеспечения экспедиционной работы в условиях военного времени. Вопрос организации такой работы, очевидно, касался целого комплекса проблем, связанных с взаимодействием с различными

³² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1325. Л. 18–18 об.

³³ Там же. Л. 19.

³⁴ Там же.

³⁵ Лотарева Д.Д. Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив. С. 161–162.

органами, в том числе НКВД, госбезопасности, военными армейскими структурами. Некоторые материалы, предполагаемые к сбору, изучению и публикации, могли содержать сведения, которые не должны были получить массового распространения (например, действия партизанских отрядов, сотрудничество населения с оккупационными властями, сведения, содержащие неприятие или критику действий военного командования, партийных органов и т. д.). Ведь работу предполагалось вести прежде всего через опросы местного населения, пережившего все ужасы и тяготы оккупации.

В отчёте о научно-исследовательской работе пединститута за 1943 г. упоминается, что летом 1943 г. кафедрой истории народов СССР была проведена 42-дневная экспедиция в освобождённые районы Калининской области в составе 4 научных работников и 10 студентов под руководством проф. А.Н. Вершинского. В отчёте указано, что экспедиция проводилась при согласовании с отделом агитации и пропаганды обкома ВКП(б), что подтверждает факт взаимодействия между пединститутом и обкомом³⁶. Однако уже созданная к тому времени областная комиссия в контексте этого взаимодействия никак не упоминается. Таким образом, становится очевидно, что официальное создание комиссии носило в большей степени формальный характер, и работа по собиранию материалов продолжала осуществляться, как и до её создания, силами историков пединститута под руководством и при непосредственном участии профессора А.Н. Вершинского.

В уже упомянутом отчёте указано, что по итогам экспедиции и с привлечением других материалов профессором А.Н. Вершинским подготовлена работа «Ветряные мельницы как источник энергии в освобождённых от врага районах» и готовится к печати научно-популярная брошюра «Бои за Калинин»; доцент Розум оформил отчёт на тему «Последствия немецкой оккупации в Ржевском, Зубцовском и Луковниковском районах», а ассистент Карпенко собрала и разрабатывает материал на тему «Подневольный труд во временно оккупированных районах Калининской области»³⁷.

Сохранившаяся в составе личного архивного фонда профессора А.Н. Вершинского и опубликованная сотрудником Главного управления по архивному делу к.и.н. Т.А. Бархатовой программа исследований по войне подтверждает масштабный замысел ученого. Текст относится к октябрю 1942 г.³⁸ Автор пишет о долге советских историков перед народами СССР и обращает внимание на то, что фиксация исторических событий должна вестись здесь и сейчас, поскольку «... по окончании войны многое изгладится в памяти, забудется. Воспоминания миллионов людей потеряют свою яркость, точность, то есть те качества, которые особенно ценны для истории»³⁹.

³⁶ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3 Д. 529. Л. 59.

³⁷ Там же.

³⁸ Вершинский А.Н. Об организации собирания материалов по истории Великой Отечественной войны // Седьмые Ильинские архивные чтения: Сборник статей / Архивный отдел Тверской области; редкол. Т.А. Бархатова и др. Тверь, 2021. С. 5–22.

³⁹ Там же. С. 7.

В тексте А.Н. Вершинский подробно описывает круг обязательных для собирания исторических источников.

В первую очередь это воспоминания о пережитом. «Народ как субъект истории встёт в будущей истории Великой Отечественной войны не только в лице служащих в армии, но и в виде свидетелей событий войны, фронта и ближнего к нему тыла, – из огромной массы гражданского населения»⁴⁰.

Также в перечне источников автором названы: фотодокументы о разрушениях, акты о немецких зверствах, переписка бойцов Красной Армии с родными; материалы, опубликованные в периодической печати (беседы и рассказы, записанные корреспондентами газет; дневники партизанских отрядов; отклики рабочих заводов и фабрик, колхозов и совхозов на военные события; отчеты землякам бойцов и командиров Красной Армии на митингах и собраниях); гражданские и военные газеты, в том числе предназначенные для оккупированных районов; стенные газеты, «боевые листки» колхозов, оборонных предприятий⁴¹.

Отдельно как особый вид источника выделены листовки: обращённые от советских учреждений и партийных организаций к населению фронтовой полосы и временно оккупированных районов; советского командования для немецких солдат; немецкого командования для бойцов Красной Армии и гражданского населения⁴².

Особо отмечена необходимость собирания фольклора военной эпохи («частушка-песня») для освещения психологии народных масс в «грозные дни великой войны»⁴³.

Подробно автором охарактеризованы предполагаемые к сбору и описанию вещественные источники: обмундирование и предметы быта немецкой армии; предметы, характеризующие поведение оккупантов (крюки, на которых подвешивали казнённых, резиновые дубинки, «бирки» – деревянные дощечки с номером и названием селения, которые были обязаны носить колхозники, нарукавные повязки немецкой администрации)⁴⁴; предметы, характеризующие жизнь партизанских отрядов: землянки, утварь, вещи. К вещественным источникам также отнесены укрепления: полевые окопы, дзоты, блиндажи⁴⁵. В перечне источников автором упомянуты плакаты и сатирические иллюстративные издания; кинофильмы.

Автор обращается и к организационным аспектам и методике проведения сбора необходимых сведений. Ссылаясь на опыт Института истории Академии наук, он считает необходимым начать порайонное составление хроники войны – летописи Великой Отечественной войны начиная с 22 июня 1941 г.⁴⁶ Основным принципом в собирании материалов по истории

⁴⁰ Вершинский А.Н. Указ. соч. С. 11.

⁴¹ Там же. С. 12–13.

⁴² Там же. С. 13.

⁴³ Там же. С. 14.

⁴⁴ Там же. С. 14–15.

⁴⁵ Там же. С. 16.

⁴⁶ Там же. С. 19, 22.

Великой Отечественной войны должен был стать порайонный принцип с последующим объединением в областной.

Организационным центром по собиранию материалов А.Н. Вершинский видел отдел агитации и пропаганды обкома ВКП(б), который должен был создать в каждом районе группу из местного актива, ответственную за сбор материалов. Эти группы было необходимо снабдить рекомендациями по технике и правилам записи воспоминаний, фольклора, составления актов о зверствах, описей⁴⁷. Часть источников должна была храниться на местах, а часть – копироваться и отсылаться в обком ВКП(б). Одновременно в районах должны были составляться описи собранных материалов, копии с которых раз в квартал требовалось доставлять в областные учреждения⁴⁸.

В качестве образца программы для собирания материалов по войне предлагалось рассмотреть программу, составленную кафедрой истории СССР пединститута.

Конечно, в этой грандиозной программе по сбору и систематизации материалов было много изъянов. В условиях военного времени, всеобщей разрухи, масштабных разрушений и массовой гибели населения трудно было представить, что при дефиците кадров удастся наладить такую работу. Эта задача, по-видимому, на местах рассматривалась как непосильная. В изложенной программе были заложены и противоречия. Профессор А.Н. Вершинский упоминал, что работу по записи воспоминаний должны были вести хорошо подготовленные люди, понимающие цель интервьюирования и умеющие задавать вопросы, опираясь на свои глубокие знания хода и содержания войны. В то же время такая задача возлагалась на местных активистов, которые должны были действовать в соответствии с утвержденной инструкцией, т. е. достаточно шаблонно, и в случае реального интервью вряд ли были способны почувствовать ход мысли собеседника и получить важную историческую информацию. Составление «летописи событий войны» на местах также требовало глубокого понимания их важности с целью отбора и фиксации. Учитывая отсутствие специалистов, которые могли бы определять «вес» события, даже такая работа, кажется, была малоосуществимой.

Дефицит профессиональных кадров, которые могли проводить такую грандиозную работу, был очевиден. Кадров не хватало даже в самом пединституте. В справке об итогах работы пединститута за 1943–1944 уч. год и о подготовке к новому учебному году указывалось, что кафедра истории СССР не укомплектована работниками⁴⁹, а ведь, по замыслу А.Н. Вершинского, именно на неё возлагалась основная нагрузка по данной теме.

Несмотря на то что профессором А.Н. Вершинским в разных документах, как и другими участниками майского совещания 1942 г., неоднократно высказывалась мысль о необходимости создания организующего центра, от

⁴⁷ Вершинский А.Н. Указ. соч. С. 21.

⁴⁸ Там же С. 22.

⁴⁹ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3 Д. 529. Л. 130 об.

факта официального образования комиссии в мае 1943 г. мало что изменилось в реальном процессе собирания материалов по войне.

Неясно даже, была ли официально утверждена инструкция по собиранию материалов, сохранившаяся в черновом варианте от февраля 1943 г. и составленная за три месяца до официального утверждения комиссии⁵⁰.

На основе изучения проекта инструкции можно увидеть заочную полемику-дискуссию между её составителем, который предлагал к собиранию документы определённых видов и тематики, и её редактором, который вычёркивал предложенные виды документов и нашедшие в них отражение темы. Очевидно, что правка осуществлялась как исключительно технически, так и принципиально по содержанию.

Разделы, по которым предполагался сбор сведений в освобождённых районах, включали: 1. Чудовищные злодеяния и насилие немецко-фашистских захватчиков. 2. Борьба советских людей против немецких захватчиков. 3. Борьба частей Красной Армии на территории района. Отдельное внимание уделялось в инструкции качеству записи устных воспоминаний и составлению актов о зверствах немцев.

Из сведений и документов, которые в первоначальном варианте инструкции предполагались к сбору, но были вычеркнуты редактором, отметим: фамилии пострадавших граждан с указанием возраста и занимаемой должности; состав партизанских отрядов по полу, возрасту, партийности и роду занятий; фото землянок партизан; данные о политической работе среди населения; рассказы о помощи населения партизанам; работа подпольных партгрупп, формы и методы политпропаганды, включая количество проведённых бесед, распространённых листовок; работа по организации сопротивления оккупантам; сведения о выпуске продукции до войны в количественном и денежном выражении, о перестройке на военный лад производства и освоении выпуска новой продукции; отчеты руководителей колхозов, совхозов и МТС; работа партийных и комсомольских организаций в дни войны, в том числе их отчеты; фактический материал по району и отдельным предприятиям и колхозам с указанием руководителей и трудящихся, отличившихся в помощи фронту⁵¹.

Как видно, значительный объём сведений попал в перечень запрещённых или, по мнению представителя обкома, который, очевидно, и редактировал инструкцию, неактуальных к собиранию.

Сохранился и черновой проект письма от имени отдела пропаганды и агитации обкома ВКП(б) в адрес секретарей районных и городских комитетов ВКП(б) об организации работы по сбору материалов по истории Великой Отечественной войны⁵². Машинописный текст дважды подвергался правке разными людьми. В тексте письма упоминаются вопросы, по которым следует организовать сбор материалов, а также группы источников, ко-

⁵⁰ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3 Д. 1325. Л. 1–3 об.

⁵¹ Там же. Д. 529. Л. 2–3 об.

⁵² Там же. Л. 4–4 об.

торые следует собирать. Указанные в письме письменные, вещественные и устные источники в целом соответствовали видам источников, перечисленных А.Н. Вершинским в предложенной им программе исследований октября 1942 г. Также в письме отмечается необходимость составления летописи событий в дни войны.

В проект плана работы комиссии на февраль 1943 г. был включён вопрос о районных уполномоченных комиссии, утверждении инструкции и сообщении профессора А.Н. Вершинского «О работе исторической кафедры по сбору материалов и разработке отдельных тем по истории Великой Отечественной войны»⁵³.

Свидетельством того, что профессор А.Н. Вершинский постоянно контактировал с комиссией, а по сути отчитывался о проделанной работе перед обкомом, являются сохранившиеся подлинники двух документов от 18.02.1943 г. за подписью профессора⁵⁴. Это перечень проведённых кафедрой истории СССР работ по собиранию материалов по Великой Отечественной войне с 1 января 1942 г. по 1 января 1943 г. и перечень намеченных к выполнению работ по собиранию материалов по истории войны по кафедре истории СССР на 1943 г. Черновики этих документов сохранились и в личном фонде А.Н. Вершинского⁵⁵.

В перечне собранных и собираемых документов упоминаются: вырезки из центральных и областных газет о событиях на Калининском фронте; письма студентов – участников войны; листовки; корреспонденции; данные об участии в войне питомцев института; отчеты о работе факультетов и всего института в дни войны; более 100 воспоминаний бойцов Калининского фронта, записанных в госпиталях с 20.12.41 по 01.07.42. Также отмечены факты составления хроники событий войны на территории Калининской области, на фронте и в тылу с 21.06.41 по 01.10.41 и с 01.03.42 по 01.07.42 г. и проведения совместно с областным музеем экспедиции в освобожденные районы области (Калининский, Медновский, Старицкий, Погорельский с 01.08.42 по 20.09.42), в ходе которой были собраны акты о зверствах, воспоминания, фольклор, вещи.

Сотрудниками кафедры были написаны рукописи «Бойцы Калининского фронта (воспоминания, рассказы)», «Калининские комсомольцы – герои Советского союза», «Бои за Калинин», «Военный фольклор Калининской области». Указано, что рукопись последней книги была передана Центральному дому народного творчества в Москве для использования в издаваемом к 25-летию Красной Армии сборнике⁵⁶.

В перечне планируемых на 1943 г. работ указывалось: продолжение работы по составлению хроники войны на основе районных газет; собирание вырезок, писем и других материалов; собирание сведений о работе педин-

⁵³ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3 Д. 1325. Л. 6.

⁵⁴ Там же. Л. 16–17.

⁵⁵ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 227. Л. 33–34 об.

⁵⁶ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1325. Л. 16.

ститута в дни войны; организация летом 1943 г. экспедиции в освобожденные районы по собиранию устных источников войны (воспоминания, рассказы, фольклор); подготовка к печати сборника материалов по истории войны в пределах области (акты зверств, рассказы, воспоминания, корреспонденции, статистические данные) и разработка тем по истории войны («Экономические итоги фашистской оккупации в Калининской области», «Новый порядок» Гитлера в оккупированных районах Калининской области, «Разрушение памятников искусства в Калининской области», «Калининский район в годы Великой Отечественной войны»)⁵⁷.

Сведения об участниках экспедиции пединститута, направляемых в освобожденные Калининский, Емельяновский, Ржевский, Оленинский, Зубцовский, Пеновский, Тургиновский районы с 01.08.43 по 15.09.43, поступили в областную комиссию в виде списка сотрудников и студентов от 26.07.1943 г.⁵⁸ В списке упоминаются 13 человек (Вершинский А.Н., Розум М.А., Карпенко З.Г., Полесова Л.И., Мошкова Е.Н., Ваганова Н.А., Иванов А.М., Мейсер А.А., Фролова М.А., Пузырева П.А., Иванова Е.А., Митрофанова А.П., Савина М.Ф.).

Можно утверждать, что по сути деятельность профессора А.Н. Вершинского и возглавляемой им кафедры подменяла собой деятельность самой областной комиссии.

К непосредственной работе комиссии можно отнести только подготовку письма, сохранившегося в виде копии, от имени секретаря обкома ВКП(б) по пропаганде в адрес начальника политотдела части 89, с просьбой выслать в областную комиссию материалы по истории Калининской дивизии⁵⁹.

В деле областной комиссии сохранились копии актов о зверствах, совершенных в основном на территории гор. Ржева и Ржевского района в марте 1943 г.; два акта от 28.09.1943 и 14.10.1943 в подлинниках; копия акта о зверствах на территории Новосокольнического района⁶⁰.

В другом архивном деле фонда Калининского обкома ВКП(б) сохранились подлинники записей рассказов свидетелей событий, составленные на территории Емельяновского района⁶¹. Эти записи, датируемые июлем 1943 – февралем 1944 г., очевидно, связаны с деятельностью областной комиссии. Работа по их сбору велась уполномоченным комиссии по району Еленой Сергеевной Цинзерлинг. В записях указано, что они составлялись для книги «Великая Отечественная война» по Калининской области⁶². Вероятно, именно сам интервьюер так представлял себе цель собирания этих рассказов. Всего сохранилось 7 записанных рассказов свидетелей по Емельяновскому району⁶³. Также сохранилась запись рассказа свидетеля по Краснохолмскому

⁵⁷ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3 Д. 1325. Л. 17.

⁵⁸ Там же. Л. 19, 19 об.

⁵⁹ Там же. Л. 12.

⁶⁰ Там же. Л. 48, 51–71.

⁶¹ Там же. Д. 552. Л. 3–40.

⁶² Там же. Л. 5.

⁶³ Там же. Л. 3–11 об, 15–25 об, 39–40.

району⁶⁴, выполненная районным уполномоченным комиссии. В одном из писем в обком ВКП(б) Е.С. Цинзерлинг также сообщала, что ведёт работу по описанию братских могил по устному заданию профессора А.Н. Вершинского, и просила уведомить о том, куда можно направить собранный материал⁶⁵.

Основная информация о планируемых и проведённых мероприятиях в рамках разработанной программы по собиранию материалов по истории войны сохранилась в личном фонде профессора А.Н. Вершинского.

В одном из документов, к сожалению, недатированных, связанных с организацией проведения работ, А.Н. Вершинский упоминает необходимость установления связи кафедры истории СССР Калининского пединститута с комиссией при обкоме ВКП(б) и комиссией Института истории Академии наук СССР⁶⁶. Очевидно, что о деятельности «комиссии Минца», с которой предполагалось установить связь, в Калининском было хорошо известно. Однако формат взаимодействия Калининской областной комиссии с «Комиссией Минца», как и сам факт взаимодействия, по архивным документам не прослеживается. Вероятно, эта перспектива так и осталась нереализованной, поскольку в 1944 г. Отдел национальных республик, который в структуре «Комиссии Минца» и должен был курировать деятельность республиканских и областных комиссий, был ликвидирован⁶⁷.

В личном фонде профессора имеются сведения о подготовке к изданию сборника материалов по истории Великой Отечественной войны. Предполагаемый к публикации первый выпуск сборника должен был получить название «Фашистские зверства в Калининской области». В сохранившихся записях профессора начала 1943 г. упоминается проект сборника⁶⁸, который должен был содержать шесть разделов (грабёж населения; разрушение сёл, деревень, городов; гитлеровский новый порядок в оккупированных районах; разрушение культуры; зверства и насилия над мирным населением; истребление военнопленных). Предполагалось публиковать акты, рассказы населения, фотографии, выдержки из сообщений Совинформбюро, нот Молотова и других официальных источников, корреспонденции гражданской и военной власти, статистические данные. Внутри разделов вводился хронологический принцип публикации с нумерацией каждого документа, ссылкой на место его хранения или на издание, где он был опубликован.

Казалось бы, необходимости в таком издании не было, поскольку ещё в августе 1942 г. Калининским обкомом ВКП(б) была издана брошюра «Не забудем, не простим», в которой были размещены документы: выдержки из ак-

⁶⁴ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3 Д. 1325. Л. 12–14.

⁶⁵ Там же. Л. 38.

⁶⁶ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 227. Л. 38.

⁶⁷ Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. С. 122.

⁶⁸ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 227. Л. 37.

тов, рассказов, писем, фотографии и другие материалы⁶⁹. Однако у брошюры, вышедшей под лозунгом «Смерть немецким оккупантам!» на титульном листе, была конкретная цель – показать зверства немецкой армии, воздействовать на эмоции читателей и вызвать справедливую ненависть к врагу.

Профессор А.Н. Вершинский и после выхода в свет этой брошюры продолжал сбор материалов и разрабатывал план издания документов по обозначенной теме с совсем другой целью – с целью публикации исторических источников на основе определённых подходов, принципов и методов. О том, что работа по учёту и подготовке к изданию документов велась профессором на систематической основе, свидетельствует составленный им список актов о зверствах, воспоминаний и статистических материалов за период с декабря 1941 по осень 1943 г. Каждый документ в списке имел свой шифр, название с указанием авторства и по возможности с датой создания, местом публикации (упоминаются брошюра «Не забудем, не простим», газеты «Пролетарская правда», «Колхозник» и другие) и местом хранения (обком ВЛКСМ, обком ВКП(б) и т. д.)⁷⁰. Собирались профессором и копии самих актов о грабежах, зверствах и разрушениях в период оккупации⁷¹.

Значительная часть дел и документов в личном фонде А.Н. Вершинского посвящена результатам работы экспедиции августа – сентября 1943 г. в освобождённые районы, прежде всего, в Емельяновском районе.

В фонде сохранились записи рассказов свидетелей, осуществлённые лично А.Н. Вершинским⁷². К сожалению, это черновые записи, они написаны на серой бумаге простым карандашом быстрым почерком и читаются плохо, однако содержат значимые описания эпизодов взаимодействия мирных жителей с оккупантами и рассказы о боях на Калининском фронте⁷³.

Сохранились 10 карандашных рисунков, выполненных студенткой А.П. Митрофановой в деревнях Емельяновского района: рисунки улицы деревни; внутреннего устройства деревянной деревенской избы, в которой проживало 3 семьи, – 21 человек, в том числе 9 детей; зарисовки избы, которую сама построила из подручных материалов жительница деревни весной 1942 г.; рисунок шалаша, в котором проживали 6 человек; рисунки разрушенных домов⁷⁴.

В составе фонда также сохранились записи частушек на военную тему, исполненные детьми и подростками в ходе экспедиции в Калининском и Емельяновском районах⁷⁵.

В одном из дел сохранились копии четырёх писем красноармейцев, скопированных студенткой А.П. Митрофановой в Емельяновском районе⁷⁶.

---

⁶⁹ Не забудем! Не простим! Злодеяния немецко-фашистских захватчиков в районах Калининской области. Калинин, 1942.

⁷⁰ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 228. Л. 1–14.

⁷¹ Там же. Л. 17; Д. 229.

⁷² Там же. Д. 228. Л. 19–45; Д. 236.

⁷³ Там же. Д. 236. Д. 240.

⁷⁴ Там же. Д. 237. Л. 3, 4, 6, 10.

⁷⁵ Там же. Д. 242.

Это не личные письма, а ответы на письма представителей местных партийных органов. Они, хотя и написаны живым языком, не содержат эмоций, переживаний, описаний проблем военного быта, а включают достаточно официальные сведения о количестве установленных мин, подбитых танков, построенных дзотов. Именно об этом письмо военного инженера Г. Тарасова, написанное в ответ на письмо зав. парткабинетом д. Емельяново Садовой от июня 1943 года⁷⁷. В своём письме военный инженер отвечает, что «никаких «материалов» я вам выслать не могу, на это есть у нас «Совинформбюро»... А вот отвечать на ваши вопросы и письма готов»⁷⁸. Не исключено, что письмо было направлено в связи с начатой работой областной комиссии и её районных представителей по сбору материалов по войне.

Тематика и официальное содержание письма показывает, насколько ограничены были красноармейцы рамками официальной цензуры и самоцензуры при изложении фронтовых событий.

Исследователи, занимающиеся изучением деятельности «Комиссии Минца», отмечали, что комиссия не была обычным официальным учреждением, а её деятельность была построена на живых связях с современниками. «Сотрудникам Комиссии, для того чтобы добывать ценные исторические материалы, приходилось завязывать отношения как с высоким начальством, так и с рядовыми людьми. От степени их компетентности и доброжелательности, а также уверенности в чрезвычайной важности их миссии, зависело, откроются ли им навстречу собеседники в жестких условиях военного времени, поделятся ли тем, что накопилось в душе»⁷⁹.

Работа комиссий в целом во многом была связана с проблемой установления доверительных отношений между лицами, осуществляющими сбор сведений, и их собеседниками при личном общении и в ходе переписки.

В одном из дел сохранилась не очень объёмная, но важная в деталях описываемых событий запись воспоминаний участника боёв за город Калинин в 1941 г. майора Дмитрия Леонидовича Гроссмана, бывшего комиссара политуправления 252-й дивизии 29-й армии под командованием генерал-полковника Масленникова. Запись, осуществленная со слов майора, содержит сведения о формировании дивизии в июле 1941 г., отступлении дивизии через западные города области Андреаполь, Старую Торопу, Нелидово, Ржев, об оборонительных боях на окраине Калинина, боях на Горбатом мосту, где упоминаются фамилии героев, о наступательных боях и освобождении Старицы⁸⁰.

В двух делах находятся единичные немецкие и русские листовки, собранные в ходе экспедиций 1943 и 1942 гг.⁸¹

---

⁷⁶ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 228. Д. 239.

⁷⁷ Там же. Л. 2–3.

⁷⁸ Там же. Л. 2.

⁷⁹ Лотарева Д.Д. Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив. С. 132.

⁸⁰ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 240. Л. 8–10.

⁸¹ Там же. Д. 252. Д. 255.

Следует отметить две сохранившиеся в рукописном черновом варианте работы А.Н. Вершинского, над которыми он работал глубоко и с перспективой дальнейшей публикации.

Одна из работ на тему «Там, где отступала IX германская армия (окт. 1941 – январь 1942 г.)», хотя и названа автором лекцией, представляет собой достаточно подробное описание событий с упоминанием конкретных дат, номеров частей, дивизий, этапов, направлений ударов, а также содержит зарисовку схемы местности у д. Савино, д. Котово, выполненную на основе акта и рассказов очевидцев⁸².

Известно, что для установления фактов о событиях декабря 1941 г. в сентябре 1943 г. при личном участии А.Н. Вершинского был составлен акт. События были связаны с отступлением немецких войск, в ходе которого для заслона от наступающих частей Красной Армии нацисты выгнали из домов жителей многих деревень Калининского и Емельяновского районов (д. Котово, д. Даниловское, д. Сельцо, д. Шалайково и других)⁸³. Колонна женщин и детей растянулась на 3 км. По сведениям, указанным А.Н. Вершинским, погибло от 150 до 250 человек⁸⁴. Описание событий приведено А.Н. Вершинским по рассказам выживших свидетелей.

К плану лекции прилагались: хронология событий по дням декабря 1941 г., происходивших в Калининском и Емельяновском районах области; рассказы очевидцев об оккупации деревень Ярнево и Кунькино Хомутовского сельсовета Емельяновского района, записанные лично А.Н. Вершинским в ходе экспедиции в августе 1943 г.; и сам текст лекции про IX-ю армию⁸⁵.

На основе материалов лекции А.Н. Вершинский подготовил к публикации рукопись «Там, где отступала 9-я германская армия» с подзаголовком «Сборник материалов и документов о зверствах немцев в Калининской области»⁸⁶. Издание готовилось как публикация свидетельских показаний о зверствах нацистов, собранных в Калининском и Емельяновском районах. Сборник не был опубликован. Часть сведений, полученных в ходе этих опросов, была опубликована в 1945 г. в брошюре «Под фашистским игом» под авторством ассистента кафедры истории СССР З.Г. Карпенко⁸⁷.

Рукопись другой работы А.Н. Вершинского – «К истории битвы за Москву. Бои за Калинин в 1941 г.» – представляет собой черновой текст с правкой автора⁸⁸. Опубликованная в конце 1945 г. (почти через 1,5 года после кончины профессора), брошюра «Бои за город Калинин», представляет собой сжатое изложение этого труда, рассчитанное на массового читателя и

⁸² ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–7.

⁸³ Там же. Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 8. Л. 31, 31 об.

⁸⁴ Там же. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 243. Л. 3 об.

⁸⁵ Там же. Л. 7–21.

⁸⁶ Там же. Д. 396; *Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М.* Указ. соч. С. 151–152.

⁸⁷ *Карпенко З.* Под фашистским игом: о хозяйничании немецких захватчиков в районах Калининской области. Калинин, 1945.

⁸⁸ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 248.

отредактированное в связи с целями публикации⁸⁹. Опубликованный текст хотя и содержит цитаты из источников, но при этом полностью лишен научно-справочного аппарата.

В рукописи, которая готовилась профессором А.Н. Вершинским, описание событий дается подробно с опорой на различные источники, которые использовал автор, даются сноски на публикации в газетах «Правда», «Известия», «Красный воин», «Пролетарская правда», цитируются документы, опубликованные в издании «Не забудем, не простим» 1942 г., приводятся факты военно-стратегического характера в виде текстовых выписок и воспроизведенных схем из книги «Разгром немецких войск под Москвой: краткий оперативно-стратегический очерк» (М., 1943). В качестве источника упоминается также «Дело партизанского отряда Калининского сельского района»⁹⁰. Автор собрал для публикации доступные ему в условиях ограниченных возможностей военного времени источники. По мнению исследователей, брошюру «Бои за город Калинин» надо воспринимать такой, какой она задумывалась, – как обобщённую сводку всех опубликованных к тому времени материалов о боях, написанную к тому же непосредственным свидетелем многих событий»⁹¹.

Занимался А.Н. Вершинский и составлением хроники событий по дням октября – декабря 1941 г., преимущественно на основе сообщений Совинформбюро и материалов газеты «Красная звезда», пытаясь, вероятно, реализовать свой замысел о составлении «летописи войны»⁹². Данные хроники использовались им при подготовке вышеуказанных рукописей.

Прекращение деятельности областной комиссии, как, собственно, и «Комиссии Минца», безусловно, нужно рассматривать в контексте разного понимания их цели и задач партийно-государственными органами и профессиональным историческим сообществом. Партийные органы рассматривали создание комиссий как возможность привлечь профессиональные кадры к собиранию и систематизации материалов об ущербе и преступлениях нацистов на оккупированной территории с целями идеологического характера (не случайно работу «исторических» комиссий курировали партийные отделы агитации и пропаганды). Но такие задачи параллельно и в первую очередь решала Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, а также республиканские, краевые и областные комиссии, созданные для содействия в её работе. В Калининской области Калининская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в местах, освобожденных от оккупации, была создана решением испол-

⁸⁹ Вершинский А.Н. Бои за город Калинин. Калинин, 1945.

⁹⁰ ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 248. Л. 72, 127–128.

⁹¹ Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М. Указ. соч. С. 153.

⁹² ГАТО. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 251.

кома Калининского областного совета трудящихся 9 апреля 1943 г.⁹³ Её создание по времени совпало с периодом, когда решался вопрос о создании и областной «исторической» комиссии. Работа Чрезвычайной комиссии была четко организована в общегосударственных масштабах. Местные представители, вероятно, часто не понимали разницы целей и задач двух комиссий и просто копировали составленные акты о преступлениях либо проводили повторный опрос свидетелей и повторно составляли акты по уже установленным ранее фактам.

Профессиональное историческое сообщество, в свою очередь, рассматривало «исторические комиссии» как серьёзный организующий центр по решению глобальной задачи собирания уникальных источников по истории войны, что называется, по горячим следам (воспоминаний, записей бесед с выжившими свидетелями и участниками событий из числа мирных граждан и военнослужащих). По сути прочная партийно-государственная поддержка комиссий означала бы санкцию партии и государства историкам на такие масштабные исследования. Однако, как показала история «Комиссии Минца», даже маститым исследователям в центре не удалось в итоге доказать партийно-государственным органам важность этой работы для современников и потомков. На региональном же уровне этот вопрос тем более невозможно было решить без санкции свыше. Собственно, именно поэтому деятельность областной комиссии не вышла за рамки научно-исследовательских работ, инициированных и осуществленных кафедрой истории СССР исторического факультета Калининского пединститута под руководством профессора А.Н. Вершинского.

Собранные под руководством А.Н. Вершинского и им лично материалы отложились преимущественно в составе личного архивного фонда профессора в виде планов, проектов, газетных вырезок, копий актов о преступлениях, хроники военных событий, экспедиционных материалов, в том числе содержащих записи опросов свидетелей, черновиков рукописей, а также представлены двумя опубликованными брошюрами, рассчитанными на массового читателя.

Тем не менее разработанная и частично осуществленная профессором А.Н. Вершинским и его коллегами программа по сбору, систематизации и публикации материалов в непростое военное время является несомненным вкладом этого выдающегося человека в изучение истории и сохранение памяти о Великой Отечественной войне.

---

⁹³ Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Тверская область: Сборник архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. Т.А. Бархатова; сост. Д.А. Ефремов, Н.В. Федотова, О.В. Маркелова и др. М., 2020. С. 46.

Список литературы:

1. Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М. Из истории Тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский (1888–1944). Тверь: Тверской государственный университет, 1990. – 161 с.
2. Лотарева Д.Д. Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив: реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник за 2011 год / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2014. С. 123–166.
3. Лотарева Д.Д. Комиссия по истории Великой Отечественной войны: история создания, основные этапы и результаты деятельности // Великая Отечественная – известная и неизвестная: историческая память и современность: материалы междунар. науч. конф. (Москва – Коломна, 6–8 мая 2015 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2015. С. 159–165.

Об авторе:

СВИРИН Кирилл Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра архивоведения, историографии и документоведения, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 208), e-mail: Svirin.KM@tversu.ru

ACTIVITY OF PROFESSOR A.N. VERSHINSKY IN THE KALININ REGIONAL «COMMISSION FOR COLLECTING MATERIALS ON THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR»

K.M. Svirin

Tver State University, Tver, Russia

The article examines the activities of Professor Anatoly Nikolayevich Vershinsky as part of the Kalinin Regional Commission for collecting materials on the history of the Great Patriotic War. The commission was established in May 1943 by the decision of the bureau of the Kalinin Regional Committee of the CPSU (b). Information about the creation and organization of the commission's work has been preserved fragmentary in archival documents. Informal leadership in organizing the collection of materials on the history of the war fell on Professor A.N. Vershinsky and the Department of the History of the USSR of the Kalinin Pedagogical Institute headed by him. The activity of Professor A.N. Vershinsky was connected with the compilation of a program for collecting and systematizing materials on the history of the war, determining the list of collected sources, primarily memories and stories of witnesses of the occupation, conducting expeditions to the liberated areas of the region, compiling a chronicle of the war, preparing the collected materials for publication. The main part of the collected materials was deposited in the personal archive fund of the scientist.

Keywords: *The Great Patriotic War, Professor Anatoly N. Vershinsky, Kalinin region, Kalinin Regional Commission for collecting materials on the history of the Great Patriotic War, Mints Commission, Kalinin Pedagogical Institute, history of historical science.*

About the author:

SVIRIN Kirill Mikhailovich – Candidate of History, Associate Professor, the Department of Archive Studies, Historiography and Documentation, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya str., 16/31, office 208), e-mail: Svirin.KM@tversu.ru

References:

- Kotlyarskaya L.A., Freidenberg M.M., *Iz istorii Tverskoi kul'tury: Anatolii Nikolaevich Vershinskii (1888–1944)*, Tver', Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 1990. – 161 s.
- Lotareva D.D., *Komissiya po istorii Velikoi Otechestvennoi voiny i ee arkhiv: rekonstruktsiya deyatelnosti i metodov raboty*, Arkheograficheskii ezhegodnik za 2011 god, otv. red. S.O. Shmidt, M., Nauka, 2014, S. 123–166.
- Lotareva D.D., *Komissiya po istorii Velikoi Otechestvennoi voiny: istoriya sozdaniya, osnovnye etapy i rezul'taty deyatelnosti*, Velikaya Otechestvennaya – izvestnaya i neizvestnaya: istoricheskaya pamyat' i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf., Moskva – Kolomna, 6–8 maya 2015 g., otv. red. Yu.A. Petrov, M., IRI RAN, 2015, S. 159–165.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г..

УДК 94(470.331)''18''

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.071–086

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕПАРХИАЛЬНОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИН- СКОГО ОБЩЕСТВА В ТВЕРИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА ¹

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье рассматривается процедура открытия Тверского отдела Императорского православного палестинского общества (ИППО) и анализируется деятельность отдела в конце XIX в. Формирование региональной структуры ИППО проходило в конце XIX в., но этот процесс не нашёл отражения в историографии. Данное исследование проведено на основе материалов, преимущественно отчётов, опубликованных в «Тверских епархиальных ведомостях» с привлечением архивных фондов Государственного архива Тверской области. Выявлены данные о первичном должностном и членском составе Тверского отдела, динамика замещения основных должностей и формирования корпуса действительных членов и членов-корреспондентов отдела, сословная и профессиональная принадлежность членов состава Тверского отдела ИППО.

Ключевые слова: *Императорское православное палестинское общество, общественная организация, Тверской отдел, Тверская епархия, Тверские епархиальные ведомости, Святая земля, Архиепископ Тверской и Кашинский, сословие.*

Вторая половина XIX в. стала в Российской империи временем активного создания общественных организаций. Этому способствовали изменения в законодательстве и правоприменительной практике, осуществленные в годы Великих реформ императора Александра II. Тысячи российских подданных получили возможность реализации своей инициативы и своих творческих способностей в самых разных сферах общественной жизни. Местное самоуправление, народное просвещение, паломничество – список этих направлений приложения общественной инициативы можно продолжать. В рассматриваемый исторический период была расширена практика взаимодействия государственных органов и общественных организаций, или, выражаясь терминами настоящего времени, практика государственно-общественного и государственно-частного партнерства. В организационных

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания № 0817-2023-0013 «Деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в Тверском крае в XIX-XXI вв.».

рамках Императорского православного палестинского общества (далее – ИППО), как и в рамках других общественных организаций, осуществлялась совместная деятельность людей из различных сословий.

Собственно говоря, названные выше практики государственно-общественного взаимодействия и межсословной коммуникации не только актуализируют тему настоящей работы, но и придают ей прикладной характер.

Среди старейших благотворительных общественных организаций России конца XIX в. ИППО занимает особое место. Общество являлось одним из действующих инструментов религиозно-нравственного и патриотического воспитания общества в дореволюционной России, славилось научно-историческими исследованиями о православных святынях Ближнего Востока и помощью паломникам на Святую землю. Ведущая роль в реализации целей и задач Общества, а также популяризации деятельности ИППО принадлежала региональным отделам Общества.

Целью данного исследования является восполнение пробела в изучении деятельности региональных отделов ИППО на примере епархиального отдела в Твери в конце XIX в. Хронологическими рамками настоящей работы являются 1894–1900 гг. При этом с учётом логики научного исследования рассматриваются некоторые сюжеты в предшествующие или последующие годы.

Православное Палестинское Общество и проект его Устава были утверждены указом императора Александра III в 1882 г.² С 1899 г. организация была принята под высочайшее покровительство великого князя Сергея Александровича и получила название Императорского Православного Палестинского Общества. Согласно уставу общества, его приоритетными направлениями в деятельности являлись: распространение в России сведений о святынях Востока; содействие паломничеству на Святую землю; научное палестиноведение и гуманитарно-просветительное сотрудничество с народами стран библейского региона; поддержка православия на Ближнем Востоке.

До начала 1890-х гг. работала лишь центральная структура ИППО в Петербурге. Большинство членов Палестинского общества являлись жителями столицы, в провинции насчитывалось немного «палестинцев», связь их с обществом была эпизодической и чаще всего ограничивалась уплатой членских взносов³. Реализация основных целей общества требовала постоянного притока финансовых ресурсов, для чего в 1884 г. Советом общества было принято решение о вовлечении в деятельность ИППО провинциальных кругов русского общества путем открытия отделов в различных губерниях (епархиях). В 1885 г. утверждено дополнение к уставу Православного Палестинского общества, в котором определены непереносимые условия открытия местных отделов: «Отделы открываются по усмотрению Совета общества, с согласия местного

² Высочайше утвержденный проект устава Православного Палестинского Общества, утвержденный именным указом от 8 мая 1882 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. II. СПб., 1882. № 857.

³ Балдин К.Е. Создание местных организаций Императорского Православного Палестинского Общества (1890-е гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. №4 (12). С. 8–16.

начальства и когда в данной местности имеется не менее 10 членов общества, изъявивших желание открыть отдел». Определялись основные задачи отделов: распространять сведения о целях Православного Палестинского общества; привлекать новых членов; принимать все дозволенные уставом меры к увеличению материальных средств, и исполнять возлагаемые на них обществом поручения»⁴.

Первый епархиальный отдел был открыт в Якутии в марте 1893 г., в следующем году появились отделы Одесский, Волынский, Вятский, Оренбургский, Пензенский, Рязанский, Черниговский, Томский, Калужский, Екатеринбургский, Ярославский. К 1917 г. в стране работали 52 отдела. Самое большое количество отделов было открыто в 1894 г., а с 1894 по 1897 гг. открылось более половины отделов от общего числа.

Вопросы истории и деятельности ИППО находятся в поле зрения исследователей с конца XIX столетия. По тематике в общем объёме работ можно выделить три крупных блока исследований: посвящённые общей истории появления и развития ИППО; исследования различных узких видов деятельности общества как внутри страны, так и за её пределами; труды, посвящённые формированию сети региональных отделов и их деятельности. В контексте данного исследования наибольший интерес представляют исследования, направленность которых связана с региональными отделами.

Начало изучению истории ИППО положил Ф.К. Греков⁵ в 1891 г. публикацией первого обобщения всех сторон деятельности Общества за 1882–1890 гг. В 1907 г. вышла работа А.А. Дмитриевского⁶, где содержалось систематизированное изложение предыстории Общества, обстоятельств его возникновения и первых лет существования до 1889 г. До революции 1917 г. на страницах церковной периодики эпизодически выходили статьи, посвящённые отдельным аспектам деятельности ИППО.

Как отмечает А.Г. Грушевой⁷, который провёл одно из немногих историографических исследований, в советское время опубликовано пять статей, и заметное оживление в истории ИППО наступает только в постсоветский период. В одном из первых комплексных исследований освещена деятельность Общества до и после революции 1917 г.⁸

---

⁴ Высочайше утвержденное, 2 марта 1885 года, дополнение к уставу Православного Палестинского общества // Отчет Православного Палестинского общества за 1885–1886 год. СПб., 1886. С. 193.

⁵ Императорское Православное Палестинское общество: очерк его деятельности за 1882–1890 гг. / сост. Ф.К. Греков (Палеолог). СПб., 1891.

⁶ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907 гг.): ист. Зап., сост. По поручению Совета О-ва проф. А.А. Дмитриевским. СПб., 1907. Вып. 1: Русские учреждения в Св. Земле до 1889 г.

⁷ Грушевой А.Г. Императорское Палестинское общество. Обзор истории с момента основания до 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. XXXII. СПб., 2013. С. 68–82.

⁸ Юзбабян К.Н. Палестинское общество: страницы истории // Исторический вестник. 7–8. Москва–Воронеж, 2000. № 2(6). С. 102–140, № 3(4). С. 132–154.

Ориентиром в многообразии деятельности ИППО является Указатель⁹ трудов Палестинского Общества с момента основания по 2007 г., вышедший вторым изданием в 2009 г. Отдельного внимания заслуживают работы А.Г. Грушевого¹⁰, посвящённые изучению архивных материалов, Г.З. Пумпяна¹¹, который обратил внимание на издательскую деятельность ИППО. Относительно современного периода в деятельности ИППО необходимо отметить труды С.Ю. Житенева¹².

В области изучения региональной структуры ИППО в поле зрения исследователей попадали отделы: Костромской, Владимирский, Рязанский, Нижегородский, Воронежский, Одесский, Тульский, Калужский, Московский, Вологодский, Орловский, Пензенский, Олонецкий, Архангельский, Казанский, также ряд отделов Уральских и Сибирских.

Некоторые отделы из вышеуказанных изучены всесторонне, по их истории и деятельности изданы полноценные монографии. В 2017 г. вышел научный труд, посвящённый основным направлениям деятельности Нижегородского¹³ отделения ИППО с момента основания до наших дней. В 2020 г. опубликована монография, посвящённая Костромскому отделу¹⁴, а в 2021 г. – Владимирскому¹⁵. В.В. и О.П. Цысь ещё с конца 1990-х гг. активно занимаются изучением деятельности отделов ИППО в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.¹⁶

История открытия епархиальных отделов ИППО в конце XIX – начале XX в., роль местной общественности в деятельности региональных отделов раскрывается в трудах М.Ю. Нечаевой¹⁷. Автором представлен анализ динамики открытия местных региональных отделов ИППО, основных направле-

---

⁹ Указатель трудов Императорского Православного Палестинского общества (1881 – 2006). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2009.

¹⁰ Грушевой А.Г. Из истории Императорского Православного Палестинского общества. Публикация архивных документов // ППС. Вып. 35(98). СПб., 1998. С. 250–265.

¹¹ Пумпян Г.З. Издательская деятельность и публикации Императорского Православного Палестинского общества (1881–2007) // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского общества 1881–2007. СПб., 2007. С. 360–437.

¹² Житенёв С.Ю. Современное палестиноведение и научная деятельность ИППО: к вопросу об определениях, составе и перспективах исследований // «Православный Палестинский сборник». М., 2016. Вып. 112. С. 131–135.

¹³ Святого Духа Благодать. Об основных направлениях деятельности Нижегородского отделения ИППО с момента основания до наших дней. Н. Новгород, 2017.

¹⁴ История Костромского отделения ИППО 1898–2020 гг. с именным указателем / Авторы составители протоиерей Д.И. Сазонов, П.П. Резепин. Кострома, 2020.

¹⁵ Владимирское отделение Императорского Православного Палестинского Общества: вчера и сегодня. 1895–2021 гг. / Влад. Отд. ИППО. Владимир, 2021.

¹⁶ Цысь В.В. Отделы Императорского православного Палестинского общества в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: основные направления, содержание и результаты деятельности. Нижневартовск, 2014.

¹⁷ Нечаева М.Ю. Открытие епархиальных отделов императорского православного палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 1(5). С. 107–133; Нечаева М.Ю., Микитюк В.П. Императорское Православное Палестинское Общество в культурной среде российской провинции. М., 2014.

ний в деятельности отделов (проведение палестинских чтений и увеличение материальных средств общества), состава членов и должностных лиц.

Тверской отдел ИППО практически не попадал в поле зрения исследователей. Лишь фрагментарное упоминание о тверском епархиальном отделе присутствует в трудах М.Ю. Нечаевой¹⁸. Среди работ тверских исследователей, посвящённых некоторым аспектам истории и деятельности ИППО, можно отметить статьи В.М. Воробьёва¹⁹ и И.Г. Воробьёвой²⁰.

Как следует из анализа историографии, Тверской отдел ИППО не попадал в поле зрения исследователей как одно из структурных подразделений Общества, что позволяет говорить о перспективности детального анализа истории открытия, состава и деятельности Тверского отдела.

Основным источником для изучения истории региональных отделов являются материалы епархиальных ведомостей. Для реконструкции деятельности Тверского отдела в конце XIX в. привлечены материалы «Тверских епархиальных ведомостей» с 1894 по 1901 г. (192 номера).

Материалы, посвящённые истории и деятельности Тверского отдела ИППО в первые годы работы, представленные на страницах местной церковной периодики, многочисленны (см. рис. 1). На основе анализа содержания номеров епархиальных ведомостей были выделены несколько тематических блоков, характеризующих первые пять лет деятельности Тверского отдела:

- рескрипты великого князя Сергея Александровича на имя епископа Тверского и Кашинского, касающиеся итогов деятельности Тверского отдела, о назначении на должности в административный состав отдела и т. д.;

- уставные документы Совета ИППО: уставы, дополнения к ним, правила для отделов, воззвания, положения и правила для материальных сборов – ежегодного вербного сбора, кружечного сбора; информация об организации паломнических поездок из России в Палестину – установление и выдача паломнических книжек и заграничных паспортов, наставления паломникам; рекомендации об устройстве палестинских чтений и использовании литературы, издаваемой обществом; правила организации отделами делопроизводства и отчетности;

- отчёты о деятельности отдела, организация Палестинских чтений;

- объявления о продаже изданий ИППО, о подписке на журнал «Русский паломник» и т. д.

¹⁸ Нечаева М.Ю. Указ. соч.; Нечаева М. Ю., Микитюк В. П. Указ. соч.

¹⁹ Воробьёв В.М. Первый казначей Православного Палестинского общества // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 4. С. 130–142.

²⁰ Воробьёва И.Г. Бежецкий священник в Святой земле // Православный паломник. 2007. № 4. С. 12–13.

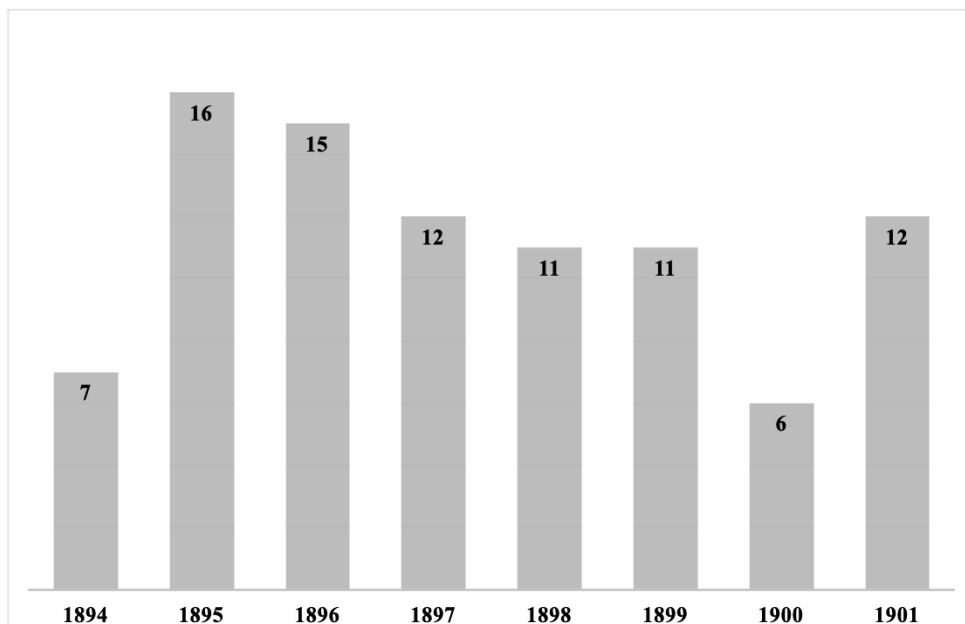

Рис. 1. Количество публикаций на страницах Тверских Епархиальных ведомостей, относящихся к деятельности отдела ИППО в Твери с 1894 г. по 1901 г.

В архивных фондах Государственного архива Тверской области (далее – ГАТО) выявлены документы, которые позволяют изучить и проанализировать деятельность Тверского отдела ИППО в конце XIX – начале XX в.: фонд «Канцелярия Тверского губернатора»²¹ (о выдаче заграничных паспортов на паломнические поездки жителей Тверской губернии в Иерусалим; переписка с канцелярией архиепископа Тверского и Кашинского по вопросам проведения ежегодных палестинских чтений в Тверской губернии, организации благотворительных сборов, пожертвований), фонд «Директор народных училищ Тверской губернии»²² (об участии начальных и городских училищ в проведении палестинских чтений и отчётах об их проведении).

Ценным источником для исследуемой темы являются журналы заседаний Тверского отдела ИППО в фонде «Экономическое правление Тверского архиерейского дома»²³, которые позволяют проанализировать взаимодействие с государственными и местными органами управления, научными и благотворительными организациями, образовательными учреждениями, региональными отделами, а также выявить состав Тверского отдела.

В Твери открытие отдела ИППО происходило в соответствии с традиционным порядком. Инициатива исходила от председателя ИППО великого князя Сергея Александровича. В рескрипте от 21 ноября 1893 г. на имя архиепископа Тверского и Кашинского Саввы, он писал: «Мне было

²¹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 4745; Д. 5069; Д. 11531; Д. 16676.

²² Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 6118; Д. 7376; Д. 6232; Д. 6618.

²³ Там же. Ф. 467. Д. 420, 422, 423, 425, 426.

бы особенно приятно открытие отдела Общества в Твери под Вашим председательством на точном основании Высочайше утверждённых 2 марта 1885 г. правил для действия отделов Общества»²⁴.

На основе поступившего рескрипта были сделаны первые организационные шаги: в начале 1894 г. в «Тверских епархиальных ведомостях», помимо печати воззвания в связи со «сбором на Палестину», был напечатан устав ИППО и копия Высочайше утвержденных 2 марта 1885 г. дополнительных статей к уставу для действий отделов общества. Духовенство через духовную консисторию было приглашено к вступлению в общество. Распространение информации об ИППО возлагалось первоначально именно на духовенство, которому предписывалось ознакомить прихожан с целями общества. О желающих пополнить ряды ИППО необходимо было сообщить в Духовную консисторию к 15 мая 1894 г. От имени архиепископа Саввы светским и духовным лицам рассылались именные приглашения.

В ноябре 1894 г. была объявлена благодарность от Совета ИППО архиепископу Тверскому и Кашинскому Савве за средства, отправленные в счет общества в размере 4554 руб. 24 коп., собранные в праздник Входа Господня в Иерусалим в 1894 г. по приходам Тверской епархии. В ноябре-декабре 1894 г. в «Тверских епархиальных ведомостях» напечатали объявление об издании иллюстрированного журнала «Русский паломник» и информацию об установлении новых паломнических книжек. В январе 1895 г. было напечатано объявление о предстоящем открытии Тверского отдела²⁵.

Официальное открытие отдела в Твери состоялось 15 января 1895 г., что нашло отражение на страницах периодики за 1895 г. и в специально опубликованной брошюре²⁶. Начало было положено служением молебна в Спасо-Преображенском соборе, а первое собрание происходило в архиерейском доме в селе Трехсвятском под председательством архиепископа Саввы. Он обратился с речью к присутствующим, прочитал рескрипт великого князя с предложением организовать в Тверской губернии отдел ИППО. Затем предлагалось познакомиться с историей Святой земли, целями и задачами ИППО в рамках чтения специальной записки ректора духовной семинарии, протоиерея П.А. Соколова. В число действительных членов общества, с ежегодным взносом в 25 рублей изъявили желание войти 5 лиц, в число членов-сотрудников с ежегодным взносом не менее 10 руб. – 36 лиц, все прочие из присутствовавших в собрании внесли единовременные пожертвования. На собрании присутствовали 3 действительных члена и 18 членов-сотрудников²⁷.

²⁴ Открытие в г. Твери отдела Императорского Православного Палестинского общества. Тверь, 1895. С. 1.

²⁵ Тверские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1895. № 1. (Ч. Неофф.). С. 38.

²⁶ Открытие в г. Твери отдела Императорского Православного Палестинского общества. Тверь, 1895.

²⁷ Открытие в г. Твери отдела Императорского Православного Палестинского общества. С. 5–8.

Председателем отдела был единогласно избран архиепископ Тверской и Кашинский Савва, его заместителем – епископ Старицкий Гавриил, казначеем – протоиерей Никольской церкви М.В. Озеров, кандидатом казначея – инспектор духовной семинарии М.П. Пашкевич. И.А. Покровский был назначен делопроизводителем. На протяжении первых лет деятельности Тверского отдела административный состав должностных лиц оставался стабильным, за исключением смены председателя и заместителя председателя. В декабре 1896 г. после кончины архиепископа Тверского и Кашинского Саввы возглавил Тверской отдел ИППО вновь назначенный епископ Димитрий²⁸. 15 декабря 1897 г. заместителя председателя Гавриила переводят в Великий Устюг, и его сменяет прибывший в Тверь ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии архимандрит Павел²⁹. К решению текущих дел Тверского отдела приглашались ректор Духовной семинарии протоиерей П.А. Соколов, эконоом архиерейского дома протоиерей П.Г. Покровский и священник Владимирской церкви Н.А. Криницкий. В отчетах за 1898–1900 гг. сообщается о членах ревизионной комиссии по проверке денежных средств отдела: ключаре кафедрального собора протоиерее Н.Н. Модестове, священнике Смоленской кладбищенской церкви А.С. Виноградове и священнике Сретенской церкви П.И. Невском³⁰.

Социальный, профессиональный и сословный состав Тверского отдела ИППО отражен в поименных списках, опубликованных при открытии отдела³¹ (табл. 1 и 2).

Таблица 1

**Действительные члены Тверского отдела ИППО
(по состоянию на 15 января 1895 г.)**

№	ФИО	Должность
1	Преосвященный Гавриил	епископ Старицкий, викарий Тверской епархии
2	И.Д. Ахлестышев	начальник губернии, камергер Двора Его Величества
3	Н.Н. Усов	вице-губернатор
4	А.П. Болавинский	председатель Новоторжской земской управы
5	М.В. Озеров	протоиерей Никольской церкви в г. Твери

Источник: Открытие в г. Твери отдела Императорского Православного Палестинского общества. С. 6–7.

²⁸ ТЕВ. 1897. № 1. (Ч. Офф.). С. 1–2.

²⁹ Там же. 1897. № 24 (Ч. Неофф.). С. 481–484.

³⁰ Там же. 1899. № 22. (Ч. Офф.). С. 533; 1900. № 3. (Ч. Офф.). С. 68–77.

³¹ Открытие в г. Твери отдела Императорского Православного Палестинского общества. С. 6–7.

Таблица 2

**Члены-сотрудники Тверского отдела ИППО
(по состоянию на 15 января 1895 г.)**

№	ФИО	Должность/чин
1	Анатолий	архимандрит Краснохолмского Антониева монастыря
2	Г. П. Первухин	протоиерей кафедрального собора
3	П. А. Соколов	протоиерей, ректор духовной семинарии
4	В.Ф. Владиславлев	протоиерей Тверской Владимирской церкви
5	Д.М. Константиновский	протоиерей церкви Живоносного источника в г. Твери
6	П. Г. Покровский	протоиерей, эконо́м архиерейского дома
7	Ф.И. Образцов	протоиерей Тверской Покровской церкви
8	И.И. Струженский	протоиерей Ржевского Успенского собора
9	С.А. Бутягин	протоиерей Калязинского Николаевского собора
10	Н.Н. Модестов	священник, ключарь кафедрального собора
11	Н.А. Криницкий	священник кафедрального собора
12	М.И. Драницын	священник Христорождественского женского монастыря
13	И.В. Виноградов	священник Тверской Мироносецкой церкви
14	Ф.Д. Лисицын	священник Тверской Богородицерождественской церкви
15	П.И. Невский	священник Тверской Сретенской церкви
16	П.Н. Дубакин	священник Тверской Александро-Невской церкви
17	П.А. Алексеев	священник, настоятель Вышневолоцкого Казанского собора
18	С.В. Архангельский	священник Московского драгунского полка
19	М. Я. Лесоклинский	священник Тверской Благовещенской церкви
20	К.И. Фиников	священник Ржевского Успенского собора
21	А. Ф. Рахманин	священник села Воскресенского-Плоховых, Калязинского уезда
22	Г.Н. Круглов	генерал от инфантерии
23	А.Е. Львов	управляющий Тверскою контрольною палатою
24	К.Г. Квитко	управляющий Тверским отделением государственного банка
25	Д.Н. Стромилов	калязинский предводитель дворянства
26	П.Н. Малыгин	председатель Вышневолоцкой земской управы
27	В.И. Забелин	статский советник, член окружного суда
28	М.П. Пашкевич	инспектор духовной семинарии
29	Ф.М. Крылов	коллежский советник
30	М.А. Соколов	агент пароходного общества «Самолет»
31	И.А. Покровский	и. д. секретаря архиепископа Тверского
32	И.Е. Ваганов	тверской купец
33	Ф.М. Якимов	тверской купец
34	И.Б. Чирков	тверской купец
35	Н.И. Камкин	краснохолмский купец
36	П.К. Кузьмин	крестьянин дер. Заемглинья, прихода села Рыбинского, Бежецкого уезда

Источник: Открытие в г. Твери отдела Императорского Православного Палестинского общества. С. 6–7.

Таким образом, первоначально архиепископу удалось привлечь в ряды Тверского отдела ИППО как высших чиновников, так и «рядовых» прихожан.

Одним из самых полных и информативных материалов, характеризующих деятельность Тверского отдела, являются отчёты, которые публиковались по истечении отчётного года в «Тверских епархиальных ведомостях». Отчетный и финансовый год был приурочен к 1 марта, поэтому, несмотря на то, что Тверской отдел был открыт 15 января 1895 г., он заканчивал первый год своей деятельности 1 марта 1896 г. и т. д.

Отчёт за первый год деятельности отдела ИППО в Твери был опубликован в мае 1896 г. Структура отчёта соответствует указанным в уставных документах целям деятельности отделов: распространение сведений о целях ИППО; привлечение новых членов; принятие всех дозволенных уставом общества мер к увеличению материальных средств и т. п.

Основным видом организации членского состава для обсуждения вопросов деятельности отдела являлись систематические заседания: на общем собрании проходили выборы должностных лиц, заслушивался отчет о деятельности отдела за истекший год и акт ревизионной комиссии, на иных обсуждались текущие вопросы.

В течение первого отчётного года состоялось 5 заседаний ИППО, второго года – 4 заседания. В отчете за третий год не указано точное количество заседаний (представлены сведения об одном – 15 декабря 1897 г.). В четвертом и пятом отчётном году – 4 заседания, из которых одно общее собрание.

В рамках распространения сведений о целях ИППО в отчётах отмечается публикационная активность на страницах «Тверских епархиальных ведомостей» отдела ИППО в Твери (публикация описания открытия ИППО, рассылка отдельных оттисков (брошюр) светским и духовным лицам, публикация устава и руководящих правил для отделов ИППО, дополнений, правил для осуществления сбора, информации о паломнических книжках). В этом же разделе помещались обширные материалы о проведении палестинских чтений.

Что касается привлечения новых членов в общество, то следует отметить, что первоначально в состав отдела вошло 42 человека, включая председателя (6 действительных членов и 36 членов-сотрудников). В течение первого года к числу действительных членов присоединились 3 чел., к числу членов-сотрудников – 11 чел. Таким образом, к марту 1896 г. в составе отдела было уже 56 чел. (см. табл. 3 и 4).

Таблица 3

Действительные члены, присоединившиеся в первый год существования Тверского отдела (март 1896 г.)

№	ФИО	Должность
1	Игуменья Палладия	настоятельница Тверского Христорождественского монастыря
2	Архимандрит Макарий	настоятель Новоторжского Борисоглебского монастыря
3	Иеромонах Никандр	казначей Новоторжского Борисоглебского монастыря

Источник: Отчет о деятельности Тверского отдела Императорского Православного Палестинского общества за первый год его существования 1895/1896 // ТЕВ. 1896. № 9. (Ч. Офф.). С. 105–115.

Таблица 4

**Члены-сотрудники, присоединившиеся в первый год существования
Тверского отдела (март 1896 г.)**

№	ФИО	Должность
1	А.Ф. Рахманин	благочинный VII округа Калязинского уезда, священник с. Воскресенского-Плоховых
2	М.И. Богоявленский	священник с. Борисовского Весьегонского уезда
3	Иеромонах Алексей	казначей Старицкого Успенского монастыря
4	Потап Кузьмин	крестьянин д. Замеглиня Рыбинской волости Бежецкого уезда
5	Пар. Петр. Орлова	дочь пономаря с. Нестеровского Старицкого уезда
6	Архимандрит Виктор	настоятель Кашинского Дмитровского монастыря
7	П.Д. Плетнев	благочинный I округа Корчевского уезда, священник с. Селихова
8	Архимандрит Даниил	настоятель Николо-Малицкого монастыря
9	Ал. Ст. Виноградов	священник Тверской Смоленской кладбищенской церкви
10	М.И. Воскресенский	вышневолоцкий купец
11	Ефрем	иеромонах Новоторжского Борисоглебского монастыря

Источник: Отчет о деятельности Тверского отдела Императорского Православного Палестинского общества за первый год его существования 1895/1896 // ТЕВ. 1896. № 9. (Ч. Офф.). С. 105–115.

В отчете за второй отчетный год точный список членов общества отсутствует, но судя по общему объему членских взносов, насчитывалось как минимум 41 чел. – 5 действительных членов и 36 членов-сотрудников. В третьем году по тем же параметрам отмечается снижение численности – 4 (5 с председателем) действительных члена, 26 – членов-сотрудников. На четвертом году в число членов-сотрудников вошел священник села Богоявленского Кашинского уезда о. Иоанн Михайлович Соколов, который сделал большой единовременный взнос двумя билетами 4 % государственной ренты по 100 руб. Отчет за пятый год более информативен и дает полноценное представление о составе Тверского отдела. К 1 марта 1899 г. отдел состоял из 49 членов; из них – 1 почетного, 7 действительных и 41 члена-сотрудника. В течение отчетного года поступило в число членов-сотрудников трое: настоятель Новоторжского Борисоглебского монастыря архимандрит Арсений, ректор Тверской духовной семинарии архимандрит Иоанникий, протоиерей Благовещенской г. Торжка церкви Н.Я. Михайловский³².

Одной из уставных целей общества было увеличение материальных средств. Анализируя отчеты Тверского отдела, можно отметить в первую очередь сбор в Вербную неделю по церквам епархии, который являлся главным источником получаемых обществом материальных средств. Как правило, каждый отчетный год в феврале–марте в Тверских епархиальных ведомостях публиковались правила осуществления сбора, воззвание к пра-

³² ТЕВ. 1901. № 6. (Ч. Офф.) С. 140–141.

вославленным христианам в связи со сбором. В отчётах указываются разные суммы, но в среднем, вербный сбор равнялся 4500 руб. ежегодно.

Кружечный сбор осуществлялся путём установления пяти кружек для добровольных пожертвований: № 1 – при архиерейском доме, № 2 – при Духовной Консистории (затем перенесена к Владимирской церкви), № 3 – при Спасо-Преображенском соборе, № 4 – при Христорождественском монастыре и № 5 – при Смоленской кладбищенской церкви. Высыпка кружек осуществлялась два раза в течение отчётного года на заседаниях отдела.

Активно проводилась рассылка квитанционных книжек и сборных листов. Так, например, во втором отчётном году были получены пожертвования по 13 квитанционным книжкам в размере 282 р. 60 коп. и 13 сборным листам в размере 311 р. 89 коп.³³ В третьем году наблюдается резкое падение сбора по квитанционным книжкам и сборным листкам, который равнялся 64 р. 35 коп. и 91 р. 48 коп. соответственно³⁴.

Особое внимание было уделено проведению публичных чтений, на которых также предполагался сбор средств для общества. В первый отчётный год состоялось только одно – 25 февраля 1896 г., и оно было бесплатным. Во второй отчётный год было собрано 375 руб. 8 коп. а в следующий – всего 85 р. 71 коп. Отдел занимался и изданием отдельных брошюр по проведенным публичным чтениям, которые можно было приобрести за небольшую плату.

Средством увеличения объёма материальных средств была продажа изданий ИППО, для чего отдел контактировал с книжным складом братства князя Михаила Тверского. Однако в отчёте за 1896–1897 г. отмечено, что продажа изданий ИППО не принесла в отчётном году желаемого результата и составила всего 6 руб. 50 копеек по причине дороговизны изданий, в четвёртый год – 7 руб. 11 коп., а в пятый – 3 руб. 5 коп.

Тверской отдел стремился всеми средствами исполнять возлагаемые на него поручения. В данном случае во всех отчётах отмечена публикация в Тверских епархиальных и губернских ведомостях материалов, поступающих в отдел из центральной структуры ИППО: воззваний о сборе, различных объявлений, рассылка поступающих сопроводительных материалов.

Отдельно расписан бюджет Тверского отдела ИППО, который в первый год составил 1356 р. 5 коп., и статьи расходов. Наиболее успешным в части увеличения средств (на 700 руб.) стал второй отчётный год. Общий объём средств составил 2038 р. 95,5 коп. В третьем отчётном году поступило всего 776 руб. 49 коп.

Заслуживают отдельного внимания Палестинские чтения Тверского отдела ИППО. Палестинские чтения стали одной из наиболее эффективных форм работы отдела. Они проводились в залах городского общественного и благородного собрания, как правило, в вечернее время с 19:00 до 22:00. Программа чтений была весьма обширна и предполагала ознакомление с

³³ ТЕВ. 1897. № 20. (Ч. Офф.). С. 692.

³⁴ Там же. 1898. № 15. (Ч. Офф.). С. 382.

целями, задачами и деятельностью ИППО, сообщения о Святой земле Палестине (ее географическом положении, народонаселении), библейских сюжетах, паломничестве в Святые места Востока. Чтения сопровождалось церковными песнопениями и демонстрированием «туманных картинок» при помощи «волшебного фонаря»³⁵.

Первые Палестинские чтения состоялись в Твери 25 февраля 1895 г. Предварительно во всех частях города были расклеены соответствующие объявления, бесплатный вход привлек множество слушателей, и зал общественного собрания не мог вместить всех желающих. Для пожертвований в пользу общества при входе в зал была поставлена кружка с надписью: «В пользу Палестинского общества». Первые чтения состояли из трёх основных отделений, где было представлено по сообщению, а также несколько церковных песнопений; выступили инспектор духовной семинарии М.П. Пашкевич, сообщение «О святой земле Палестине во время земной жизни Христа» читал преподаватель семинарии, св. Владимирской церкви Н.А. Криницкий, и третье – «Об исторической судьбе св. града Иерусалима» – преподаватель семинарии И.А. Виноградов. Участники первых чтений отмечали, что прошли они «в высшей степени оживленно и на всех посетителей произвели прекрасное впечатление»³⁶.

Во втором отчётном году прошли три торжественных публичных чтения – 10 марта, 23 апреля и 15 декабря 1896 г. Несмотря на то, что вход был платным, в зале не было свободных мест. Было заслушано три сообщения на следующие темы: «Главная святыня Иерусалима — животворящий гроб Господень и храм Воскресения» (св. Волынской церкви М.Я. Лесоклинский), «О характере и значении русского паломничества в св. землю» (преподаватель духовной семинарии Н.А. Фаворский), «Древнерусские путешественники в Палестину – хождение игумена русской земли Даниила» (преподаватель духовной семинарии Н.В. Лилеев). 23 апреля, в день тезоименитства императрицы Александры Фёдоровны, состоялось третье чтение отдела ИППО в Твери. Программа этого чтения была уже более разнообразна, состояла из трех отделений и была дополнена восемью номерами пьес духовно-нравственного и патриотического содержания. Преподаватель духовной семинарии А.А. Митропольский ознакомил слушателей с кратким очерком возникновения ИППО; «Об археологических раскопках православного Палестинского общества и значении их» рассказывал преподаватель духовной семинарии В.И. Колосов; преподаватель духовной семинарии И.П. Соколов говорил о просветительной деятельности ИППО в Палестине и Сирии. Для достижения большего эффекта продолжение чтений отложили до осени, чтобы получить от Палестинского общества для иллюстрации чтений картины к «волшебному фонарю». Впо-

³⁵ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 11531. Л. 7, 9, 17.

³⁶ ТЕВ. 1896. № 5 (Ч. Неофф.). С. 139.

следствии в Тверской отдел были доставлены все необходимые материалы для возобновления чтений³⁷.

Четвёртое чтение во втором отчётном году состоялось в зале Тверского благородного собрания 15 декабря 1896 г. уже при новом председателе – архиепископе Димитрии. Оно было менее масштабное, чем предыдущие, заслушано было всего два сообщения. Основной проблемой в проведении чтений стало отсутствие специально отведенного удобного помещения, что вызывало постоянные переносы чтений из-за занятости городского общественного и дворянского собрания.

Новым для второго года деятельности отдела стало проведение чтений не только в Твери, но и в других губернских городах или приходах Тверской епархии. Согласно отчётной документации, они проводились в г. Зубцове в Успенском соборе одновременно с вечерними беседами. В Ниловой пустыни законоучителем и учителем местной церковно-приходской школы К.В. Пешехоновым и С.П. Грешищевым было проведено три беседы о Святой Земле и Палестинском обществе. В итоге при Ниловской церковно-приходской школе был организован особый отдел книг о Святой Земле. По донесению протоиерея Ржевского Успенского собора И.М. Струженского чтения собирались начать с 1896 г. в г. Ржеве³⁸.

В отчёте за третий год упоминаются лишь несколько чтений, состоявшихся в Твери, – 9 марта и 13 октября 1897 г. без подробной программы их проведения. 15 декабря 1897 г. отдел постановил: «Публичные чтения о Св. Земле и императорском Православном Палестинском обществе открыть в гор. Твери в великом посту наступающего 1898 г.»³⁹. Прослеживается очевидная направленность на расширение круга вовлечённых в чтения лиц – предлагалось пригласить к участию в чтениях преподавателей местной духовной семинарии и духовного училища, священников тверских городских церквей. Таким образом, чтения начали приобретать характер народных. В январе 1898 г. отдел предложил через настоятелей местных соборов открыть публичные чтения в Бежецке, Вышнем Волочке, Кашине, Торжке, Красном Холме. Итогом стало проведение шести чтений в Красном Холме, трёх чтений в Корчеве и двух чтений в здании Ниловской церковно-приходской школы. В Кашине чтения велись в Троицкой церкви, но точных сведений о том, когда и на какие темы, в отдел не поступило⁴⁰.

Так как чтения начали активно выходить за пределы столицы губернии, в декабре 1898 г. были опубликованы правила для устройства чтений о Святой Земле, согласно которым чтения должны были проходить по предложенной обществом программе. В Твери в четвёртый отчётный год было проведено 2 чтения, в Бежецке – 1, в Корчеве – 10, в г. Красный Холм

³⁷ ТЕВ. 1896. № 23. (Ч. Офф.). С. 367–368.

³⁸ Там же. 1897. № 20. (Ч. Офф.). С. 688.

³⁹ Там же. 1898. № 15. (Ч. Офф.). С. 376.

⁴⁰ Там же. С. 378–381.

– 26, в Кимрах – 1, в Весьегонске – 2. В Кашине чтения не состоялись по причине неблагоприятной эпидемиологической обстановки⁴¹.

С 1 марта 1899 г. по 1 марта 1900 г. в Твери из запланированных четырёх состоялось только два чтения (25 марта 1899 г. и 27 февраля 1900 г.), в Корчеве – 3, в Весьегонске – 19, а также в Вышнем Волочке, Торжке, Бежецке, Кимрах и Ниловской церковно-приходской школе. Наибольшее количество чтений прошли в г. Красный Холм – 29 (в период с начала марта 1899 г. по февраль 1900 г.). В отчёте отмечено стремление сельского духовенства послужить на благо ИППО, в частности, священником с. Кузнецова Корчевского уезда А.П. Покровским в декабре 1899 г. было подано прошение о разрешении проведения чтений на базе местной народной школы Министерства народного просвещения, которое было удовлетворено в феврале 1900 г. Это эпизод нашёл отражение в архивных материалах⁴².

Таким образом, в 1895–1900 гг. Тверской отдел общества находился в стадии становления, но при этом проводил активные действия по популяризации основных задач ИППО. Обнаружились и сложности: отсутствие необходимой инфраструктуры и материального обеспечения, занятость надлежащих по площади и благоустройству помещений, недостаток «волшебных фонарей» и оснащённости местных библиотек литературой для чтений. В целом открытие и деятельность в Твери отдела ИППО вызвали большой интерес у жителей губернии, что подтверждает отклик местной общественности на работу Тверского отдела. Отдел стал площадкой совместной деятельности представителей различных сословных групп, была наработана практика взаимодействия с органами государственной власти на территории Тверской губернии.

Список литературы:

1. *Грушевой А.Г.* Императорское Палестинское общество. Обзор истории с момента основания до 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. XXXII. СПб., 2013. С.68–82.
2. *Житенёв С.Ю.* Современное палестиноведение и научная деятельность ИППО: к вопросу об определениях, составе и перспективах исследований // «Православный Палестинский сборник». М., «Индрик», 2016. Вып. 112. С. 131–135.
3. *Нечаева М.Ю., Микитюк В.П.* Императорское Православное Палестинское Общество в культурной среде российской провинции. М.: «Индрик», 2014. – 384 с.

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории права, юридический факультет, Тверской государственный университет, директор, Институт непрерывного образова-

⁴¹ ТЕВ. 1900. № 3. (Ч. Офф.). С. 68–77.

⁴² ГАТО. Ф.20. Оп.1 Д. 6118. Л. 3, 26.

ния, Тверской государственный университет (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

FUNCTIONS OF THE EPARCHIAL DEPARTMENT OF THE IMPERIAL ORTHODOX PALESTINIAN SOCIETIES IN TVER AT THE END OF THE 19TH CENTURY

S.N. Smirnov

Tver State University, Tver, Russia

The article deals with the founding process of the Tver department of the Imperial Orthodox Palestine Society (IPOS), along with an analysis of how it functioned at the end of the nineteenth century. The IOPS's regional structure began to take shape at the end of the nineteenth century, but historiography failed to record this process. This research was conducted using materials, mainly reports that were published in the Tver Diocesan Gazette, as well as records provided by the State Archive of the Tver Region. The data has been obtained about the main officials and members of the IOPS Tver department, the processes involved in filling the key positions and creating the corps of associate and full members, and the members' occupations and estates.

Keywords: *Imperial Orthodox Palestine Society, public organization, Tver Department, Tver Eparchy, Tver eparchial Journals, Holy Land, Archbishop of Tver and Kashinsky, estate.*

About the author:

SMIRNOV Sergey Nikolaevich – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Legal Theory, Faculty of Law, Tver State University, Director of the Institute of Continuous Education, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

References:

- Grushevoj A.G., *Imperatorskoe Palestinskoe obshchestvo. Obzor istorii s momenta osnovaniya do 1917 g.*, Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny, XXXII, SPb., 2013. S. 68–82.
- Zhitenyov S.Yu., *Sovremennoe palestinovedenie i nauchnaya deyatel'nost' IPO: k voprosu ob opredeleniyah, sostave i perspektivah issledovaniy*, «Pravoslavnyj Palestinskij sbornik», Vypusk 112, M., Indrik, 2016, S. 131–135.
- Nechaeva M. Yu., Mikityuk V.P., *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo v kul'turnoj srede rossijskoj provincii*, M., 2014. – 384 S.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.

УДК 94(470.24)(=511.112)"12"

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.087–098

КРЕЩЕНИЕ КОРЕЛЫ В 1227 Г. В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ¹

Б.И. Чибисов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», г. Москва, Россия

Статья посвящена анализу политического контекста крещения корелы по инициативе князя Ярослава Всеволодовича в 1227 г. На основе древнерусских и западноевропейских источников автор показывает, что основным фактором крещения выступила внешняя угроза со стороны Швеции, которая перешла к интенсивной миссионерской деятельности в Западной Финляндии. Анализ археологических источников подтверждает с 1220-х гг. переход погребальной обрядности корелы от кремации к ингумации, что коррелирует с летописными данными о христианизации. Автор делает вывод, что крещение затронуло карельское население, проживавшее в Северо-Западном Приладожье и на Карельском перешейке. В контексте средневековой этнополитики крещение стало методом инкорпорации корелы в общую социально-политическую систему Новгородской земли.

Ключевые слова: Новгородская земля, карелы, межэтнические взаимоотношения, прибалтийско-финские народы, христианизация.

В 1220-х гг. во внутренней политике Новгородской земли преобладает «просуздальская партия», и на протяжении значительной части этого десятилетия новгородский стол занимал третий из сыновей Всеволода Большое Гнездо – князь Ярослав Всеволодович. Он получил в наследство от отца Переяславское княжество, которое, по мнению В.А. Кучкина, включало в себя Переяславль, Кснятин, Дубну, Шошу, Дмитров, Тверь, Нерехту, Зубцов, Клешин, а также земли в Торжке и Волоке Ламском². Ярослав, в отличие от своих предшественников в Новгородской земле, не отказался от своего «отчинного» княжества и посещал Новгород преимущественно в связи с военными действиями. Именно при Ярославе Новгород усиливает свой контроль над отдаленной периферией, следствием чего можно считать распространение его культурного влияния: в 1227 г. по приказу Ярослава

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Русь и соседние народы в XIII–XV вв.: идентичности и политические отношения» (№ 23-28-01032).

² Кучкин В.А. Ростовская земля, Суздальское и Владимирское княжества в XI – первой трети XIII в. // Российская история. 2019. № 4. С. 112.

Всеволодовича было крещено в православие «множество корѣль, мало не всѣ люди»³. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько карельское население было знакомо с христианством до этого и какие факторы повлияли на необходимость крещения 1227 г.

Средневековая Карелия – это большой и специфичный регион с точки зрения этнического состава населения и особенностей его материальной культуры. Но именно в Северо-Западном Приладожье отмечена значительная концентрация археологических памятников, связанных с этнической группой, населявшей эту территорию в Средневековье и известной по древнерусским летописям под именованием *корела*. Под Северо-Западным Приладожьем понимается историческая территория, которая примыкает к берегу Ладожского озера, приблизительно от западного берега залива Лехмялахти (что к северу от современного города Приозерска) до восточного побережья залива Линкуланлахти (ориентировочно до поселка Салми) на востоке, включая острова внутреннего архипелага. Карельский перешеек с запада ограничен Финским и Выборгским заливами, а с востока – Ладожским озером. С юга расположена река Нева – естественная граница Карельского перешейка.

Изучение крещения корелы в 1227 г., равно как и процесса христианизации Карелии в целом, имеет длительную и богатую историю. В 1819 г. А.Х. Лерберг пишет о том, что русские князья не принуждали неславянские народы Новгородской земли принимать христианство⁴. А.И. Гиппинг писал: «Неизвестно, сами ли карелы пожелали единоверием скрепить свой союз с русскими или Ярослав силой принудил их креститься; но, во всяком случае, крещение их (если известие справедливо) было политической мерой, долженствовавшей предохранить их от католицизма и шведского владычества»⁵.

В 1856 г. вышла в свет книга И.А. Чистовича, которая «затормозила» последующие исследования в том смысле, что после неё концептуальная схема христианизации Карелии практически не изменялась. Чистович опирался на тезис Лерберга о мирном характере распространения христианства у корелы. По мнению автора, отправка Ярославом Всеволодичем священников к кореле в 1227 г. была успешной, поскольку корела уже давно была хорошо знакома с христианством. Опираясь на этнографические данные, Чистович реконструирует двоеверие карел⁶.

Христианизация корелы стала одним из поводов для написания полемического письма Е.В. Барсова Е.Е. Голубинскому. Голубинский, опираясь на письменные источники (преимущественно летописные), считал, что сведения о распространении христианства в Новгородской земле «крайне

³ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1997. Т. 1. Стб. 449.

⁴ Лерберг А.Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819. С. 99.

⁵ Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. СПб., 1909. Ч. 1. С. 83.

⁶ Чистович И.А. История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856. С. 13.

скудны и при том не всегда верны»⁷. В качестве возражения Барсов привлёк дополнительные источники, среди которых – устав князя Святослава Ольговича 1137 г. и обрывочные данные археологии.

Н.К. Чуков выпустил в 1892 г. обширную статью, в которой утверждал, что к моменту крещения в 1227 г. карела была частично христианизирована: «И если многие из них ещё не были крещены, то это можно объяснить суеверной привязанностью их к прежним верованиям, боязнью добровольно оставить их, чтобы не навлечь на себя гнева прежних богов; требовалось, следовательно, только некоторое внешнее побуждение, чтобы они крестились, что и произошло, когда Ярослав прислал к ним священников»⁸. А. Ласточкин развил некоторые тезисы своих предшественников и допустил, что в 1227 г. Ярослав Всеволодич крестил не всю карелу, как указано в летописи, а лишь тех, которые не были крещены ранее. То есть указание на крещение «всех карел» нужно, с его точки зрения, расценивать как указание на общий, итоговый результат крещения⁹.

В 1898 г. вышла примечательная статья Я.С. Елпидинского. Автор высказал прогрессивную для той историографической традиции мысль, что главную роль в распространении христианства играли миграционные процессы и этнокультурные контакты славянского и прибалтийско-финского населения¹⁰. Н.С. Шайжин посвятил христианизации Карелии две статьи, в которых отстаивал уже привычную на тот момент версию о том, что в XII столетии христианство прочно и несомненно существовало у прибалтийско-финских жителей не только ближайших к Новгороду территорий, но и Заонежья¹¹.

Как ни странно, в советский период историографии можно наблюдать продолжение дореволюционных церковно-исторических схем. Во многом это объясняется тем, что советская национальная политика в Карелии приветствовала «удревнение» этнокультурных связей славян и карел и поощряла исследования, демонстрирующие и обосновывающие их. Соответственно, пригодились выводы дореволюционной историографии, которые утверждали прочное знакомство карелы с христианством уже в конце X в., а также отстаивали раннее возникновение карельских монастырей. Одним из пионеров советской историографии в изучении средневековой Карелии был С.С. Гадзяцкий. Он считал, что уже в XI в. карельское население платило дань новгородскому князю и десятину от вир и продаж новгородскому епископу. Христианизация

---

⁷ Барсов Е.В. Письмо профессору Е. Е. Голубинскому, с возражениями на его книгу: История русской церкви. Т. 1, период домонгольский. М., 1883. С. 3.

⁸ Чуков Н.К. Начало христианства в Олонецком крае // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 53. С. 565.

⁹ Ласточкин А. Карелы, обитающие в Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. 1894. Вып. 3. С. 140.

¹⁰ Елпидинский Я.С. Распространение христианства в Олонецком крае // Олонецкие епархиальные ведомости. 1898. № 5. С. 19.

¹¹ Шайжин Н.С. Из прошлого Олонецкого края. Распространение христианства // Олонецкая неделя. 1911. № 10. С. 4–5; Он же. Новые положительные данные в пользу существования в Олонецком крае христианства в XII веке // Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 6. С. 201–206.

этого населения продвигалась достаточно успешно, так что в гуще карельского населения существовали погосты¹².

Р.Б. Мюллер в комментариях к «Материалам по истории Карелии XII–XVI вв.» объясняет крещение корелы в 1227 г. тем, что «к этому времени католические миссионеры, крестив емя, должны были проникать в Карелию»¹³. Монография Р.Б. Мюллер стала идейным продолжением исследования Гадзяцкого. Она отметила тот факт, что христианизация имела внешнеполитическое и социально-экономическое значение: «борясь со шведами за карельскую территорию и её население, новгородцы очень рано стали применять проповедь православия в качестве одной из мер укрепления своего влияния на корелу. Ещё большее значение, чем отдельные миссионерские попытки, имело возникновение в Карелии монастырей»¹⁴. Позднее эти тезисы были развиты в «Очерках истории Карелии»¹⁵.

Вопрос о крещении корелы в контексте внешнеполитических конфликтов Новгорода и Швеции в XII–XIV вв. затронул И.П. Шаскольский. Автор утверждал, что крещение корелы в 1227 г. представляло собой закрепление за Новгородом областей Карелии, главным образом прилегающих к земле еми, чтобы оградить эти области от шведского влияния. Князь Ярослав Всеволодович понимал непрочность успеха, достигнутого им во время похода на емя в 1226/27 г. В крещении нуждались лишь земли корелы на Карельском перешейке и к западу от него, которые могли стать в обозримом будущем ареной борьбы со Швецией. К тому же именно через эту территорию проходили русские войска во время походов в Финляндию, отсюда же рекрутировались вспомогательные отряды для этих походов¹⁶. Полемизируя с Р.Б. Мюллер, Шаскольский утверждал, что католические миссионеры были далеки от завершения своей «работы» в земле еми в Финляндии и на тот момент не могли думать о проникновении в Карелию, тем более что в представлениях шведов корела была подданной Новгорода.

В 1980-х гг. появился ряд работ, отличавшихся новизной подхода. Так, А.Я. Степанов активно использовал археологические данные и оценивал крещение карел в 1227 г. как формальное и принудительное¹⁷. А.С. Жербин акцентировал внимание на христианизации карел на основе эволюции погребального обряда XI–XIV вв. С крещением 1227 г. автор связывал формальное начало регулярной церковной деятельности в Северо-Западном Приладожье¹⁸.

¹² Гадзяцкий С.С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 39.

¹³ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 65.

¹⁴ Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 26.

¹⁵ Очерки истории Карелии: в 2 т. Петрозаводск, 1957. Т. 1. С. 59.

¹⁶ Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII в. Л., 1978. С. 136.

¹⁷ Степанов А.Я. На путях духовного восхождения: Религия и атеизм в Карелии. Петрозаводск, 1986.

¹⁸ Жербин А.С. Христианизация Карелии в XII–XVI веках // Православие в Карелии: История и современность: атеистические очерки. Петрозаводск, 1987. С. 25–35.

В последние годы для реконструкции процесса христианизации карел используются преимущественно археологические источники. Значительный вклад в изучение этой темы внесла С.И. Кочкуркина. С точки зрения автора, по мере христианизации исчезал погребальный инвентарь, погребение совершалось в гробу с западной ориентацией: соответственно, отсутствие гроба, изменение ориентации погребения и наличие инвентаря позволяет автору рассматривать погребение как языческое. Автор отметила, что крещение карелы в 1227 г. было принудительным и диктовалось обостренной военно-политической ситуацией на северо-западных границах Руси. Рядовая часть населения не изменила своих религиозных представлений, т. к. в археологических материалах XIII–XIV вв. предметы религиозного культа редки¹⁹. А.Е. Мусин подверг такой подход критике и указал на то, что в Древней Руси не существовало обычая помещать вместе с умершим погребальные символы. Главным критерием христианизации карелы для исследователя становится переход от кремации к труположению²⁰.

В зарубежной историографии получила широкое распространение гиперкритическая концепция датского историка Д. Линда. По его мнению, существует мало доказательств того, что Новгород предпринимал попытки утвердить христианскую веру среди карел до конца XIV в. Текст Лаврентьевской летописи под 1227 г., который утверждает, что «почти все карелы» были крещены Ярославом Всеволодовичем, представляет собой интерполяцию и опровергается самим фактом широкого распространения язычества среди карел в более позднее время. По мнению Линда, колонизаторское движение шведов могло поставить под сомнение лояльность карел Новгороду. Если по отношению к Западу лояльность шведских карел основывалась на католической вере, то подобной связи не было у восточных карел с Новгородом. Основание монастырей (в частности, Валаамского) Линд рассматривает как религиозную контрмеру шведской экспансии: это «было государственным делом, и эта инициатива новгородских гражданских и церковных властей фактически равнялась контркрестовому походу»²¹.

Таким образом, становится понятно, что крещение карел 1227 г. зачастую рассматривается в историографии как изолированный факт, оторванный от внешне- и внутривосточного контекста того времени. Установление этого контекста, а также использование комплекса существующих летописных и археологических источников позволяет прояснить этот сюжет и пролить свет на процесс христианизации карелы.

Если владимирский князь Юрий Всеволодович проводил активную политику на юго-западе и востоке, то его младший брат Ярослав был ориентирован на запад и северо-запад. Во многом это было обусловлено тем, что его владения в Переяславском княжестве граничили со Смоленским княже-

¹⁹ См.: Кочкуркина С.И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск, 2017.

²⁰ Мусин А.Е. Становление Православия в Карелии (XII–XVI век): Историко-археологический аспект // Рябининские чтения '95: сб. ст. Петрозаводск, 1997. С. 243.

²¹ Lind J. H. The politico-religious landscape of medieval Karelia // Fennia. 2004. № 182 (1). P. 7.

ством и Новгородской землей. Приглашение Ярослава на княжение в Новгород последовало в 1215 г. после долгих раздумий новгородцев, поскольку те отправили посольство «много гадавъше»²². Своё княжение Ярослав начал с ареста новгородского боярина Якуна Зуболомича и новоторжского посадника Фомы Доброщинича, которые были отправлены в Тверь. Причины опалы доподлинно не известны. Вероятно, это было как-то связано с действиями новгородцев в 1212–1214 гг. во владениях Ярослава²³. Эти и последующие расправы князя в Новгороде вызвали выступление населения против него. Вооруженное противостояние сторон привело к Липицкой битве 21 апреля 1216 г., в которой Ярослав потерпел поражение.

Повторное появление Ярослава Всеволодовича в Новгороде в 1223 г., по версии НПЛ, было связано с тем, что новгородцы отправили посольство к князю Юрию Всеволодовичу, старшему брату Ярослава²⁴. Ярослав явно извлек уроки из предыдущего конфликта и после приезда в Новгород отправился отражать нападение Литвы²⁵. Лаврентьевская летопись излагает события иначе: сначала Ярослав отправился на защиту Новгорода, как только узнал о литовском нападении, а уже после победы последовало приглашение князя²⁶. В 1223 г., сразу после своего возвращения в Новгород, Ярослав совершил удачный поход на Колывань²⁷. В 1226 г. он вновь отразил нападение Литвы на новгородские и смоленские земли, причем Лаврентьевская летопись уточняет, что «бѣ бо рать велика ака же не была от начала миру»²⁸. Зимой 1226/27 г. Ярослав отправился с новгородцами в поход в Финляндию на емь «и повоева всю землю, и полонъ приведе бесчисла»²⁹. Лаврентьевская летопись в очередной раз красноречиво сообщает, что поход состоялся туда, где «ни единъ от княз(ей) Руских не возможе бывати»³⁰. Примечательно, что сразу после известия о походе на емь в НПЛ стоит лаконичное сообщение о казни 4 волхвов³¹.

Наибольшие дискуссии вызывает сообщение Лаврентьевской летописи под 1227 г.: «Тогож(е) лет(а) Княз(ь) Ярославъ Всеволодичъ пославъ кр(е)сти множ(е)ство Корель мало не все люди»³². Помещённое в основной летописный текст и лишённое каких-либо контекстуальных отсылок, такое лаконичное сообщение действительно может вызывать обоснованные подозрения, а при поверхностном прочтении фрагмент можно оценить как интерполяцию. Однако для реконструкции контекста необходимо обратиться к НПЛ, которая содержит подробное сообщение под следующим, 1228 годом

²² ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 53.

²³ Там же. Т. 1. Стб. 492.

²⁴ Там же. Т. 3. С. 61.

²⁵ Там же. С. 61.

²⁶ Там же. Т. 1. Стб. 448.

²⁷ Там же. Т. 3. С. 61.

²⁸ Там же. С. 64; Т. 1. Стб. 448.

²⁹ Там же. Т. 3. С. 65.

³⁰ Там же. Т. 1. Стб. 449.

³¹ Там же. Т. 3. С. 65.

³² Там же. Т. 1. Стб. 449.

Новгородский летописец упоминает о том, что Емь численностью более 2000 человек в качестве ответной меры на успешный поход Ярослава зашла на кораблях в Ладожское озеро. После получения этой вести новгородцы с князем Ярославом также вышли на кораблях в Ладогу. Ладожане под руководством ладожского посадника Володислава преследовали противника и уничтожали его на воде, на островах и побережье у Олонца³³. С наступлением темноты емь отошла с пленными на берег и запросила мира, но ладожане ответили отказом. Бросив корабли, нападавшие поспешили скрыться в лесу, однако ладожане уничтожали их и здесь, попутно сжигая корабли противника. Предполагая, что емь будет отходить из Ладоги по Неве, новгородцы с князем заранее блокировали её, но так и не дождались ни врага, ни ладожан. В итоге Ярославу пришлось вернуться в Новгород. Между тем отступавшая емь была встречена ижерянами – представителями прибалтийско-финского этноса, проживавшими в бассейне Невы и на побережье Ладожского озера. В этой связи важно замечание летописца о том, что в боях участвовала корела: «и ту ихъ избиша много, а прокъ ихъ разбежеса, куды кто видя; нъ техъ Корела, где обидуче, въ лесе ли, выводяче, избиша»³⁴. Причина того, что сообщение о крещении содержится только в Лаврентьевской летописи, может крыться в политическом контексте. По мысли А.А. Кузнецова, в ситуации с крещением корелы уместно предполагать согласование планов Ярослава и Юрия Всеволодича³⁵. При этом поддержка и защита Новгорода со стороны Ярослава обходилась без помощи его старшего брата, и Юрий никак не вмешивался в политику на Северо-Западе.

Крещение корелы имело большое политическое значение. В первую очередь оно было направлено на более глубокую интеграцию этого прибалтийско-финского этноса в систему (прежде всего культурно-религиозную и военную) Новгородской земли в условиях внешней угрозы. Около 1218 г. соборный каноник из Упсалы, англичанин Томас, занял пост главы католической церкви Финляндии. Г. Рейн считал, что этот епископ был причастен к организации похода еми на Новгород и предполагал, что среди нападавших были шведские крестоносцы³⁶. Как бы то ни было, Томас был активным миссионером: Римский папа Гонорий III в булле от 13 января 1221 г. указывал на то, что церковь Финляндии вышла из состояния длительного и глубокого упадка. При этом понтифик запретил христианам, вверенным Томасу, вести торговлю с язычниками и «варварами», которые стремились уничтожить «новое насаждение» (т. е. христианизированную юго-западную Финляндию)³⁷. Кого именно здесь подразумевал Гонорий под «варварами» и «язычниками», неясно: по всей видимости, здесь идёт речь о новгородцах и

³³ ПСРЛ. Т. 3. С. 65.

³⁴ Там же. С. 65.

³⁵ Кузнецов А.А. Крещение карел в контексте военно-политических практик Новгорода и Владимирского княжества // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: Сб. статей. М., 2014. С. 155.

³⁶ См. Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid. Helsingfors, 1838.

³⁷ Шаскольский И. П. Указ. соч. С. 131.

кореле. Внешнюю угрозу в Новгороде могли усматривать и в посланиях Гонория на Русь. В его послании «христианам Руси» от 16 ноября 1224 г. прочитываются намеки на то, чтобы привлечь русских (прежде всего Новгород и Псков) к военным действиям против язычников в Прибалтике в обмен на обещание помощи в предстоящих столкновениях с татаро-монголами³⁸. Послание от 17 января 1227 г. было адресовано, вероятно, князьям Новгорода, Пскова, Смоленска и Полоцка. Предшествующая посланию встреча русских послов с легатом Вильгельмом Моденским давала Ватикану надежду на активизацию католической миссии на Руси. Но в связи с тем, что на Руси не делали встречных шагов, письмо приобрело угрожающий тон: «Поддерживая прочный мир с христианами Ливонии и Эстонии, не мешайте распространению веры христианской и тогда не вызовете негодования божественного апостольского престола»³⁹. Послания Гонория, равно как и активная миссионерская деятельность в Финляндии, могли быть интерпретированы на Руси как внешнеполитический сигнал угрозы.

В зарубежной историографии можно встретить точку зрения, согласно которой Ярослав использовал «немецкий метод» интеграции подчинённых этносов, поскольку именно путём христианизации закрепляли свою власть немцы и датчане в Ливонии, а также шведы в Финляндии⁴⁰. Однако Х. Киркинен выявил отличия новгородской христианизации прибалтийско-финских племен: крещение корелы сопровождалось единовременной и мирной миссией со стороны священников и монахов без вооруженного насилия со стороны Новгорода. Как отмечает автор, насильственная христианизация была чужда новгородской политике, а в данном случае могла даже настроить карельское население против Новгорода⁴¹. Интеграция этноса через христианизацию была широко распространена в Средневековье. Кроме того, известно, что в 1210 г. новгородцы восстановили свою власть над городом Медвежья Голова (Оденпе), который был центром давно зависимой от Новгорода эстонской области Унгавнии⁴². В 1208–1209 гг. эту область захватили немецкие рыцари. Если НПЛ сообщает только о военном походе на Медвежью Голову, то Генрих Латвийский указывает подробности: «Так как в замке не хватало воды и съестных припасов, осажденные просили мира у русских. Те согласились на мир, крестили некоторых из них своим крещением, получили четыреста марок ногат, отступили оттуда и возвратились в свою землю, обещавши послать к ним своих священников для совершения возрождающего к новой жизни таинства крещения; этого однако они впослед-

³⁸ Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 217.

³⁹ Там же. С. 220.

⁴⁰ Rein G., Op. cit., S. 29.

⁴¹ Kirkinen H. *Karjala idän kulttuuripiirissä: Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan*, Helsinki, 1963, S. 74.

⁴² ПСРЛ. Т. 3. С. 52.

ствии не сделали, ибо жители Унгавнии позднее приняли священников от рижан, были ими крещены и причислены к рижской церкви»⁴³.

Археологические источники демонстрируют изменения погребальной обрядности корелы в первой трети XIII в. Как отмечает С.В. Бельский, до начала XIII в. в Северо-Западном Приладожье и на Карельском перешейке существовали только могильники с трупосожжениями. Верхняя граница существования таких памятников неясна, но Бельский предположил, что они продолжали существовать и в первой половине XIII в. С 1220-х гг. появились грунтовые могильники «развитого типа» с трупоположениями в сопровождении значительного количества инвентаря. С этого времени погребальный обряд становится более разнообразным, но его устойчивые формы не выявляются. Унификация погребального обряда под влиянием христианства отмечается только с 1310-х гг.⁴⁴

Участие корелы в отражении нападения еми в 1228 г. не представляет собой экстраординарного явления. Корела и ранее участвовала в военных действиях новгородцев в 1143, 1148, 1187 и 1191 гг.⁴⁵ Как полагает Бельский, появление карельских могильников с трупоположениями свидетельствует о серьёзных изменениях в социальной структуре карельского общества. Часть населения (в особенности хорошо вооружённые воины) приняли христианство, что нашло отражение в погребальной обрядности. На рубеже XII–XIII столетий потомки карел, вовлечённых в походы второй половины XII в., хоронили умерших по христианскому обряду. Однако часть карельского населения из Северного Приладожья продолжала практиковать поверхностные кремации⁴⁶.

Несмотря на интеграцию корелы посредством крещения, есть свидетельства о её относительной автономности и распространении язычества. Епископ Генрих Вик-Эзельский в послании от 13 апреля 1241 г. упоминает «земли между Эстонией, уже крещённой, и Рутией, а именно: земли Ватланд, Нуова, Ингрия и Карела, которые, как ожидается, примут веру Христову»⁴⁷. «Язычники Ватландии, Ингрии и Корелии» упоминаются в послании Римского папы Александра IV архиепископу Рижскому 3 августа 1255 г.⁴⁸ В этих пассажах нельзя отбрасывать теологический характер оценочного понятия «язычники»: посредством такой лексики иерархи вполне могли противопоставлять истинную «веру Христову» латинской традиции и всем прочим конфессиям, которые воспринимались как потенциальные объекты для миссии. Далее, в договорах Великого Новгорода с Любеком и Готландом 1260-х гг. новгородская сторона снимала с себя ответственность за происше-

⁴³ Генрих Латвийский Хроника Ливонии. Л., 1938. С. 129–130.

⁴⁴ Бельский С.В. Хронология погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 219.

⁴⁵ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 370; ПСРЛ. Т. 3. С. 27, 39.

⁴⁶ Бельский С.В. Указ. соч. С. 219.

⁴⁷ Крестоносцы и Русь... С. 258.

⁴⁸ Там же. С. 278.

ствия в Корельской земле⁴⁹. Несмотря на это, статус корелы на Северо-Западе Руси по отношению к новгородской политике заметно повышается: с 1241 г. она включена в летописные перечни НПЛ наряду с новгородцами, псковичами, ладожанами, водью и ижорой⁵⁰. В 1270 г. «совкупися в Новъгородъ вся волость Новгородская, плъсковичи, ладожане, Корѣла Ижера, Вожане; и идоша в Голино» против Ярослава Ярославича⁵¹. Корела выступает здесь как сторона, обладающая своими военными ресурсами, но при этом вписанная в новгородскую военную систему в целом. Такой автономии корела лишается к 1310 г., когда повторно был построен Корельский город и создана система крепостей, проходящих вдоль границы⁵².

Таким образом, крещение корелы в 1227 г. получило отражение в Лаврентьевской летописи в связи с особым интересом в Северо-Восточной Руси к политике Ярослава Всеволодича. Крещение затронуло преимущественно карельское население, проживавшее в Северо-Западном Приладожье и на Карельском перешейке. Фактором крещения выступила прежде всего внешняя угроза со стороны Швеции, которая перешла к интенсивной миссионерской деятельности в Финляндии среди еми. Крещение стало не только способом закрепления новгородской власти в Корельской земле, но и методом инкорпорации корелы в общую систему новгородской политики. Археологические источники подтверждают значительное изменение погребальной обрядности в сторону христианства с 1220-х гг., что коррелирует с летописными данными. В целом можно говорить о том, что корела имела особое значение в политической системе Новгородской земли, и это значение со временем лишь усиливалось. В связи с этим точка зрения гиперкритиков на недостоверность сообщения о крещении корелы выглядит неубедительной, равно как и уверенность в том, что Новгород не уделял должного внимания христианизации корелы.

Список литературы:

1. Бельский С.В. Хронология погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 317–332.
2. Гадзяцкий С.С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1941. – 200 с.
3. Жербин А.С. Христианизация Карелии в XII–XVI веках // *Православие в Карелии: История и современность: атеистические очерки*. Петрозаводск: Карелия, 1987. С. 25–35.
4. Кочуркина С.И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. – 380 с.
5. Кузнецов А.А. Крещение карел в контексте военно-политических практик Новгорода и Владимирского княжества // *Восточная Европа в древно-*

⁴⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 57, 59.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 78.

⁵¹ Там же. С. 89.

⁵² Там же. С. 333.

- сти и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: Сб. статей. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 153–158.
6. Кучкин В.А. Ростовская земля, Суздальское и Владимирское княжества в XI – первой трети XIII в. // Российская история. 2019. № 4. С. 92–115.
  7. Мусин А.Е. Становление Православия в Карелии (XII–XVI век): Историко-археологический аспект // Рябининские чтения'95: Сб. статей. Петрозаводск: [Б. и.], 1997. С. 242–262.
  8. Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1947. – 175 с.
  9. Степанов А.Я. На путях духовного восхождения: Религия и атеизм в Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1986. – 168 с.
  10. Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII в. Л.: Наука, 1978. – 245 с.
  11. Lind J.H. The politico-religious landscape of medieval Karelia // Fennia. 2004. № 182 (1). P. 3–11.
  12. Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid. Helsingfors: J.C. Frenckell, 1838. – 32 p.
  13. Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissä: Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1963. – 264 s.

Об авторе:

ЧИБИСОВ Борис Игоревич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, научно-учебной лаборатория медиевистических исследований, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4), e-mail: borischibisov@yandex.ru

THE BAPTISM OF THE KAPELIANS IN 1227 IN THE NOVGOROD LAND

B.I. Chibisov

National Research University «Higher School of Economics»,
Moscow, Russia

The article is devoted to the analysis of the political context of Korela's baptism initiated by Prince Yaroslav Vsevolodovich in 1227. On the basis of Old Russian and Western European sources, the author shows that the main factor of baptism was an external threat from Sweden, which switched to intensive missionary activity in Western Finland. The analysis of archaeological sources confirms the transition of the funeral rites of Karelians from cremation to inhumation since the 1220s, which correlates with the chronicle data of Christianization. The author concludes that the baptism affected the Karelian population living in the Northwestern Lado-ga region and on the Karelian Isthmus. In the context of medieval ethno-

politics, baptism became a method of incorporation of Karelians into the general socio-political system of the Novgorod Land.

Keywords: *The Novgorod Land, Karelians, interethnic relations, The Baltic-Finnish nations, Christianization.*

About the author:

CHIBISOV Boris Igorevich – Ph.D. in History, Researcher, the Scientific and Educational Laboratory of Medieval Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya str., 21/4), e-mail: borischibisov@yandex.ru

References:

- Bel'skii S.V., *Khronologiya pogrebal'nykh pamyatnikov Karel'skogo peresheika i Severnogo Priladozh'ya XI–XV vv.*, Stratum plus, 2014, № 5, S. 317–332.
- Gadzyatskii S.S., *Karely i Kareliya v novgorodskoe vremya*, Petrozavodsk, Gosizdat Karelo-Finskoi SSR, 1941.
- Zherbin A.S., *Khristianizatsiya Karelii v XII–XVI vekakh*, Pravoslavie v Karelii: Istoriya i sovremennost': ateisticheskie ocherki. Petrozavodsk, Kareliya, 1987, S. 25–35.
- Kochkurkina S.I., *Arkheologiya srednevekovoi Karelii*, Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2017.
- Kuznetsov A.A., *Kreshchenie karel v kontekste voenno-politicheskikh praktik Novgoroda i Vladimirskogo knyazhestva*, Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Yazychestvo i monoteizm v protsessakh politogeneza: Sb. statei, M., IVI RAN, 2014, S. 153–158.
- Kuchkin V.A., *Rostovskaya zemlya, Suzdal'skoe i Vladimirskoe knyazhestva v XI – pervoi treti XIII v.*, Rossiiskaya istoriya, 2019, № 4, S. 92–115.
- Musin A.E., *Stanovlenie Pravoslaviya v Karelii (XII–XVI vek): Istoriko-arkheologicheskii aspekt*, Ryabininskie chteniya'95, Sb. statei, Petrozavodsk, B. i., 1997, S. 242–262.
- Myuller R.B., *Ocherki po istorii Karelii XVI–XVII vv.*, Petrozavodsk, Gosizdat Karelo-Finskoi SSR, 1947.
- Stepanov A.Ya., *Na putyakh dukhovnogo voskhozhdeniya, Religiya i ateizm v Karelii*, Petrozavodsk, Kareliya, 1986.
- Shaskol'skii I.P., *Bor'ba Rusi protiv krestonosnoi agressii na beregakh Baltiki v XII–XIII v.*, L., Nauka, 1978.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.

УДК 94(47)''18/19''+058.222

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.099–112

«МУЖИКИ-ДВОРЯНЕ» В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА¹

В.А. Шаповалов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

В статье рассмотрена повседневность представителей «дна» российского поместного дворянства. Особое внимание здесь уделено показу результатов «самораздворянивания» быта и хозяйственной деятельности мелких помещиков. Визуализацию их жизненного пространства и их внешнего вида весьма трудно было зримо соотнести с образом барских усадеб, дворянского быта. В то же время для части мелкопоместного дворянства был характерен сословный гонор, который проявлялся в отношении их нескольких крепостных душ. «Мужики-дворяне» часто работали на земле вместе со своими крестьянами. Среди них было очень много безграмотных. По сути, они являлись маргинальной социальной группой. Это напрямую отражалось в их поведенческом коде, который не совпадал с кодом верхних страт дворянства и, соответственно, с крестьянским.

Ключевые слова: мелкопоместное дворянство, «мужики-дворяне», «панки», крестьяне, повседневность, досуг.

Беспоместные и мелкопоместные дворяне (в дореформенный период не имевшие крепостных, владевшие до 20 рев. душ, в пореформенный период – не имевшие земли или владевшие до 100 дес. земли) в рамках российского благородного сословия были заметным социальным явлением. В конце 70-х гг. XVIII в. они составляли 59 % от общего числа дворян-помещиков, в середине 30-х гг. XIX в. – 53,5 %, а концу 50-х гг. XIX в. – 41,6 %². В 1877 г. число владений мелкопоместных дворян по 44 губерниям Европейской России насчитывало 56 411 (50 %), в 1905 г. – 59 748 (58,9 %)³. Европейцы, проживающие в России, поражались низкому уровню жизни значительной части дворян. Уроженец Женевы Этьен Дюмон в дневниковой записи 1803 г. сделал суровое заключение: «Русское дворян-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Русь и соседние народы в XIII–XV вв.: идентичности и политические отношения» (№ 23-28-01032).

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 89.

³ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. М., 1979. С. 62.

ство самое бедное во всем свете»⁴. Это была усреднённая оценка страты мелких помещиков, но среди них было большое количество тех, кто, по сути, вёл крестьянский образ жизни, лично ходил за сохой, убирал хлеб и пас скот. К моменту отмены крепостного права из 253 068 потомственных российских дворян 109 444 (43,2 %) лично занимались хлебопашеством⁵. Contemporaries называли их «мужики-дворяне»⁶. Именно этой категории дворянства посвящено настоящее исследование.

Беспоместному и мелкопоместному дворянству как в дореволюционный, так и в советский периоды отечественной историографией уделялось весьма мало внимания. Особенно это касается низших подгрупп страты мелких помещиков. Интерес исследователей в первую очередь ограничивался сферами землевладения и землепользования. При этом в работах авторов А.И. Васильчикова, И.И. Кауфмана, В.В. Святловского, М. Яснопольского вопрос о мелкопоместном землевладении и хозяйственной деятельности мелких помещиков не являлся основным, он рассматривался в контексте стратификационных особенностей и нередко носил опосредованный характер⁷. Нижние подгруппы мелких помещиков в них не рассматривались. Хозяйственная деятельность «мужиков-дворян» фрагментарно отражена в публицистических очерках И. Вернера и Н.А. Хлопова, где показан крестьянский образ жизни данных дворян, которые нанимались батраками к зажиточным крестьянам или сахарозаводчикам, лично пахали землю, пасли скот, иногда в худших условиях, чем крестьяне. Например, в отличие от крестьян, у них не было выгонов для скота⁸.

В советский период отечественной историографии дискурс экономической составляющей мелкопоместной страты оставался в рамках землевладения, душевладения и землепользования⁹. Однако работы этого перио-

⁴ Цит. по: *О'Марра П.* Русское дворянство времен Александра I. М., 2023. С. 38.

⁵ *Миронов Г.Е.* История государства Российского: историко-библиографические очерки. М., 1995. С. 125.

⁶ *Хлопов Н.А.* Мужики-дворяне (Бытовой этюд) // Исторический вестник. 1903. Т. 91. С. 1030.

⁷ *Васильчиков А.И., князь* Землевладение в России и других Европейских государствах: в 2-х т. СПб., 1881. Т. 1.; *Кауфман И.И.* О задолженности землевладения в связи с статистическими данными о притоке капиталов к помещиному землевладению со времени освобождения крестьян // Временник Центрального статистического комитета МВД. 1898. С. 2–20; *Святловский В.В.* Мобилизация земельной собственности в России. СПб., 1911; *Яснопольский М.* Развитие дворянского землевладения в современной России // Мир Божий. 1903. № 12. С. 220–231.

⁸ *Вернер И.* Землепользование и земледеление в Курской губернии // Русская мысль. 1887. Кн. IV. С. 52–74; *Хлопов Н.А.* Указ. соч. С. 1030–1036.

⁹ *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1965; *Его же.* К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961. С. 192–227; *Проскуракова Н.А.* Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начала XX вв. // История СССР. 1973. № 1. С. 55–75; *Шепукова Н.М.* Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской

да, несмотря на сильный идеологический фактор, отличает скрупулёзная детализация решаемых вопросов, большой территориальный охват, глубина и широта выводов. Но мелкопоместные дворяне не стали объектом специального исследования. На современном этапе отечественной историографии в рамках рассматриваемой проблематики приоритет отдается вопросам землевладения, хозяйственной деятельности, стратификации дворянства¹⁰, в то же время появляются работы, в которых мелкопоместное дворянство, включая «мужиков-дворян», становится объектом пристального изучения. В частности, это работы И.В. Истоминой, В.В. Морозана, Л.М. и Р.А. Рянских¹¹.

В дооктябрьский период российской историографии сюжеты повседневной деятельности мелкопоместного дворянства, с учётом его низших подгрупп, освещались в дискурсе травелога. Путевые заметки командированных чиновников содержат сведения о встречах с различными категориями дворян как в дореформенный, так и пореформенный периоды. «Мужики-дворяне» отображены в травелогах А. Борецкого, В.С. Мышецкого, Н.А. Хлопова¹². Авторы описывают внешний вид, жилища, хозяйственные занятия, самооценку представителей беднейших категорий дворянства, социальные ожидания и запросы которых мало чем отличались от крестьянских. Их и внешне трудно было соотнести с представителями благородного сословия. В ряде сюжетов четко прослеживается авторская ирония, но она неотделима от интонации определенной жалости к таким представителям дворянства и ощущения их обреченности.

В советской историографии повседневность не являлась темой специальных исследований, её рассматривали в основном в качестве буржуазного исторического нарратива, тем более если вопрос касался повседневных реалий благородного сословия. В современной отечественной историографии тема повседневности разрабатывается обстоятельно, включая вопросы сословного и гендерного планов. Повседневность мелкопоместно-

---

России в первой четверти XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 388–420.

¹⁰ *Литувев В.Н.* Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. М., 1997; *Миронов Б.Н.* Указ. соч.; *Миронов Г.Е.* История государства Российского: Историко-библиографические очерки. М., 1995.; *Савельев П.И.* Аграрный менталитет русского дворянства в XIX веке // Общественно-политическое движение России XVII–XX вв. Самара, 1993. С. 25–32.

¹¹ *Истомина И.В.* Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013; *Морозан В.В.* Мелкопоместное дворянство центрально-земледельческого района России в XIX веке // Социально-культурные аспекты истории экономики России XIX–XX вв. СПб., 2012. (Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 9). С. 23–42; *Рянский Л.М., Рянский Р.Л.* Очерки социально-экономической истории крепостной деревни Курской губернии первой половины XIX века. Курск, 2009.

¹² *Борецкой А.* Захудалое дворянство (Из летних экскурсий) // Русская мысль. 1882. Кн. XII. С. 339–346; *Мышецкий В.С.* Воспоминания // Исторический вестник. 1896. № 11. С. 878–905; *Хлопов Н.А.* Указ. соч. С. 1030–1036.

го дворянства находит отражение в работах Л.В. Беловинского, И.В. Истоминой, Л.И. Колесниковой, Е.В. Лаврентьевой, О.С. Муравьевой, И.Г. Оноприенко, С.Д. Охлябиной, И.М. Пушкарёвой, Н.А. Юдичевой¹³. В них представлен широкий спектр исследований повседневности мелких помещиков, отчасти и «мужиков-дворян», включая их одежду и внешний вид в целом, жилища и интерьер, свободное времяпрепровождение, специфику ценностных устремлений, отношение с крестьянами и представителями верхних страт дворянства, хозяйственные занятия. В работах нашла отражение маргинальность низших подгрупп помещиков в контексте внутрисословных связей.

Из зарубежной современной историографии следует выделить работы С. Беккера и П. О'Марры.¹⁴ В них авторы показывают плачевное экономическое состояние хозяйств низших подгрупп мелких помещиков, их локацию в рамках отдельных селений, представляющих собой жалкое зрелище; суждения англоязычных исследователей о социальной дифференциации российского дворянства, где разрыв между противоположными полюсами был огромен, весьма показательны.

В рассматриваемом вопросе особую информативную ценность имеют произведения русских классиков – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.С. Тургенева, И.А. Бунина, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого. Являясь очевидцами дореформенной и пореформенной трансформации российского дворянства, они создавали легко узнаваемые обобщенные образы представителей первого сословия с их переживаниями, страхами, надеждами и разочарованиями. Нельзя не упомянуть здесь и так называемых русских писателей XIX в. второго плана, среди них в преломлении к рассматриваемой проблематике выделяются такие авторы, как В.Т. Нарезный с его романом «Российский Жилбляз, или похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», А.А. Потехин с романом «Бедные дворяне», С.Н. Терпигорев (С. Атава) с циклом очерков «Потревоженные тени»¹⁵. Именно в данных произведениях очень объёмно и тонко показана

¹³ Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя: изба и хоромы. М., 2012; Истомина И.В. Указ. соч; Колесникова Л.И. Корочанские мелкопоместные усадьбы // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Воронеж, 2001; Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М., 2005; Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1995; Оноприенко И.Г. Повседневная жизнь дворянства Центрального Черноземья в 50–90-е гг. XIX века: традиции и новации. Белгород, 2010; Охлябинин С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. М., 2006; Пушкарёва И.М. Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1999. № 4 С. 14–29; Юдичева Н.А. Быт и нравы крестьян и дворян пореформенной России // Преподавание истории в школе. 1996. № 7 С. 52–55.

¹⁴ Беккер С. Миф о русском дворянстве: дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. (Серия HistoriaRossica); О'Марра П. Указ. соч.

¹⁵ Нарезный В.Т. Российский Жилбляз, или похождение князя Гаврилы Симоновича Чистякова. М., 2016 (Русский литературный архив); Потехин А.А. Бедные дво-

психология самих низов дворянского общества, их повседневность, совершенно отличная от будней представителей верхних страт благородного сословия. В целом же повседневность «мужиков-дворян» в историографии отражена фрагментарно: она вписана небольшими сюжетами в канву повседневности всей мелкопоместной страты, несмотря на то что разница в социальном плане между владельцем 1–10 дес. земли или 2–3 крепостных душ и владельцем 50–100 дес. или 15–20 рев. душ была очевидна.

Перед непосредственным анализом поставленной проблемы необходимо остановиться на самом понятии «повседневность». Необходимо отметить, что сегодня нет общепринятой дефиниции понятия «повседневность». Авторам наиболее близко определение понятия «повседневность», предложенное Л.В. Беловинским. Он рассматривает повседневность как практическую реализацию в процессе общественного бытия существующих и выработку новых культурных норм и стандартов человеческой жизнедеятельности, формируемых жизненным опытом индивида и социума. Она выступает как сочетание различных видов специализированной и обыденной деятельности, детерминированных ценностными ориентациями человека, переживающего здесь и сейчас как настоящее, так и неотъемлемое от него прошлое, переживаемое как субъективно, в живом восприятии людей, так и объективно – как данность, налагающую отпечаток на настоящее¹⁶.

При этом повседневность выражается в «правилах игры» коллективной жизни социума: мотивациях, социальной стратегии, нормах и правилах, стандартах адаптивной деятельности, взаимоотношении людей в организации, коммуникации, в правах, обычаях, ритуалах, стереотипах восприятия и поведения, вкусах, творчестве, труде, отдыхе и других регуляторах общественного поведения¹⁷.

Авторитетный американский социолог, психолог и психиатр Ирвинг Гофман в своей работе «Представление себя другим в повседневной жизни» подчеркивает: «В повседневной жизни, конечно, есть чёткое представление того, что первые впечатления важны»¹⁸, и от этих впечатлений выстраивается вся линия коммуникации с конкретным индивидом. Русская народная пословица «По одежде встречают, по уму провожают»¹⁹ подтверждает важность первых впечатлений о человеке, пусть они со временем и изменятся. Внешний облик человека характеризует его со многих сторон, демонстрируя его отношение не только к себе, но и к обществу в целом. При этом, как правило, он указывает на место индивида в социальной иерархии. В рассматриваемом контексте внешний вид представителей низших подгрупп дворян, несомненно, являлся визуальным маркером их

ряне // Сочинения: в 12 т. СПб., 1904. Т. 4.; *Терпигорев С.Н. (Атава С.)*. Потревоженные тени. М., 1988.

¹⁶ *Беловинский Л.В.* Культура русской повседневности. М., 2016. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 7–8.

¹⁸ *Erving Goffman* The presentation of self in everyday life. University of Edinburgh. Social Sciences Research Centre, 1956. P. 5.

¹⁹ *Рыбников М.А.* Русские загадки, пословицы и поговорки. М., 2021. С. 482.

статусности. Первая визуализация «мужиков-дворян» уже репрезентировала, что представляет собой так называемый представитель благородного сословия. Так, В.Т. Нарезный в романе «Российский Жилблаз», сюжет которого охватывает конец XVIII в., несколькими предложениями показывает внешний вид князя Гаврилы Чистякова, который должен был вызвать у читателя оторопь и некоторое смущение: «Приведение сие имело с виду подобие мужчины под пятьдесят лет. Волосы его всклокочены и наполнены грязью, которая также залепляла лицо и руки, оцарапанные до крови; платье всё в лохмотьях; одна нога босая, другая лапте; оно дрожало от холода, глаза были томны и унылы», далее он представился: «Что я князь природный – это такая истина, как то, что теперь существую. Я называюсь князь Гаврило Симонович княж Чистяков»²⁰.

В.Т. Нарезный был не слишком далёк от истины, описывая внешний вид беспоместного князя Чистякова: в России среди поместного дворянства было определённое число представителей разорившихся княжеских родов, которые вели крестьянский образ жизни. Зарубежный путешественник применительно к сер. 40-х гг. XIX в. отмечал: «В окрестностях Воронежа встретил несколько семейств свободных хлебопашцев, которые своеручно занимались земледелием, но владели несколькими душами крестьян. Эта была захудалая княжеская фамилия, члены которой, в отличие от односельчан, носили красные фуражки»²¹. Вероятно, для данных представителей княжеской фамилии красные фуражки были отличительным символом их богатой и старинной родословной, знаком, который должен был внешне отличать их от крестьян.

Современники, характеризуя внешний вид представителей нижних подгрупп мелкопоместной страты, обязательно подчеркивали их «недворянскость», словно демонстрируя непреодолимую грань визуального порядка между «истинным» дворянством и его внутрисословным антиподом – «мужиками-дворянами». Внешняя «недворянскость» выражалась в неухоженности разных частей тела, фасонах костюма и обуви, где превалировали элементы крестьянской одежды. В ряде случаев одежда и обувь служили одновременно и помещикам, и крестьянам. В частности, А.И. Кошелев отмечал: «Многие мелкопоместные дворяне сами извозничают, ямщицествуют, пашут вместе со своими крестьянами, носят одни и те же кафтаны, полушубки, тулупы и сапоги. У многих мелкопоместных во всем доме один или два тулупа, кафтан, одна пара сапог, которые служат то барину, то мужику, глядя по тому, кто едет в дорогу, в лес, на мельницу и пр.»²². Фасоны одежды мелких помещиков обычно соотносимы с одеянием низших слоев общества. Так, С.Н. Терпигорев (С. Атава), выходец из тамбовских помещиков средней руки, в автобиографических очерках «По-

²⁰ Нарезный В.Т. Указ. соч. С. 20.

²¹ Порай-Кошиц И. История русского дворянства. Романович–Славатинский А. Дворянство в России. М., 2003. С. 212.

²² Цит. по: Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя: изба и хоромы. М., 2012. С. 332–333.

тревоженные тени» описывает местных представителей «дна» мелкопоместного дворянства следующим образом: «Проезжая, мы видели некоторых из владельцев, расхаживающих у себя по двору в красных рубахах, совсем как кучера, или в широких грязных парусинных пальто, как дворовые. Видали и их жен вдали, сидевших в усадьбе или на берегу, окруженных бедно и грязно одетыми детьми»²³.

Неопрятный вид мелкой помещицы сочетался с неухоженностью её рук, что подчеркивало социальную дистанцированность последней от дам благородного круга. Недаром говорят, что руки – визитная карточка женщины: «Анна Ивановна Мутовкина, женщина лет пятидесяти, среднего роста, с лицом вечно умильно улыбающимся, хотя глаза у неё бегают как-то тревожно... Одета она не то чтобы бедно, а как-то неопратно: одно плечо выпачкано мелом – это она дома стояла у печки и грелась; на оборках у платья сухая грязь – как забрызгалась, так с тех пор и не почистила его; мантия спереди вся закапана – ела, соусом закапалась – она отвратительно ела, – салфеткой кое-как вытерлась, пятна и остались. Но самое для нас у неё было – это руки, маленькие, красные, с обгрызенными пальцами и все в цыпках, то есть с грубой и потрескавшейся кожей»²⁴.

В пореформенный период социальная деградация мелкопоместного дворянства ускорилась. Значительная их часть порвала связь со своими мизерными земельными участками, оставшись без одной-двух крепостных душ, превратились в обер-кондукторов на железных дорогах, десятников и старших рабочих на строительстве тех же дорог, а то и просто бродяг, обитателей городских трущоб и ночлежек²⁵. Внешним символом «мужиков-дворян», оставшихся в деревнях и селах, стали лапти. Во всяком случае современники, рисуя их словесный портрет, обязательно указывали на лапти. В частности, чиновник-путешественник, проехав Самару, был поражён внешним видом деревни, сплошь населенной представителями «дна» мелкопоместного дворянства. Они были обуты в лапти. Ямщик объяснил барину историю их «переобувания»: «... Долго вишь они не хотели этих самых лаптей одевать, все крепились, – то есть, бывало, босые ходят, а лаптей не одевают... Ну, иначе, как-никак, а одели же... Теперь в лаптях щеголяют не хуже нас грешных»²⁶. Сословный гонор, согласно данному контексту, со временем исчез. Внешний вид беднейших дворян села Толмачевка Курской губернии современник описывает всего парой слов – «ходят в лаптях»²⁷ – и этим всё сказано. То есть «мужики-дворяне» и крестьяне с точки зрения внешнего вида фактически представляли тождество.

Внешнему виду «мужиков-дворян» соответствовал и внешний вид их жилищ с внутренним убранством. Особенностью расселения представите-

²³ Терпигорев С.Н. (Атава С.) Указ. соч. С. 270.

²⁴ Там же. С. 148.

²⁵ Беловинский А.В. Культура русской повседневности. С. 212.

²⁶ Борецкий А. Указ. соч. С. 346.

²⁷ Вернер И. Землепользование и земледелие в Курской губернии // Русская мысль. 1887. Кн. IV. С. 55.

лей нижних подгрупп мелких помещиков являлась их скученность в рамках одного населенного пункта. Это было следствием дробления имений. Данный процесс хорошо продемонстрировал С.Н. Терпигорев (С. Атава): «... Нам приходилось проезжать через большое село Всесвятское, сплошь состоявшее из мелкопоместных. Маленькие усадьбы с домиками и надворными строениями, крытыми соломой, при них садики с густо разросшимися яблонями, грушами, вишнями, рябиной, черемухой... а невдалеке три-четыре двора и их крепостные. Из таких усадеб, вперемешку с крестьянскими избами, состояло все Всесвятское. Когда-то давно оно принадлежало трём помещикам (земли которых сходились тут клиньями), поселившимся невдалеке друг от друга... Но это было давно, и с тех пор наследники их, множась, поделили их земли, расселились и обустроились каждый отдельно, и оттого стало в Всесвятском такое множество помещиков, хотя все они носили всего три фамилии: Зыбиных, Чарыковых и Неплюевых...»²⁸.

Дома беднейших дворян внешне трудно было отличить от изб нижних подгрупп крестьян. Это постоянно подчеркивалось при описании данных «усадб»: «Когда я попросил крестьян указать, где живёт помещик, мне показали на бедную полуразвалившуюся лачужку, крытую соломой. Я не поверил, но оказалось, что он действительно живет здесь... Я наконец вошёл в отворенную дверь и заглянул внутрь, то был просто поражён: потолок грозил ежеминутно обрушиться, и хозяин, желая, конечно, предотвратить подобную катастрофу, расставил там и сям подпорки; окна перекосились, в углах плесень, пол пришёл в состояние полнейшей негодности, всё ветхо, старо до невозможности, всюду грязь, пыль, паутина... Одним словом, оставалось только удивляться, как может человек жить в подобной норе, а между тем тут жил, да еще кто? Помещик! ... Домишко был крохотный, в две какие-то коморки. Мебели сколько ни будь порядочной, разумеется, никакой; комфорта какого-либо и подавно. Бедность, крайняя бедность сквозила повсюду»²⁹.

Автор приведённых строк удивлён, что это может быть жилищем помещика, т. е. поместного дворянина. Тональность и содержание данного фрагмента текста подчёркивает несомненную дискредитацию дворянского достоинства внешним видом и внутренним убранством данной «усадьбы».

В пореформенный период внешний вид домов «мужиков-дворян» ещё более приобретал черты жилищ беднейших слоёв общества. В качестве примера можно привести описание деревни, населённой исключительно дворянами и расположенной недалеко от Самары. Подобные деревни крестьяне презрительно называли «сорокапановками», а их жителей «панками»³⁰. Увиденная автором деревня выглядела так: «... Вдоль дороги то там, то сям показываются какие-то странные домики. Одиноко, сиротливо стоят они в открытом поле. Не видать вокруг них ни сада, ни зеленой ветлы, нет даже

²⁸ Терпигорев С.П. (Атава С.) Указ. соч. С. 269.

²⁹ Мышецкий В.С. Воспоминания // Исторический вестник. 1896. Т. LXVI. С. 884.

³⁰ Борецкий А. Указ. соч. С. 340; Беловинский Л.В. Культура русской повседневности. С. 212.

плетней, нет сараев, без которых немислима никакая крестьянская хата.

Печать беспомощности лежит на этих странных домиках; их крыши из старой прогнившей соломы растрепаны, точно всклокоченные мужицкие головы; трубы покривились и еле-еле держатся. Стёкла во многих окнах выбиты, а двери заткнуты грязным тряпьем. Словом, всё говорит о горькой нужде, о бесприютности»³¹.

Визуальный контур повседневности, выраженный жалким жилищем, убогой одеждой, обувью и в целом внешним видом, не мог не отразиться на социальном самочувствии «мужиков-дворян», их системе взаимоотношений с собственными крестьянами. Данная система была весьма своеобразной. С одной стороны, представители низших подгрупп мелких помещиков постоянно подчеркивали несколько крепостным крестьянам собственное дворянское достоинство. С другой – барин и крестьяне часто жили под одной крышей «усады-избы», состоявшей из пары комнат, нередко вместе работали на земле. В такой ситуации, в отличие от имений крупных помещиков, крепостные крестьяне фактически были лишены личного пространства, находясь под постоянным контролем барина, доказывавшего крестьянам свое «благородство». О тяжёлой жизни крепостных крестьян у мелкопоместных дворян хорошо знали представители коронных властей и органов дворянского самоуправления. В частности, в отчёте курского губернатора накануне отмены крепостного права указывалось: «Отношение помещиков к крестьянам благоразумно и законно, что касается до мелкопоместных дворян, то за некоторыми исключениями, обращение их с крестьянами не всегда сообразно...»³².

К мелким помещикам крестьяне особого уважения не проявляли, тем более если они где-то работали по найму. А.Н. Энгельгардт приводит пример подобного отношения из своей обширной практики общения с крестьянами:

«Приехали ко мне как-то мужики покупать рожь на хлеб.

– Что же вы не покупаете у своего барина? – спросил я.

– Какой же у нашего барина хлеб, наш барин сам в батраках служит.

И сколько презрения было в этих словах. Барин, из небогатых, действительно служил управляющим у соседнего помещика»³³.

В таких помещиках крестьянам не хватало барскости, дворянского лоска.

Непосредственный досуг «мужиков-дворян», как отмечали современники, отличался бездельем, несмотря на то что отдельные источники указывают на их тяжёлый мужицкий труд. Истина, вероятно, где-то посередине: вариативность жизненных траекторий весьма обширна, и её нельзя свести к какому-то общему знаменателю. Е.Н. Водовозова в своих воспоминаниях делает акцент на безделье мелких смоленских помещиков: «Как и все тогдашние помещики, мелкопоместные ничего не делали, не занимались никакою работою. Этому мешала барская спесь, которая была ещё бо-

³¹ Борецкий А. Указ. соч. С. 339–340.

³² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1281. Оп. 6. Д. 64. Л. 56.

³³ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1937. С. 278–279.

лее характерною чертою их, как и более зажиточных дворян. Они стыдились выполнять даже самые легкие работы в своих комнатах. Книг в их домах, кроме сонника и иногда календаря, не существовало, чтением книг никто не занимался, и своё безделье они разнообразили сплетнями, игрою в «дурачки» и «мельники» и поедом ели друг друга. Хозяева попрекали своих сожителей за свою жалкую хлеб-соль, а те, в свою очередь, – какими-то благодеяниями, оказанными им их отцами и дедами. Эти грубые, а часто и совершенно безграмотные люди постоянно повторяли фразы вроде следующих: «Я – столбовой дворянин!», «Это не позволяет мне мое дворянское достоинство!..». Однако это дворянское достоинство не мешало им браться самым площадным образом»³⁴.

Скученность «мужиков-дворян» в рамках одного населённого пункта, их постоянные передраги приводили к частым массовым и кровавым дракам между отдельными семьями помещиков, включая женщин и детей. Самое непосредственное участие в них принимали и их крестьяне, «вооруженные дубинами, ухватами, сковородами»³⁵.

Как уже отмечалось выше, однозначно говорить о поголовной лени представителей беднейших слоёв помещиков вряд ли целесообразно. Об этом свидетельствуют материалы статистики и источники иного характера. Трудовая деятельность «мужиков-дворян» прямым образом отражала их хозяйственную повседневность. В.В. Морозан указывает, что в 1846 г. в 33 губерниях Европейской России количество дворян, имевших менее 10 крестьян, составило 167 530 человек. Из них лично занимались земледелием 106 200 (63,3 %) ³⁶. Чем для них был труд на земле, хорошо показал А.А. Потехин, выходец из костромской мелкопоместной семьи, в романе «Бедные дворяне» (1861) на примере семьи Никешки Осташкова, которая имела небольшой участок земли, но при этом не владела ни одной крепостной душой: «Осташковы во всем нуждались, и если не бедствовали, то, как говорится, едва-едва тянулись. Земля обрабатывалась без толка и небрежно, родила плохо, так что хлеба иногда не доставало и на собственное прокормление; остаток барской лени и беспечности мешали выучиться какому-нибудь ремеслу; зимой нечего было делать, и вся семья целых 6 месяцев отдыхала от летних трудов. О том, чтобы наняться на зиму в работники или взять на себя какой-нибудь труд по найму, никому и в голову не приходило, не потому, чтобы такого рода работа считалась унижительною для дворянской чести или гордости, а просто так, по привычке: ни при дедушке, ни при прадедушке этого не делалось»³⁷.

В данном текстовом фрагменте главными смысловыми отрезками являются «Земля обрабатывалась без толка и небрежно, родила плохо», что было следствием «остатка барской лени и беспечности». То есть современ-

³⁴ Водовозова Е.Н. На заре жизни: в 2-х т. М., 1987. Т. 1. С. 180–181. (Лит. мемуары).

³⁵ Там же.

³⁶ Морозан В.В. Указ. соч. С. 26.

³⁷ Потехин А.А. Указ. соч. С. 40–41.

никам было трудно понять, можно ли такую работу считать работой в её традиционном понимании.

Такие праздность и лень в работе «мужиков-дворян» были характерны и в пореформенный период»³⁸.

В отдельных случаях хозяйственного характера крестьяне притесняли «мужиков-дворян», пользуясь их бедностью и беспомощностью. В частности, в пореформенный период, владея мизерными участками земли без выгонов, «мужики-дворяне» были лишены возможности пасти скот на лугах. Пасли на стерпах. Но если корова или овца заходила на крестьянский выгон, мужики её «занимали», т. е. запирали и отдавали хозяину после выкупа³⁹. Жены беднейших дворян не от хорошей жизни нанимались батрачками на сельхозработы. Например, Н.А. Хлопов во время своей командировки в начале пореформенного периода, беседуя с «киенским дворянином» (хутор Киенский располагался на границе, где сходились Харьковский, Сумской уезды Малороссии, Рыльский и Путивльский уезды Курской губернии, и его сплошь населяли «мужики-дворяне»), получил ответ на вопрос о том, где находятся его родные: «— Жинка на бураках, у Терещенки, поденно, а сынок товар (скот) пасет. Жинка там на плантации и заночует: не близко ходить. А товар теперь уже скоро пригонит...»⁴⁰.

Отношение представителей верхних страт дворянства к «мужикам-дворянам», «панкам» хорошо показано в автобиографических очерках С.Н. Терпигорева (С. Атавы) «Потревоженные тени», где дядя Сережа был возмущён увиденной сценой драки во Всесвятском между Зыбиными и Чарыковыми, «в которой принимали участие и их крестьяне, вооруженные чем попало и бывшие господ по чем попало. ...Дядя был возмущен и все говорил, что допускать существование подобных дворян — это значит позорить всех остальных, все сословие»⁴¹.

Сословные интересы, социальные ожидания, этикет, системы воспитания и образования, повседневные дискурсы у представителей верхних страт дворянства и «мужиков-дворян» фактически не имели точек соприкосновения. Среднепоместные и крупнопоместные дворяне не видели в представителях нижних подгрупп мелкопоместного дворянства своих братьев по благородному сословию.

В рассматриваемом сюжете интересен дискурс осознания «мужиками-дворянами» своего места в сословной структуре. Кто они и к какой сословной общности принадлежат? Это не крестьяне и не дворяне, по сути, маргиналы, выпавшие из своего сословия, но не ставшие и представителями другой сословной общности.

В завершение необходимо обратиться к текстам фольклора, касающимся мелких помещиков, в частности, к народным пословицам и поговоркам, которые демонстрируют отношение крестьян к представителям

³⁸ Борецкий А. Указ. соч. С. 340.

³⁹ Хлопов Н.А. Указ. соч. С. 1033.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Терпигорев С.Н. (Атава С.) Указ. соч С. 270–271.

«дна» поместного дворянства. Приведём наиболее яркие из них: «Хоть лыком шит – да барин!», «Хоть не стоит лыка, а ставь его – завелика»⁴², «Сколько дворов – столько господ», «Сам барин, сам холоп, сам и пашет, и орет, сам песенки поет и с крестьян оброк берет»⁴³, «Што это стало с панамми? Бувало, один пан едит на шести конях, а теперь шесть панов едут на одном коне»⁴⁴. В данных пословицах и поговорках, несомненно, присутствует социальная ирония.

Реалии повседневной жизни низших подгрупп мелкопоместного дворянства не вписывались в каноны и представления о буднях российского благородного сословия. Их «усадыбы», больше похожие на избы беднейших категорий крестьян, внешний вид «мужиков-дворян», мало отличимый от мужицкого, социальные ожидания, не простирающиеся далее минимально необходимых жизненных благ, – всё это специфические черты данной сословной страты. В дореформенный период хозяйственная повседневность «мужиков-дворян» была тесно переплетена с крестьянской, нередко принимая формы совместного труда на земле. При этом современники отмечали, что особого рвения к работе у мелких помещиков не было, досуг не отличался особыми изысками: карты, сплетни, дразги, драки между отдельными семьями с участием собственных крестьян. Интерес к книгам, дискуссиям на различные «возвышенные» темы отсутствовал. Это не было поведением дворянина, учитывая, что в соответствии с особенностями социальной организации в сфере «заданного» поведения, выделяются различные типы: поведение крестьянина, воина, ремесленника и т. п.⁴⁵. Среди представителей элиты наиболее интересен поведенческий код (программа) дворянства, который во многом был опосредован спектром повседневных занятий. Исходя из того, что дворянство социально было стратифицировано, и поведенческие коды у представителей отдельных страт были различны. Как видим, «мужикам-дворянам» был присущ отдельный подтип дворянского поведенческого кода, который отражал их маргинальную сущность, что, собственно, отражалось на их повседневности.

Список литературы:

1. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянского обряда. СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
2. *Беловинский Л.В.* Жизнь русского обывателя: изба и хоромы. М.: Кучково поле, 2012. – 400 с.

---

⁴² Сборник российских пословиц, поговорок, примет и прочее. (Русско-народная философия / Сост. Мери-Хови (отшельник). СПб., 1882. С. 113.

⁴³ Сборник российских пословиц и поговорок / Сост. И.И. Иллюстров. Киев, 1904. С. 90.

⁴⁴ К воле. Крепостное право в народной поэзии / Сост. Н.Л. Бродский. М., 1911. С. 157.

⁴⁵ *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 6.

3. Беловинский Л.В. Культура повседневности. М.: Академический проект, 2016. – 716 с.
4. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904. М.: Наука, 1979. 303 с.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. – 548 с.
6. Миронов Г.Е. История государства Российского: историко-библиографические очерки. М.: Кн. палата, 1995. – 734 с.
7. Морозан В.В. Мелкопоместное дворянство центрально-земледельческого района России в XIX веке // Социально-культурные аспекты истории экономики России XIX–XX вв. СПб.: Исторический факультет Санкт-петербургского университета, 2012. С. 23–43. (Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 9).
8. О'Марра П. Русское дворянство времен Александра I. М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 520 с. (HistoriaRossica).
9. Охлябинин С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. М.: Молодая гвардия, 2006. – 347 с.
10. Erving Goffman The presentation of self in everyday life. University of Edinburgh. Social Sciences Research Centre, 1956. – 161 p.

Об авторе:

ШАПОВАЛОВ Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра российской истории и документоведения, Педагогический институт, НИУ «БелГУ» (Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85), e-mail: shapovalov@bsu.edu.ru

«MUZHIKI-LANDOWNERS» IN THE CONTEXT OF RUSSIAN EVERIDAYLIFE IN THE LATE NINETEENTH – EARLY TWEN- TIETH CENTURY

V.A. Shapovalov

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

The article examines the everyday life of representatives of the “bottom” of the Russian landed gentry. The authors highlight the results of the renunciation of the noble life and economic activities of squirelets. The visualization of the living space and appearance of the squirelets was difficult to visibly correlate with the image of a manorial estate. At the same time, part of the squirelets was characterized by class arrogance, which manifested itself in relation to its several serf souls. «Muzhiki-landowners» often worked on the land together with their peasants. There were many illiterate people among them. In essence, they were a marginal social group.

This was directly reflected in their behavioral code, which did not coincide with either the code of the upper strata of the nobility or the peasant one.

Keywords: *squirelets, «muzhiki-landowners», «punks», peasants, everyday life, leisure.*

About the author:

SHAPOVALOV Vladimir Anatolyevich – Doctor of History, Professor, Department of Russian History and Documentation, Pedagogical Institute, National Research University «BelSU» (Russia, 308015, Belgorod, Pobedy St., 85), e-mail: shapovalov@bsu.edu.ru

References:

- Bajburin A.K., *Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavyanskijobryadov*, SPb., Nauka, 1993. – 240 s.
- Belovinskij L.V., *Zhizn' russkogo obyvatelja: izba i horomy*, M., Kuchkovo pole, 2012. – 400 s.
- Belovinskij L.V., *Kul'tura povsednevnosti*, M., Akademicheskij proekt, 2016. – 716 s.
- Korelin A.P., *Dvoryanstvo v poreformennoj Rossii. 1861–1904*, M., Nauka, 1979. – 303 s.
- Mironov B.N., *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (HVIII – nach. XX v.). Genezis lichnosti, demokraticeskij sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva*, T. 1. SPb., Dmitrij Bulanin, 2003. – 548 s.
- Mironov G.E., *Istorija gosudarstva Rossijskogo: istoriko-bibliograficheskie ocherki*, M., Kn. palata, 1995. – 734 s.
- Morozan V.V., *Melkopomestnoe dvoryanstvo central'no-zemledel'cheskogo rajona Rossii v HIIH veke // Social'no-kul'turnye aspekty istorii ekonomiki Rossii HIIH-HKH vv.*, SPb., Istoricheskij fakul'tet Sankt-peterburgskogo universiteta, 2012, S. 23–43. (Trudy istoricheskogo fakul'teta SPbGU. T. 9).
- O'Marra P., *Russkoe dvoryanstvo vremeni Aleksandra I*, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. – 520 s. (HistoriaRossica).
- Ohlyabinin S.D., *Povsednevnaya zhizn' russkoj usad'by XIX veka*, M., Molodaya gvardiya, 2006. – 347 s.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.

АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 94(470.66)''04/14''+903.27

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.113–126

КРЕСТ КАК САКРАЛЬНЫЙ СИМВОЛ В ПЕТРОГЛИФИКЕ ЧЕЧНИ

Л.М. Ильясов

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук, г. Москва, Россия

В статье исследуется семантика креста в древней и средневековой петроглифике Чечни. Наиболее раннее изображение креста относится к эпохе мустье, семантика и функциональное значение его в древнейший период неизвестны. В неолитическую эпоху и позднее крест как сакральный символ использовался в различных композициях, связанных с культом солнца. На Кавказе крест появляется в эпоху ранней бронзы, а широкое распространение получает в эпоху поздней бронзы и раннего железа в культовых и бытовых материалах кобанской археологической культуры: на пинтадерах, керамике, в бронзовой пластике, в которой он связывается с солярно-астральными культами. Солнечный культ сохраняется на Северном Кавказе и в аланскую эпоху, и в период распространения христианства в регионе. Петроглифы на камнях средневековых сооружений отражают также христианский период в истории средневековой Чечни, который требует дополнительных исследований.

Ключевые слова: древняя и средневековая петроглифика Чечни, наскальное искусство Евразии, язычество, кобанская археологическая культура, культ солнца, христианство, крест, косой крест.

С самого начала археологического изучения Северного Кавказа внимание русских исследователей привлекло большое количество изображений крестов на камнях средневековых построек, на старинных украшениях, в орнаменте одежды и декоре оружия. Этот феномен учёные (археологи, этнографы, лингвисты) обычно связывали с бытованием здесь в далёком прошлом христианства, а поисками его следов в регионе во второй половине XIX в. занимались археологические экспедиции, возглавляемые П.С. Уваровой, А. Бобринским, Вс.Ф. Миллером, В.И. Долбежевым. Вс.Ф. Миллер считал христианскими любые начертания крестов на камнях средневековых жилых и боевых башен, а также различные крестообразные

фигуры, включая антропоморфные надмогильные стелы, нередко встречающиеся на позднесредневековых некрополях Чечни и Ингушетии¹.

Во второй половине XX в. интерес к средневековой петроглифике Северного Кавказа был связан с целенаправленным археологическим и этнографическим изучением края. В работах Е.И. Крупнова, В.И. Марковина, А.Н. Гольдштейна, В.П. Кобычева исследовались не только проблемы возникновения и расцвета средневекового народного зодчества, но и семантики петроглифов архитектурных сооружений, в том числе сакральной символики, включая крест и крестообразные рисунки.

Крест относится к древнейшим изображениям, которые появляются ещё в эпоху мустье, как об этом свидетельствуют рисунки на каменном диске из Тата (Венгрия)², на фрагменте нижней челюсти зверя из Вилена, на плитке известняка из мустьерского слоя Цонской пещеры в Грузии³. В верхнепалеолитической пещерной живописи изображения диких зверей нередко сопровождалось различными знаками с неясной семантикой, в том числе и крестами. Крест наряду со свастикой, кругом, точкой в круге встречается в наскальных рисунках Евразии (Сибири, Алтая, Кавказа, Центральной и Средней Азии) неолитической эпохи, в том числе и в ритуальных сценах охоты. Подобные композиции, по мнению исследователей, связаны с космогоническими представлениями древних людей и распространением среди них астрально-солярных культов⁴.

В эпоху бронзы, когда культ солнца занимает особое место в религиозно-мифологических представлениях людей, крест в сочетании с другими солярными символами появляется в наскальных рисунках в ритуальных сценах охоты и сельскохозяйственных занятий.

У носителей культуры поздней бронзы и раннего железа Северного Кавказа солярный культ был главным и сопровождался изображениями концентрических кругов, крестов, свастик и ромбов с вогнутыми сторонами, которые наносились на бронзовые и керамические изделия⁵.

Солярными символами в виде креста, круга, креста в круге украшены биконические корчаги из кобанского слоя Сержень-Юртовского поселения (Чечня), которые имеют аналогии в раннежелезных культурах Западной Европы. Узкогорлая корчага с шаровидным туловом из погребения VIII в. до н. э. из Пседахского могильника была декорирована нарезным узором из ромбов с крестами в центре. Культ солнца отражён не только в орнаменте керамических изделий, но и в декоре бронзовых предметов (украшений, оружия, воинского снаряжения). На многих бытовых и погребальных па-

---

¹ Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии // Материалы археологической комиссии. М., 1888. Вып. 1.

² Мириманов В.Б. Малая история искусств. Первобытное и традиционное искусство. М., 1973. С. 65.

³ Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985. С. 125.

⁴ Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

⁵ Виноградов В.Б., Дударев С.Л. Культовый зооморфный топорик-жезл из селения Мартан-Чу // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С. 27.

мятников кобанской культуры встречаются ажурные литые колесовидные привески с крестом в центре и крестовидные пуговицы⁶.

К числу ритуальных предметов, на которые наносились солярные символы (крест, свастика, ромб, спираль), относятся глиняные штампы – пинтадеры, которые были обнаружены во многих районах Чечни.

Находки из позднекобанского поселения в Дигорском ущелье Северной Осетии в виде двух глиняных пинтадер и двух каменных литейных форм для их отливки⁷ дают возможность предположить, что пинтадеры были распространены, если не на всей территории кобанской культурно-исторической общности, то, по крайней мере, в её восточной и западной перифериях. Исследователи отмечают культурную близость этих двух отдалённых друг от друга ареалов кобанской культурно-исторической общности, что отражается в сходстве признаков погребального обряда, керамики, стилистики украшений костюма, орнаментации на предметах⁸.

Учёные обратили внимание на сходство кобанских штампов с пинтадерами, широко бытовавшими на Древнем Востоке и в Юго-Восточной Европе. Глиняные и каменные штампы-пинтадеры появляются в энеолитическую эпоху и существуют в эпоху бронзы в культурах Древнего Востока в двух разновидностях (цилиндрическая и плоскодонная, штемпелевидная). В III тыс. до н. э. в Передней Азии преобладали цилиндрические печати, а в Малой Азии использовались только плоские, которые позднее также были заменены на цилиндрические. На Кавказе встречаются только глиняные штемпелевидные плоскодонные штампы, аналогичные малоазийским и раннекритским печатям, что подтверждается и сходством в орнаментике. Символика, нанесенная на древневосточные пинтадеры, представлена прежде всего крестами, свастиками, кругами, спиралями, отражающими солярные и астральные культы. Те же символы характерны и для кавказских штампов, что является дополнительным подтверждением древних культурных контактов Кавказа с Передней Азией и влияния древневосточных религий на мировоззрение его населения. Некоторые из этих символов существовали в качестве орнамента на керамических и бронзовых изделиях в куро-араксской и майкопской культурах Кавказа, но широкое распространение получили в северокавказской культуре средней бронзы, откуда были унаследованы носителями кобанской культуры⁹.

⁶ Козенкова В.И. Специфика духовного мира кобанских племен. М., 2017. С. 19–21.

⁷ Мошинский А.П. Кобанские пинтадеры V–IV в. до н. э. из поселения Сауар в горной Дигории // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения»: материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 234.

⁸ Козенкова В.И. Культурно – исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С. 67.

⁹ Даутова Р.А., Дударев С.Л., Власова Т.Н. К изучению материалов рубежа II–I – начала I тысячелетия до н. э. из плоскостной Чечено-Ингушетии // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1962. С. 62–79.

На сегодняшний день нет единого мнения по поводу функционального назначения этих предметов (одни считают, что ими наносились татуировки, другие – что они использовались для нанесения символов на ритуальные хлебцы или ткани и кожу), но их отношение к сфере культа признается всеми¹⁰.

Таким образом, в кобанской культуре поздней бронзы и раннего железа, которая во многом определила особенности культуры средневекового населения Северного Кавказа (можно сказать, что она была для неё субстратной), крест был широко представлен как сакральный символ и являлся отражением культа солнца.

Кроме того, с глубокой древности крест обозначал четыре стороны света. Ориентация в пространстве стала важной для древнего человека в период распространения астрально-солярных культов, когда большое значение приобрело расположение жилых и культовых построек по странам света. Земля воспринималась людьми как прямоугольник или квадрат, и в прямоугольной форме они видели основу её устойчивости. Поэтому в эпоху ранней бронзы они постепенно переходят от строительства овальных и круглых домов к прямоугольным, хотя построить последние было значительно сложнее. Небо же воспринималось древними и обозначалось как купол, в вертикальном срезе как полукруг, а в горизонтальном – круг. В связи с этим в солярной символике преобладают изображения точки в круге, креста в круге, круга в круге, которые олицетворяют солнце на небосклоне.

Крест в средневековой петроглифике Чечни, которая унаследовала религиозные и изобразительные традиции кобанской культуры, является одним из самых распространённых символов. В ней также широко представлены разные его вариации: крест в круге, крест с точками вокруг, крест в прямоугольнике, который является завершённой свастикой, так называемый «цветущий» крест с раздвоенными концами, крест в центре ромба.

В религиозно-мифологических представлениях средневековых чеченцев, как и у носителей кобанской культуры, преобладал культ солнца, что отразилось в сакральной символике, которая содержит большое количество солярных символов, в том числе крестов и крестообразных изображений.

Крест как солярный символ нередко выполнял сакрально-календарные функции, будучи отражением четырёх времен года, четырёх стихий. Особенно наглядно они проявляются в изображении креста с точками вокруг, нередко – в круге. Двенадцать точек (по три точки в каждой из четырёх частей креста) символизируют календарный год, девять точек – сельскохозяйственный, четыре точки – четыре времени года. Петроглифы с аграрной семантикой нередко в сакральной символике чеченцев, так как

---

¹⁰ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.; Мошинский, А.П. Кобанские пинтадеры V–IV в. до н.э. из поселения Сауар в горной Дигории // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения»: материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 234.

земледелие было их основным хозяйственным занятием как в горах, так и на равнине. Крест с девятью точками, обозначающий сельскохозяйственный год, выгравирован на арочном камне боевой башни некрополя Цой-Педе. Крест с четырьмя точками вокруг изображён на камне жилой башни в селении Хой. Его семантика может означать как четыре времени года, так и четыре месяца, во время которых люди активно занимались сельскохозяйственными работами. Такие композиции являются своеобразными молитвами к Высшим силам о богатом урожае.

Нередко на стенах средневековых сооружений Чечни встречается крест в круге, который с глубокой древности олицетворял солнце на небосводе. Крест в круге как солярный символ встречается на камнях средневековых архитектурных сооружений практически во всех районах горной Чечни – и в селении Хой на востоке, и в селении Цеча-Ахк на западе. В селении Хой на камнях жилой башни петроглиф в виде двух кругов с крестами в центре, поставленных друг на друга вертикально, с двумя трехпалыми руками, по всей видимости, изображает солнечное божество. Трёхпалость, по представлениям древних людей, считалась признаком божества не только в сакральной символике Чечни, но и в петроглифике Евразии.

Очень часто кресты являются обязательным элементом магических композиций, имитирующих сцены охоты, как, например, в селениях Ошни и Васеркел. По всей видимости, крест в таких случаях олицетворял молитву об удачной охоте. По мнению некоторых исследователей, изображение креста в сочетании с солярными знаками, спиралями и свастиками, растениями и животными выражают просьбы или молитвы об изобилии, урожайности и благополучии¹¹. Например, часто встречающаяся на камнях средневековых сооружений композиция, состоящая из креста и ладони, означает молитву о покровительстве Высших сил.

Композиции, состоящие из креста и волнистой линии, нашедшие отражение в петроглифике Чечни, означают мольбу, просьбу, обращённую к Высшим силам, о гармонии солнца и влаги, способной обеспечить хороший урожай. Словесные молитвы с подобным смыслом сохранились в фольклоре чеченцев и ингушей.

Нередко на камнях чеченских средневековых построек можно увидеть косой крест, иногда заключённый в прямоугольник или квадрат. Есть мнение, что он был первоначально символом Великой богини, который в более позднее время был переосмыслен как символ солнца¹². На чеченских средневековых постройках этот знак был оберегом, т. е. символизировал преграду, стоящую на пути тёмных сил, защищающую постройку и её обитателей. На некоторых петроглифах косой крест состоит из двух, трёх, четырёх линий, тем самым усиливая магическую силу. Петроглиф в виде косого креста встречается в селениях Хаскали, Харкарой, Колхада, Макажой.

¹¹ Атаев Д.М., Марковин В.И. Петроглифика горной Аварии // Институт истории, языка и литературы имени Г. Цадасы. Ученые записки. 1964. Том 14. С. 342–373.

¹² Голан А. Миф и символ. СПб., 1993.

Необходимо также отметить, что крест является обязательным элементом многих композиций и размещается в правом верхнем или правом нижнем углах (Талкали, Хаскали). По всей видимости, крест был в определённый период атрибутом Высшего божества (олицетворял небесную птицу) и означал просьбу о защите и покровительстве.

Согласно полевым материалам, при эпидемиях и стихийных бедствиях на арочных камнях входных и оконных проёмов жилых башен выбивали небольшие кресты, которые должны были защитить их обитателей от болезней и потрясений¹³.

С появлением христианской религии крест, прежде всего равнозначный крест, как наиболее почитаемый языческий символ получает широкое распространение среди последователей новой религии. Ортодоксальная церковь признает его только в IV в., и крест становится главным символом христианства¹⁴. Крест как христианский символ имеет более разнообразные варианты изображения: равноконечный крест, крест с расширяющимися концами, цветущий крест (крест с раздвоенными концами), ж-образный крест, т-образный крест, православный грузинский (Болнисский) крест. При этом цветущий крест встречается и в наскальных рисунках Гобустана, самые древние из которых относятся к мезолиту.

Первыми христианами почитался крест в форме буквы «Х», затем к нему присоединили первую букву имени Христа «І». Таким образом, возник Ж-образный крест. Позже, когда христиане стали почитать распятие, появился Т-образный крест. Оба эти креста нанесены на камни боевой башни некрополя Цой-Педе. В топонимике этих мест также сохранились следы бытования христианства и поклонение кресту. К югу от Цой-Педе находятся руины селения Джарие, название которого переводится как «Крестовое».

Христианство стало распространяться среди чеченцев с VIII в. н. э. как в горах, так и на равнине, оставляя глубокие следы в чеченской культуре. Христианская лексика сохранилась не только в топонимике, названиях дней недели и в религиозной атрибутике, но и проникла в исламскую терминологию. Названия *рая* и *ада* заимствованы чеченцами из грузинского языка, как и название *пятницы*, которое во всех мусульманских языках имеет название «*джума*».

Крест как христианский символ очень часто встречается на камнях жилых башен, как, например, в селениях Шикарой, Макажой. Христианскими крестами являются символы на боевой башне у некрополя Цой-Педе, которые В.И. Марковин принял за буквы русского алфавита «Ж» и «Т». Но на камнях боевой башни, верхняя дата строительства которой относится к XVII в., вряд ли подобное можно предположить¹⁵. Встречаются

¹³ Кобычев В.П. Язык есть нем // Советская этнография. 1973. №4. С. 150.

¹⁴ Голан А. Указ. соч. С. 97.

¹⁵ Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957–1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 184–242.

на средневековых постройках и равноконечные кресты с расширяющимися концами (византийско-сирийского типа), например, на камне мусульманской мечети в селении Макажой, перестроенной из средневековой жилой башни. Согласно полевым материалам, в христианскую эпоху эта башня использовалась как православная церковь. На восточной стене, которая была в то время фасадом, сохранилась христианская символика наряду с языческой, которая осталась от более древних времен.

Композиция, в которой сочетаются языческая сакральная символика (две свастики с закруглёнными концами, круг в круге) и христианский православный крест, сохранилась на камне жилой башни в селении Терхи, в окрестностях озера Галанчож.

Кроме того, каменные кресты использовались на территории Чечни и Ингушетии в качестве надмогильных стел. Например, христианским символом считалась антропоморфная стела у селения Нихалой¹⁶. Позднее среди исследователей началась дискуссия о конфессиональной принадлежности подобных стел, точку в которой поставили археологи: в большинстве случаев под ними были обнаружены мусульманские захоронения. Однако каменные кресты воздвигались на территории Чечни и вне могил (Гордали, Чехкаре), и в этом случае их принадлежность к христианству очевидна. Традиция воздвигать каменные кресты и поклоняться им имела широкое распространение в Хевсуретии, с населением которой у жителей Аргунского ущелья были прочные хозяйственные и культурные связи.

На стенах архитектурных сооружений Северного Кавказа XIV–XVII вв. изображения креста относятся как к язычеству, так и к христианству, а иногда носят синкретический характер, сочетая в себе и христианские, и языческие мотивы. Например, в молебнах, проходивших у святилища на горе Будур–Лам в Ингушетии жрец использовал три железных креста. Если он выносил и показывал людям все три креста, это было предвестием хорошего урожая, два – посредственного, один – провозвестником плохого¹⁷. В данном случае железные христианские кресты использовались как языческие культовые предметы, что связано с возвратом к язычеству, но уже с сильным христианским влиянием.

Крест в круге, который традиционно считается языческим солярным символом¹⁸, может иметь отношение и к христианству, как об этом свидетельствует рельефное изображение креста в круге на архитравной балке абхазского христианского храма в Лашкендаре¹⁹.

¹⁶ Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (Материалы к археологической карте). Грозный, 1966.

¹⁷ Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII–XVII). Грозный, 1977. С. 135.

¹⁸ Тменов В.Х. Зодчество Северной Осетии. Владикавказ, 1996. С. 241.

¹⁹ Сакания С.М. Малые церкви с ритуальными нишами в алтаре // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения»: материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 492.

По мнению В.И. Марковина, «семантика креста дуалистическо-синкретическая», и для того чтобы определить христианский характер креста, нужно учитывать факторы времени и пространства (дату изображения, близость от христианских центров), качество культурной среды²⁰. В этом отношении не вызывает сомнения христианское происхождение крестов на средневековых сооружениях в Юго-Восточной Чечне или в верховьях Аргуна, недалеко от границы с Грузией. Дополнительным подтверждением этому может быть распространение в горных районах Чечни средневекового грузинского письма «асомтаврули». Чеченские надписи, выполненные на нем, обнаружены в разных местах региона, включая Шаройскую котловину и Аргунское ущелье.

О бытовании христианства в Чечне говорится в приписке в Евангелии, написанной на грузинском языке и опубликованной М.Г. Джанашвили: «Когда блаженный патриарх наш Ефимий, обозревая свою паству, видел храмы в Антцухе, Цахуре, церковь народа Хундзи, народа нахче, Тушетии... то этот блаженный Ефимий приказал мне, архиепископу Курмуха и пастырю всех горных земель, Кириллу Донаури распорядиться перепиской евангелий и разослать для каждой церкви... В кроникон 530-й, месяца мая 14 числа в год от сотворения мира 6914-й»²¹. Описываемые в источнике события относятся к началу XV в. и свидетельствуют о том, что в этот период чеченцы (народ нахче) исповедовали христианство и имели на своей территории христианские церкви.

О существовании в горной Чечне христианских храмов писали путешественники, посещавшие её в XVIII в., но до нашего времени ни одно из этих сооружений не сохранилось. О развалинах церкви у горы Мизир-корт в Акки писал Н.К. Зейдлиц, ссылаясь на предания местных жителей о том, что здесь когда-то жили «фрэнги», европейцы, которые, по всей видимости, были христианскими миссионерами и были изгнаны горцами за неблагоприятные поступки²².

После возвращения части чеченцев и ингушей в XIII–XIV вв. к языческим верованиям христианские храмы стали использоваться как языческие святилища. Это приводит к деградации и упрощению архитектуры культовых сооружений. Большинство языческих святилищ, дошедших до нашего времени, представляют собой или примитивные христианские храмы с двускатной кровлей, или столпообразные святилища.

Согласно полевым материалам, христианство в Юго-Восточной Чечне было распространено еще в XVI в., а знаменитый предводитель че-

---

²⁰ Марковин В.И. К методике изучения смыслового содержания средневековых петроглифов Северного Кавказа // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа». Орджоникидзе, 1988. С. 114.

²¹ Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия народов Северного Кавказа. Москва, 1973.

²² Зейдлиц Н.К. Поездка в Чечню, к верховьям Аргуна, в Ичкерии и через Хасав-Юрт вверх по Тереку до Моздока // Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис, 1873. Том 2. С. 152.

ченцев Халч Саракаев был «керестаном», т. е. христианином. В верхней части каменной стелы, поставленной на месте его гибели, изображён грузинский (Болнисский) православный крест, а ниже нарисованы розетки²³, изображения которых мы встречаем на керамике и металлических изделиях бронзовой эпохи.

О надмогильной стеле Халча Саракаева упоминает и А.Е. Россикова: «На перекрестке дороги одиноко возвышается памятник из тесанного, а, может быть, сглаженного временем и непогодами камня, в форме креста, с изображением каких-то кругов с крестами в середине. Кресты свидетельствуют о христианском происхождении памятника, но к какому времени он относится, нет никаких указаний... Современные чеченцы-чаберлоевцы приписывают один из памятников какому-то храброму предводителю Хвалчи Тундухою, который хитростью с небольшим войском обратил в бегство громадные полчища неприятелей»²⁴.

Реликты христианства сохраняются и в оформлении раннемусульманских надмогильных стел – чуртов, на которые нередко наносятся крестообразные рисунки, и в их форме, напоминающей христианские каменные кресты²⁵.

Фольклорные источники и археологические материалы свидетельствуют о том, что смена религиозных представлений в чеченском обществе не произошла одномоментно, а происходила в течение длительного времени. Христиане, мусульмане и даже язычники нередко жили в одном селении, что подтверждается спецификой погребальной обрядности на кладбищах XV–XVII вв., которая носит смешанный, иногда синкретический характер. Полевые материалы говорят о том, что нередко даже члены одного рода могли относиться к разным конфессиям. Согласно преданию, легендарный правитель государства Сим-Сим князь Хоур-эла, павший в войне с Тамерланом в конце XIV в., был христианином, а его сын Мухаммед – мусульманином. Князь был похоронен на вершине горы, название которой сохранилось до нашего времени в виде «Эльжаар-корт – княжеского креста вершина».

Ислам начинает широко распространяться в Чечне к концу XVII в., что послужило причиной миграции части чеченцев, не пожелавших менять веру, на правобережье Терека, в казачьи станицы. Среди казаков были фамилии, которые до последнего времени помнили о своём происхождении и поддерживали родственные отношения с чеченцами.

Крест долгое время сохранял сакральное значение в Чечне и после её исламизации, но уже в XIX в. отношение к кресту у чеченцев становится негативным. Крест начинает восприниматься как чисто христианский сим-

²³ Марковин В.И. Архитектурные памятники чеченского исторического общества Чаберлой // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 119.

²⁴ Россикова А.Е. Путешествие по центральной части горной Чечни // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1896. Кн. 18. С. 170.

²⁵ Инуркаева М.И. Семантика декора чуртов как выражение религиозных представлений // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С. 88.

вол, хотя свастика, двойная спираль, триквестр и другие языческие и христианские символы сохраняют свой сакральный характер вплоть до 1944 г.

Таким образом, крест как сакральный символ (наряду с ладонью, спиралью и свастикой) был одним из самых распространённых в древней и средневековой петроглифике Чечни и был связан как с языческой религией (культу солнца), так и с христианством. Можно говорить о синкретическом характере символики креста в определённый период времени, когда в горных районах Чечни и Ингушетии происходит возврат к языческим верованиям, но с сильными христианскими наслоениями. В большинстве случаев крест встречается в композициях, нанесённых на камни средневековых построек, в сочетании с рукой, ладонью, реже со спиралью. Подобные композиции представляют собой молитвы, в которых люди просят Творца о защите, покровительстве, обильном урожае или удачной охоте. Семантика креста (обращение к Высшим силам) не меняется при переходе чеченцев от язычества к христианству.

Кроме того, археологические материалы, исторические источники и следы христианства в языке и традициях чеченцев свидетельствуют об укоренении христианства среди части чеченцев и бытовании его в течении длительного времени. Однако многие факты, связанные с христианством в регионе, не были достаточно глубоко исследованы. В советское время это было связано с активной атеистической позицией в идеологии и науке, а с начала XXI в. – с радикализацией ислама в Чечне и других районах Северного Кавказа. История христианства в средневековом чеченском обществе в силу ряда причин до сих пор не получила объективной оценки и, несомненно, требует дополнительного изучения, в том числе и в связи с новыми археологическими находками на территории Чечни.

Список литературы:

1. Атаев Д.М., Марковин В.И. Петроглифика горной Аварии // Институт истории, языка и литературы имени Г. Цадасы. Ученые записки. 1964. Т. 14. С. 342–373.
2. Виноградов В.Б., Дударев С.Л. Культовый зооморфный топорик-жест из селения Мартан-Чу // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С. 25–31.
3. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (Материалы к археологической карте. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1966. – 150 с.
4. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия народов Северного Кавказа. Москва: Наука, 1973. 208 с.
5. Голан А. Миф и символ. СПб: Русслит, 1993. – 375 с.
6. Даутова Р.А., Дударев С.Л., Власова Т.Н. К изучению материалов рубежа II-I - начала I тысячелетия до н. э. из плоскостной Чечено-Ингушетии / Р.А. Даутова, С.Л. Дударев, Т.Н. Власова Т.Н. // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1962. С. 62–79.

7. *Инуркаева М.И.* Семантика декора чуртов как выражение религиозных представлений // *Археология и вопросы атеизма*. Грозный, 1977. С. 87–91.
8. *Кобычев В.П.* Язык есть нем. // *Советская этнография*. 1973. № 4. С. 149–159.
9. *Козенкова В.И.* Специфика духовного мира кобанских племен. М., 2017. – 114 с.
10. *Козенкова В.И.* Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука, 2001. – 198 с.
11. *Козенкова В.И.* Культурно – исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. – 162 с.
12. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960. – 518 с.
13. *Марковин В.И.* Архитектурные памятники чеченского исторического общества Чаберлой // *Археологические памятники Чечено-Ингушетии*. Грозный, 1979. С. 93–124.
14. *Марковин В.И.* Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957–1965 гг.) // *Северный Кавказ в древности и в средние века*. М., 1980. С.184–242.
15. *Марковин В.И.* К методике изучения смыслового содержания средневековых петроглифов Северного Кавказа // *Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа*, Орджоникидзе, 1988. С. 102–123.
16. *Мириманов В.Б.* Малая история искусств. Первобытное и традиционное искусство. М.: Искусство, 1973. – 319 с.
17. *Мошинский А.П.* Кобанские пинтадеры V–IV в. до н.э. из поселения Сауар в горной Дигории // *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения»: материалы международной научной конференции*. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 234–236.
18. *Мужухоев М.Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII–XVII). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1977. – 179 с.
19. *Россикова А.Е.* Путешествие по центральной части горной Чечни // *Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества*. 1896. Кн. 18. С. 139–228.
20. *Сакания С.М.* Малые церкви с ритуальными нишами в алтаре // *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения»: материалы международной научной конференции*. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск, 2018. С. 491–492.
21. *Столяр А.Д.* Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. – 298 с.

22. Тменов В.Х. Зодчество Северной Осетии. Владикавказ: СОИГИ, 1996. – 440 с.
23. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. – 328 с.

Об авторе:

ИЛЬЯСОВ Леча Махмудович – кандидат филологических наук, докторант, отдел Кавказа, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32а), e-mail: lechailiasov@gmail.com, ORCID 0000-0002-8824-4303

THE CROSS AS A SACRED SYMBOL IN PETROGLYPHS OF CHECHNYA

L.M. Ilyasov

Institute of Ethnology and Anthropology RAS, *Moscow, Russia*

The article examines the semantics of the cross in ancient and medieval petroglyphs of Chechnya. The earliest depiction of a cross dates back to the Mousterian era, although its semantics and functional meaning in the ancient period are unknown. In the Neolithic era and later, the cross as a sacred symbol was used in various compositions associated with the cult of the sun. In the Caucasus, the cross appears in the Early Bronze Age, and becomes widespread in the Late Bronze and Early Iron Ages in cult and everyday materials of the Koban archaeological culture: on pintaders, ceramics, and bronze plastic. In Koban culture, the cross is associated with solar-astral cults. The solar cult was preserved in the North Caucasus even in the Alan era, which is confirmed by the finds of a large number of cult incense burners in Alan settlements and settlements. The cult of the sun prevails among the Alans even during the period of the spread of Christianity in the region, when the cross becomes popular as a sacred symbol of the new religion and images of the cross appear not only on religious buildings, in clothing patterns, on women's and men's jewelry, but also on the stones of residential and military towers, funeral steles.

Petroglyphs on the stones of medieval buildings also reflect the Christian period in the history of late medieval Chechnya, which has not been sufficiently studied and requires additional research.

Keywords: *ancient and medieval petroglyphs of Chechnya, rock art of Eurasia, paganism, Koban archaeological culture, sun cult, Christianity, cross, oblique cross.*

About the author:

ILYASOV Lecha Makhmudovich – Candidate of Philological Sciences, Doctoral Student of the Caucasus Department of the Institute of Eth-

nology and Anthropology RAS (Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospect, 32a), e-mail: lechailiasov@gmail.com, ORCID 0000-0002-8824-4303

References:

- Ataev D., Markovin V., *Petrografika gornoj Avarii*, Uchenye zapiski Instituta istorii, iazyka i literatury imeni G. Tsadasy, Makhachkala, Vol. XIV. 964. S. 342 – 373.
- Dautova R.A., Dudarev S.L., Vlasova T.N., *K izucheniyu materialov rubezha II-I – nachala I tysyacheletiya do n. e. iz ploskostnoj Checheno-Ingushetii*, Novye pamyatniki epohi bronzy v Checheno-Ingushetii, Groznyj, 1962, S. 62–79.
- Vinogradov V.B., Dudarev S.L., *Kul'tovyy zoomorfnyj toporik-zhezl iz seleniya Martan-Chu*, Arheologiya i voprosy ateizma, Groznyj, 1977, S. 25–31.
- Vinogradov V.B., Markovin V.I., *Arheologicheskie pamyatniki Checheno-Ingushskoj ASSR (Materialy k arheologicheskoy karte)*, Groznyj, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatelstvovo, 1966. – 150 s.
- Volkova N.G., *Etonimy i plemennye nazvaniia narodov Severnogo Kavkaza*, M., Nauka, 1973. – 208 s.
- Golan A., *Mif i simvol*, SPb., Russlit, 1993. – 375 s.
- Inurkaeva M.I., *Semantika dekora churtov kak vyrazhenie religioznykh predstavlenij*, Arheologiya i voprosy ateizma, Groznyj, 1977, S. 87–91.
- Kobychhev V.P., *Iazyk est'*, Sovetskaia etnografiia, 1973, № 4, S. 149–159.
- Kozenkova V.I., *Specifika duhovnogo mira kobanskih plemen*, M., Nauka, 2017. – 114 s.
- Kozenkova V.I., *Poselok-ubezhishche kobanskoj kul'tury u aula Serzhen'-Yurt v Chechne kak istoricheskij istochnik (Severnyj Kavkaz)*, M., Nauka, 2001. – 198 s.
- Kozenkova V.I., *Kul'turno – istoricheskie processy na Severnom Kavkaze v epohu pozdnej bronzy i v rannem zheleznom veke (Uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoj kul'tury)*, M., 1996. – 162 s.
- Markovin V.I., *Arkhitekturnye pamiatniki chechenskogo istoricheskogo obshchestva Chaberloi*, Arkheologicheskie pamiatniki Checheno-Ingushetii, Groznyj, 1979, S. 93–124.
- Markovin V.I., *Pamiatniki zodchestva v gornoj Chechne (po materialam issledovaniy 1957–1965 gg.)*, Severnyj Kavkaz v drevnosti i v srednie veka, M., Nauka, 1980, S. 184–271.
- Markovin V.I., *K metodike izucheniia smyslovogo sodержaniia srednevekovykh petroglifov Severnogo Kavkaza*, Metodika issledovaniia i interpretatsiia arkheologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza, Ordzhonikidze, 1988, S. 102–123.
- Mirimanov V.B., *Malaya istoriya iskusstv. Pervobytnoe i tradicionnoe iskusstvo*, M., Iskusstvo, 1973. – 319 s.
- Moshinskij A.P., *Kobanskije pintadery V–IV v. do n.e. iz poseleniya Sauar v gornoj Digorii*, Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazej Evrazii v drevnosti i srednevekov'e, XXX «Krupnovskie chteniya»: materialy mezhdunarodnoj

- nauchnoj konferencii, Karachaevsk, 22–29 aprelya 2018 g., Karachaevsk, 2018, S. 234–236.
- Muzhuhoev M.B., *Srednevekovaya material'naya kul'tura gornoj Ingushetii (XIII–XVII)*, Groznyj, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatelstvo, 1977. 179 s.
- Sakaniia S.M. *Malye tserkvi s ritual'nymi nishami v altare*, Kavkaz v sisteme kul'turnyh svyazej Evrazii v drevnosti i srednevekov'e, XXX «Krupnovskie chteniya»: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Karachaevsk, 22–29 aprelya 2018 g., Karachaevsk, 2018, S. 491–492.
- Stolyar A.D., *Proiskhozhdenie izobrazitel'nogo iskusstva*, M., Iskusstvo, 1985. – 298 s.
- Tmenov V.Kh., *Zodchestvo Severnoi Osetii*, Vladikavkaz, SOIGI, 1996. – 440 s.
- Sher Ya.A., *Petroglify Srednej i Central'noj Azii*, M., Nauka, 1980. – 328 s.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(470.331)''14/16''

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.127–137

МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В РЖЕВСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКОВ¹

В.О. Богданов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

Статья посвящена монастырям и монастырскому землевладению Ржевского уезда в XVI – первой половине XVII в. Основными источниками являются писцовые книги, актовые материалы и исторические описания XIX – начала XX вв. Выявлена информация о 9 монастырях, из их числа 3 находились на землях Новгородских приписей, а 4 крупных монастыря Новгорода и Москвы имели на территории Ржевского уезда обширные монастырские землевладения. Наиболее крупными являлись владения новгородской обители – Хутынского монастыря. Небольшое количество монастырей объясняется пограничным и периферийным положением по отношению к Новгороду и Москве. В основном монастыри Ржевского уезда возникают в XVI в. и располагаются на левом берегу р. Волги на сухопутных и водных путях.

Ключевые слова: *землевладения, монастырь, Ржевский уезд, писцовые книги, Новгород, Московское государство, деревня, пустошь.*

История монастырей, находившихся в XV–XVII вв. на территории Ржевского уезда, изучалась ещё в XIX в. Впервые данные о монастырях на территории уезда были приведены в трудах А.М. Ратшина² и П.М. Строева³. На основании данных этих авторов и дополнительных источников краткие справки о монастырях в Ржевском уезде были составлены В.В. Зверинским⁴. Наибольшее внимание исследователей было уделено

---

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Тверского государственного университета Е.В. Лагуткина.

² *Ратшин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852.

³ *Строев П.М.* Список иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.

⁴ *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. II; 1897. Т. III.

Нило-Столобенскому монастырю на оз. Селигер⁵. Монастырское землевладение в Ржевском уезде раннего Нового времени почти не изучалось. Лишь в работе В.П. Успенского приведены сведения о монастырском землевладении на территории Осташкова⁶.

Целью настоящего исследования является локализация и характеристика землевладения монастырей на территории Ржевского уезда в конце XV – первой половине XVII в.

Основными источниками исследования являются писцовые книги конца XV – первой половины XVII в. Одним из крупнейших по объёму, более 1300 листов, является писцовое описание Леонтия Скобельцина и Макара Чукарина 1624–1625 г.⁷, в котором дана характеристика территории Ржевского уезда на левом берегу реки Волги. Письменным источником, характеризующим территорию правобережья, является писцовая книга уезда Ржевы Володимеровой, составленная А.Е. Салтыковым в 1588–1589 гг.⁸ и сохранившаяся в виде приправочного списка. В данных писцовых книгах представлена следующая информация о поселениях: название, тип, количество дворов, размер пашни, качество земли и данные о её предыдущих хозяевах. Стоит отметить временную дистанцию в создании данных источников: между ними – события Смутного времени, сильно затронувшие Ржевский уезд. Отдельно стоит отметить переписную оброчную книгу Деревской пятины 1495 г.⁹ В ней фиксируются монастырские землевладения, расположенные в погостах, ранее относившихся к Новгородской земле, но позже приписанных к уезду Ржевы Володимеровой не позднее 1566–1568 гг.¹⁰ К сожалению, небольшое количество сохранившихся источников даёт мало информации о состоянии хозяйств монастырей в разные временные срезы. Однако имеется актовый материал, содержащий сведения об истории формирования монастырского землевладения в Ржевском уезде.

По данным писцовых книг и актов, в Ржевском уезде в промежутке с конца XV по первую половину XVII в. находились 9 монастырей. Их можно разделить на две группы. В первую группу монастырей входят появившиеся и находившиеся на территории уезда Ржевы Володимеровой Селижаровский, Пелагеинский, Николаевский Рожковский, Нило-Столобенский, Пят-

---

⁵ Успенский В.П. Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни, Тверской епархии Осташковского уезда. Тверь, 1902.

⁶ Успенский В.П. Записка о прошлом города Осташкова Тверской губернии. Тверь, 1893.

⁷ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. № 373.

⁸ Фролов А.А. Писцовая и приправочная книга 1588–1589 годов уезда Ржевы Володимеровой. М.; СПб., 2014.

⁹ Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею / Ред. Павел Савваитов. Т. 1. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 1 половина. СПб., 1859.

¹⁰ Фролов А.А. Новые материалы по средневековой исторической географии земель Ржевы Володимеровой // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Истоия. 2013. № 4. С. 84.

ницкий в Ветожетке, Воскресенский Ржевский монастыри. Во вторую группу входят монастыри, появившиеся и находившиеся на территории Новгородских земель, в XVI в приписанных к уезду Ржевы Володимировой: Стерженский, Спасский Березовецкий Городищенский, и Пречистенский на Каменке монастыри. Особую группу составляют монастыри, имевшие землевладения на территории Ржевского уезда, но находившиеся вне его: Хутынский, Иосифо-Волоцкий, Симонов и Троице-Сергиев) (см табл.):

Монастырское землевладение в уезде Ржева Володимирова

№	Монастырь	Характеристика землевладения		
		1498/99 г.	1588/89 г.	1624/25 г.
1	Селижаровский	—	—	1 слоб. (4 дв.), 1 сел. (4 дв.), 7 дер. (11 дв.), 61 пуст.
2	Пелагеинский	—	—	землевладений нет
3-4	Николаевский Рожковский (Симоновский)	—	—	1 слоб. (16 дв.), 2 дер. (7 дв.), 10 пуст.
5	Нило-Столбенский	-	—	остров Столбный
6	Пятницкий в Ветожетке	—	1 слоб. (8 четей, 20 копен сена, десятина пашенного леса)	—
7	Воскресенский Ржевский	—	—	—
8	Георгиевский	—	1 слоб. (25 четей, 70 копен сена, пол десятины пашенного леса)	—
9	Стерженский	—	—	—
10	Спасский Березовецкий Городищенский	—	—	—
11	Причистенский на Каменке	—	—	—
12	Хутынский	В Заборовском и Есиновичском погостах 73 дер. (147 дв.)	—	41 дер. (108 дв.), 77 пуст.
13	Иосифо-Волоцкий	—	—	1 слоб. (160 дв.)

Составлено по: *Фролов А.А.* Писцовая и приправочная книга 1588-1589 годов уезда Ржевы Володимировой. М.; СПб., 2014; Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею / Ред. Павел Савваитов. Т. 1. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 1 половина. СПб., 1859; Писцовая и межевая книга Ржевы Володимировы князь Федоровы стороны Борисовича писма и меры Леонтыя Скобельцына и подьячего Макара Чукарина. 1623–1625 гг. // РГА-ДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 833.

Наиболее ранние сведения о монастырской жизни непосредственно на территории уезда Ржевы Володимеровой, относящиеся к XV в., имеются о Николаевском Рожковском монастыре, который располагался на западном берегу озера Селигер, при впадении в озеро ручья Керегощский. История Никола-Рожка прочно связана с московским Симоновским монастырем. В XV в. слобода Рожок принадлежала ржевскому удельному князю Константину Дмитриевичу (сыну Дмитрия Донского). Константин незадолго до смерти в 1434 г. постригся в Симоновом монастыре. После его смерти его брат – великий князь Василий Дмитриевич – даровал Рожок с деревнями и озерами Симонову монастырю¹¹. Дополнительно из дворцовых владений он дал монастырю на оброк рыбные ловли во Вселуцкой и Кличанской волости¹². Очевидно, что основание монастырской жизни в Никола-Рожке связано с вхождением слободы в состав землевладения Симонова монастыря, и его можно отнести к XV в. Вероятно, монастырь в Никола-Рожке функционировал как приписной к Симонову. Косвенно он мог быть и оплотом великокняжеской власти в Ржевской земле. В 1499 г. волоцкий князь Федор Борисович жалует монастырю в Никола-Рожке окрестные земли¹³. Таким образом, на протяжении XV в. формировалось монастырское землевладение. Вероятно, этот процесс шёл до момента основания Ниловой пустыни выходцами из той же обители, но роковым стало Литовское разорение¹⁴. На момент писцового описания 1625 г. сам монастырь ещё существовал. При нём числилось 16 дворов. Владения Симонова монастыря состояли из двух деревень (7 дворов) и 10 пустошей. В общей сложности за монастырём числилось 100 четей средней по качеству земли¹⁵.

Основная масса монастырского землевладения располагалась на севере уезда в озерной области и на северо-востоке уезда. Данный факт объясняется пограничным в XV в. положением территории земель Ржевы Володимеровой между московскими, тверскими, новгородскими и литовскими землями. Постоянные пограничные конфликты пагубно влияли на экономическую базу монастырей в данном регионе¹⁶. Приграничное положение внесло коррективы в расстановку сельскохозяйственного и ремесленного производства, поэтому на правобережье р. Волги приходится очень небольшая доля монастырских владений. В писцовой книге 1588–1589 гг. упоминается Пятницкий женский монастырь в Ветожетке, расположенный на правом берегу р. Волги. Пятницкий монастырь был небольшой и имел 8

---

¹¹ Алексеев А.И. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова Монастыря // Вестник церковной истории №3. 2006. С. 18.

¹² Там же.

¹³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. 1334–1598. С. 158.

¹⁴ Галашевич А.А. Художественные памятники Селигерского края. М., 1983. С. 139–140.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 373.

¹⁶ Бассальго Л.А., Янин В.Л. Историко-географический обзор новгородсколитовской границы // Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 104.

четвертей пашни, 20 копен сена и большую площадь непашеного леса¹⁷. На том же берегу на юге вблизи Ржева до литовского разорения находился Воскресенский Ржевский монастырь¹⁸, однако он не упоминается в писцовой книге 1588–1589 гг.

Во второй половине XV в. в уезде возникают два территориально близких монастыря: Селижаровский и Пелагеинский. Пелагеина пустынь, женский монастырь, располагался на восточном берегу озера Селигер в селе Рогожа. Обитель была основана при волоцком князе Борисе Васильевиче. Каких-либо ощутимых землевладений монастырю в этот период не было пожаловано¹⁹. Бедность данной обители приводит к трагическим событиям – голодной смерти игуменьи Ираиды и других монахинь²⁰. В писцовой книге 1625 г. указано, что за этим монастырём нет вотчины, а доход обеспечивала жалованием «милостными деньгами великого князя Михаила Фёдоровича»²¹.

Южнее находился Селижаровский монастырь, хозяйство которого было более значительным. Данных письменных источников о времени основания монастыря нет. Первое упоминание о нём содержится в духовной грамоте волоцкого князя Ивана Борисовича (сына Бориса Васильевича), который в 1503 г. совершил вклад в монастырь в сорок два рубля²². Таким образом, можно отнести возникновение монастыря ко времени не позднее рубежа XV–XVI вв. Через три года его брат Фёдор сделал вклад «пятьдесят рублев с рублем да четвертью»²³. В 1600 г. Борис Годунов позволил служителям собирать пошлыны с проезжающих с товаром по мосту через Селижаровку²⁴.

Динамика прироста землевладений монастыря была следующая: в 1519 г. Василий III пожаловал монастырю деревню Хотошино с четырьмя другими деревнями, двумя пустошами, половину озера Волго и малое озеро Волосце в Езжинской волости Ржевского уезда²⁵. В 1625 г. Хотошино оставалась во владении монастыря, в ней находилось 5 дворов, числилось 100 четей земли. Также за обителью в это время числилось 7 деревень (11 дворов), 61 пустошь и монастырская слобода с четырьмя дворами²⁶. В период Смуты монастырь подвергся разорению. Соотношение деревень и пустошей

¹⁷ Фролов А.А. Писцовая и приправочная книга...

¹⁸ Материалы для истории Тверской епархии. Тверь, 1898. С. 30.

¹⁹ Галашевич А.А. Указ. соч. С. 73-74.

²⁰ Описание бывшего Рогожского Преображенского монастыря. Памятная книжка Тверской губернии на 1863 год. Тверь. 1863. С. 40.

²¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 373.

²² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 351.

²³ Там же. С. 407.

²⁴ Описание Троицкого Селижарова монастыря Тверской епархии. Тверь, 1915. С. 4–10.

²⁵ Там же.

²⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 373.

1:10 говорит о сильном экономическом ущербе. Однако Селижаровский монастырь сохранился и сохранил часть экономического потенциала.

На озере Селигер в Лещинской волости на острове Столобном располагался Нило-Столобенский монастырь. В писцовой книге 1625 г. владения монастыря ограничены островом, а «вотчины к тому монастырю нет ничего». В обители проживали игумен, три попа и семь старцев. Писцовое описание уточняет, что монастырь находился на вотчинной земле боярина Бориса Михайловича Лыкова. Впоследствии Б.М. Лыков передал монастырю свою вотчину²⁷. В списке грамоты царя Михаила Фёдоровича 1636 г. Нилова пустынь считается «монастырём отчины князя Лыкова»²⁸. В документах фиксируется получение из вотчинного села Кравотынь (11 дворов) и слободки Зольца (13 дворов) ружного хлеба. Также монастырю был отдан во владение остров Столбный и право на рыбную ловлю в Селигере²⁹.

К сожалению, по другим монастырям сведения гораздо более скромные. В работе А.К. Жизневского упоминается монастырь в погосте Пречисто-Каменка. О его землевладении сведений нет³⁰. В писцовом описании 1625 г. в данном населённом пункте монастыря нет, но на его месте оставался погост.

Благодаря новгородским писцовым материалам, особенно писцовому описанию Деревской пятины 1495 г., нам известно о состоянии монастырских хозяйств на территории бывших новгородских земель, приписанных после 1567 г. Ржевскому уезду. Это: Стерженский монастырь на западном берегу озера Стерж и Спасский Березовецкий Городищенский монастырь на северному берегу озера Селигер.

Спасский Березовецкий Городищенский мужской монастырь уже существовал в XV в. В это время Стерженская волость была вотчинным владением Аркажского монастыря³¹. Таким образом, Березовецкий монастырь, вероятно, являлся приписным к Аркажскому. В писцовой книге 1624–1625 гг. монастырь не упоминается. Сохранился лишь погост. Есть косвенные свидетельства существования Стерженского монастыря: на кладбище погоста находился надгробный камень с надписью о погребении инокa. В XVII в. рыбная ловля на озере Стерж принадлежала уже Троице-Сергиеву монастырю.

Помимо владений монастырей, непосредственно находившихся на территории Ржевского уезда в XV – начале XVII в., на этой территории сформировались владения обителей, находившихся за пределами уезда.

Крупное владение в Ржевском уезде в конце XV – первой половине XVII в. принадлежало Новгородскому Хутынскому монастырю. Мона-

²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 373.

²⁸ Рачинский А.В. Нилова пустынь в первые полутора лет существования. М., 1875. С. 2.

²⁹ Там же.

³⁰ Жизневский А.К. Село Причистая-Каменка, Новоторжского уезда // Древности. Том VI. Вып. 2. 1876. С. 110.

³¹ Материалы для истории Тверской епархии. Тверь, 1898. С. 97.

стырское землевладение располагалось в южной части Деревской пятины, после вхождения в состав Ржевского уезда – соответственно, на севере и северо-востоке уезда. После утраты Новгородом в 1478 г. независимости были конфискованы земельные владения новгородских духовных феодалов: новгородский владыка потерял 10 волостей, крупнейшие монастыри лишились почти половины земельных владений (в том числе Аркажский лишился земель), располагавшихся в том числе на территориях, позднее отошедших к Ржеве Володимеровой³². После проведенной переписи в 1499 г. произошла повторная секуляризация, при которой Хутынский, один из богатейших на северо-западе, и Щилов монастыри потеряли свои земельные владения³³. 1608 г. в Хутынском монастыре была введена архимандрития, что указывает на особое отношение с великими князьями: монастырь стал опорой московского влияния на северо-западе³⁴. Возможно, итогом этого стало возвращение монастырю части его бывших владений. Во всяком случае, в писцовой книге уезда Ржевы Володимеровой 1620-х гг. выявлены деревни Хутынского монастыря, территориально образовывавшие две области: на берегах северной части озера Селигер и в бассейнах рек Садва и Белая.

Сравнивая хозяйственно-экономические показатели землевладений с разницей в 100 лет, можно говорить о сокращении землевладения Хутынского монастыря. В конце XV в. в Заборовском и Есеновичском погостах за монастырем находились 73 деревни с 147 дворами³⁵. В 1625 г. здесь же числились 41 деревня (108 дворов) и 77 пустошей³⁶.

По причине природно-климатических особенностей Ржевского уезда монастыри, располагавшиеся на берегу Селигерских озер, получали прибыль в основном от рыбной ловли. Количественные данные о размере пашни показывают корреляцию между рыбной ловлей и землепашеством. К примеру, во владениях Хутынского монастыря в Ржевском уезде на берегу озера Селигер на 35 деревень и пустошей приходилось 450 четей земли, в среднем 12 четей на поселение. Владения того же монастыря восточнее, вдали от крупных рек и озер, составляли 2481 четей на 85 деревень и пустошей, в среднем 30 четей на поселение³⁷. У Нило-Столобенского монастыря вовсе не было крупных размеров пашни.

Небольшие владения в Ржевском уезде Иосифо-Волоцкого монастыря сформировали облик современного города Осташкова. На территории

³² Фролов А.А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М.; СПб., 2017. С. 184.

³³ Там же.

³⁴ Секретарь Л.А. Варлаамов Хутынский в честь Преображения господня женский монастырь // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. VI. С. 616.

³⁵ Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею / Ред. Павел Савваитов. Т. 1: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 г. 1 половина

³⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 373.

³⁷ Там же.

города в XV–XVI вв. располагались две слободы: Тимофеева и Евстафиева. В 1500 г. волоцким князем Федором Борисовичем монастырю была пожалована Тимофеева слобода, которая после сменила название на Иосифовскую. Аналогичная ситуация была и с Евстафиевой слободой. После передачи поселения митрополиту она стала называться Митрополичей³⁸. Когда в 1624–1625 гг. проводилось писцовое описание, оказалось, что в Осташковской слободе от литовского разорения запустело 15 церковных дворов и 238 крестьянских. Иосифовская слобода насчитывала 160 дворов. В патриаршей части было 112 дворов³⁹. Слободы располагались на мысу озера Селигер, и монастырское хозяйство было сосредоточено в основном на рыбной ловле. Этому есть подтверждение в писцовой книге Ивана Бутурлина 1556–1557 гг. о платеже государева оброка рыбой крестьянами Осташковской сободы Иосифова монастыря⁴⁰.

В целом монастырское землевладение в Ржевском уезде в XV – первой половине XVII в. было относительно крупным в сравнении с соседним Торопецким уездом и Тверской половиной Бежецкой пятины.

Хозяйственно-экономическое положение каждого монастыря уникально. Среди них есть мелкие и сравнительно крупные землевладельцы. В основном монастырские деревни располагались в непосредственной близости от самих местных монастырей. Землевладения складывались в результате пожалований великого князя и служилых людей, что было особенно важно в первые десятилетия их существования.

Большинство местных монастырей появились в Ржевском уезде в XVI в. Исключением являются монастыри, располагавшиеся на землях приписи из Новгородского уезда. Следует отметить, что некоторые монастыри возникают на местах выгодного географического положения – у водных путей и дорог. Таковы Селижаровский монастырь на переправе через р. Волгу, Пелагеинский на Волге и Нило-Столобенский на восточном берегу озера Селигер, располагавшиеся вблизи границы с Новгородской землёй. Водные ресурсы, прежде всего Волга, выступали не только как водные пути, но и как фактор специализации хозяйства на рыбной ловле.

Монастырское землевладение в Ржевском уезде было сосредоточено преимущественно на левом берегу р. Волги, в отдалении от литовской границы. Общее небольшое количество обителей можно объяснить пограничным положением региона и периферийным положением по отношению к Москве. Пограничные конфликты не способствовали монастырской жизни, однако уже в 1620-х гг. заметно её оживление. В сравнении с размерами поместного землевладения монастырское землевладение в Ржевском уезде было более крупным по числу деревень и населённых дворов. По-видимому, монастырское землевладение являлось местом притока крестьянского населения уже в первое десятилетие после Смуты.

³⁸ Историко-статистическое описание города Осташкова. Тверь, 1880. С. 7.

³⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 373.

⁴⁰ Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. 2 / под ред. А.А. Зимина. С. 266–267.

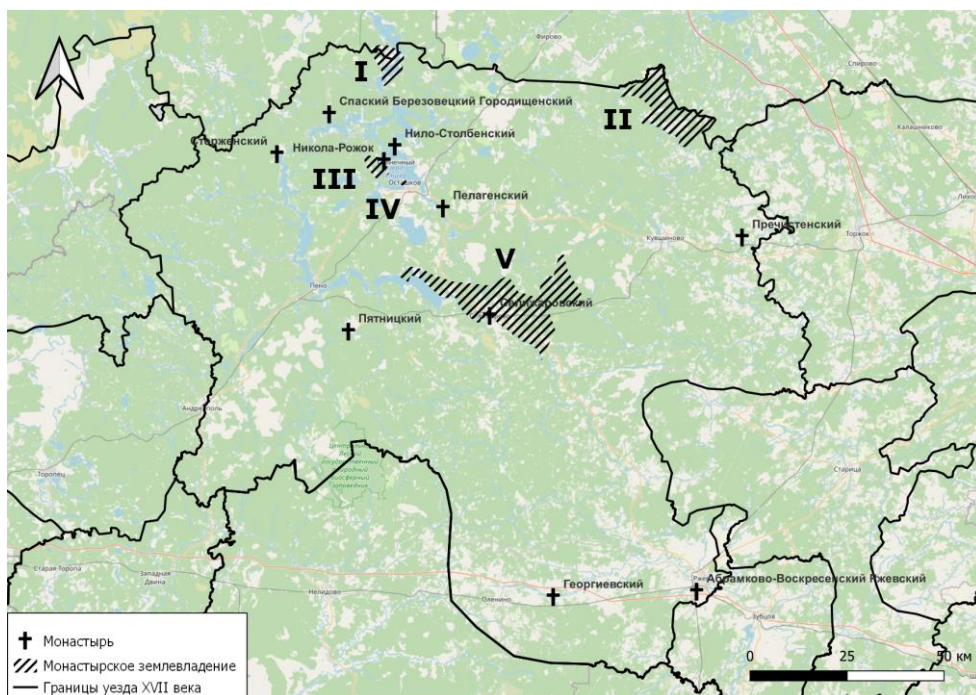

Рис. Карта монастырей и монастырского землевладения уезда Ржевы Володимеровы.

Монастыри: Селижаровский, Пелагеинский, Николаевский Рожковский, Нило-Столбенский, Пятницкий в Ветожетке, Абрамково-Воскресенский Ржевский, Стерженский, Спасский Березовецкий Городищенский, Пречистенский на Каменке, Георгиевский. Монастырские землевладения: I – Хутынского монастыря; II – Хутынского монастыря; III – Симонова монастыря; IV – Иосифа-Волоцкого монастыря; V – Селижаровского монастыря

Список литературы:

1. Алексеев А.И. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова Монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3.
2. Бассальго Л.А., Янин В.Л. Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.: Наука, 1998. – 215 с.
3. Галашевич А.А. Художественные памятники Селигерского края. М.: Искусство, 1983. – 192 с.
4. Секретарь Л.А. Варлаамиев Хутынский в честь Преображения господня женский монастырь // Православная энциклопедия. Москва: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2003. Т. VI.
5. Фролов А.А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М.; СПб., Альянс-Архео, 2017. 648 с.
6. Фролов А.А. Новые материалы по средневековой исторической географии земель Ржевы Володимеровой // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2013. № 4. С. 55–86.
7. Фролов А.А. Писцовая и приправочная книга 1588–1589 годов уезда Ржевы Володимеровой. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. – 486 с.

Об авторе:

БОГДАНОВ Владимир Олегович – аспирант, направление «Исторические науки и археология», Тверской государственный университет (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31), e-mail: bogdanoff.vowa2011@yandex.ru

MONASTIC LAND OWNERSHIP IN THE RZHEVSKY DISTRICT AT THE END OF THE XV – FIRST HALF OF THE XVII CENTURIES

V.O. Bogdanov

Tver State University, Tver, Russia

The article is devoted to monasteries and monastic land ownership of the Rzhev district in the XVI-first half of the XVII centuries. The main sources are scribal books, assembly materials and historical descriptions of the XIX – early XX centuries. Information was revealed about 9 monasteries, of which 3 were located on the lands of the Novgorod princes, and 4 large monasteries of Novgorod and Moscow had extensive monastic landholdings on the territory of the Rzhevsky District. The largest were the possessions of the Novgorod monastery – the Khutyn monastery. The small number of monasteries is explained by the borderline and peripheral position in relation to Novgorod and Moscow. Basically, the monasteries of the Rzhevsky district originated in the XVI century, and are located on the left bank of the Volga River on land and waterways.

Keywords: *landholdings, monastery, Rzhevsky district, scribal books, Novgorod, Moscow state, village, wasteland.*

About the author:

BOGDANOV Vladimir Olegovich – Post-Graduate Student of Tver State University, Direction «Historical sciences and archaeology» (Russia, 170100, Tver, st. Trekhsvyatskaya, 16/31), e-mail: bogdanoff.vowa2011@yandex.ru

References:

- Alekseev A.I., *Vkladnaya i kormovaya kniga Moskovskogo Simonova Monastyrja*, Vestnik cerkovnoj istorii, 2006, № 3.
- Bassalygo L.A., Yanin V.L., *Istoriko-geograficheskij obzor novgorodskolitovskoj granicy*, Yanin V.L., *Novgorod i Litva. Pogranichnye situacii XIII–XV vekov*, M., Nauka, 1998. – 215 s.
- Galashevich A.A., *Hudozhestvennye pamyatniki Seligerskogo kraja*, M., Iskustvo, 1983. – 192 s.

- Sekretar' L.A., *Varlamiev Hutynskij v chest' Preobrazheniya gospodnya zhenskij monastyr'*, Pravoslavnaya enciklopediya, M., CNC «Pravoslavnaya Enciklopediya», 2003, T. VI.
- Frolov A.A., *Novgorodskie piscovye knigi: istochniki i metody issledovaniya*, M., SPb., Al'yans-Arheo, 2017. – 648 s.
- Frolov A.A., *Novye materialy po srednevekovoj istoricheskoy geografii zemel' Rzhevy Volodimerovoj*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2013, № 4, S. 55–86.
- Frolov A.A., *Piscovaya i pripravochnaya kniga 1588–1589 godov uezda Rzhevy Volodimerovoj*, M., SPb., Al'yans-Arheo, 2014. – 486 s.

Статья поступила в редакцию 24.10.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.

УДК 94(470.331)''13/16''

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.138–146

СЕЛО МЕДНА НОВОТОРЖСКОГО УЕЗДА В КОНТЕКСТЕ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ В XIV–XVII ВЕКАХ ¹

Н.Д. Менделеев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье представлена история села Медна (современное название – Медное) Новоторжского уезда – крупного торгово-ремесленного центра на пути из Москвы в Новгород – в контексте поземельной организации средневековья. Данное село являлось маркером Новгородско-Тверского рубежа с XIV в. На протяжении XIV–XVII вв. его владельческая принадлежность менялась неоднократно: оно возникло как вотчинное владение рода новгородских посадников, затем длительно принадлежало Троице-Сергиеву монастырю. Выявлен эпизод конфискации села у монастыря во второй половине XVI в., но позднее оно вернулось во владение монастыря. Исследование проводилось на основе письменных источников по истории села Медна периода средневековья, которые представлены грамотами, писцовыми описаниями, выписями, записками иностранных путешественников. Автор приходит к выводу о том, что село Медна отражает процесс развития поземельных отношений в XIV–XVII вв.

Ключевые слова: писцовые книги, Новоторжский уезд, Медна, Новгородская земля, историческая география, грамота, село, землевладение, монастырь.

Микрорегион, в котором располагается село Медна (Калининский район Тверской области), является важным в историко-географическом отношении. Река Тверца в эпоху Средневековья являлась важнейшим участком пути между Новгородом и Москвой. Она использовалась как дорога для перевозки различных грузов и в зимнее время. Впервые Медное упоминается в 1340 г. в берестяной грамоте как вотчина государственного деятеля и реформатора боярской Новгородской республики Онцифора Лукинича².

Работ по истории географического региона крайне мало. Наиболее обстоятельными являются социально-экономические исследования

---

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Тверского госуниверситета Е.В. Лагуткина.

² Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 152.

С.Б. Веселовского³, С.В. Бахрушина⁴ и М.Н. Тихомирова⁵ рассматривали Медну как крупный торгово-ремесленный пункт, превосходивший по численности населения многие городские посады.

Через село Медна проходила важнейшая сухопутная дорога, связывавшая Новгород и Москву. Иностранные путешественники, в частности С. Герберштейн, Я. Стрейс, А. Мейерберг, Н. Витсен, проезжавшие через село Медна в XVI–XVII вв., путешествуя до Торжка или Выдропужска по сухопутной дороге, пересаживались затем на лодки и по Тверце и через Медну следовали в Тверь⁶. «Новоторжский путь», связывавший Новгород с верхней Волгой, использовался с рубежа XI–XII вв. как основная хлебная магистраль. Через Медну в XVI–XVII вв. проезжали иностранные путешественники С. Герберштейн, А. Олеарий, Я. Стрейс (Олеарий и Стрейс называют Медну «Троицкой Медной» – Troitzka Miedna)⁷.

Микрорегион села Медна был освоен в домонгольский период. Об этом свидетельствуют селища со слоями XI–XIII вв., расположенные в округе села. Археологически зафиксированы также поселения со слоями XIV–XVII вв.⁸

Письменные источники по истории села Медна периода средневековья представлены грамотами, писцовыми описаниями, выписями, записками иностранных путешественников⁹.

В конце XIV – начале XV вв. село Медна принадлежало новгородскому посаднику Юрию Онцыфоровичу. Юрий Онцыфорович – представитель знатного новгородского боярского рода, праправнук посадника Юрия Мишинича, сын посадника Онцыфора Лукинича. Впервые он упоминается в летописях в 1376 г. Юрий Онцыфорович пользовался почетом и доверием новгородцев. Является участником похода против шведов в 1411 г., в 1414 г. был послом Новгорода к великому князю литовскому Витовту. Юрий Онцыфорович является адресатом нескольких берестяных грамот конца XIV – начала XV вв., найденных в Неревском конце Новгорода (гра-

³ *Веселовский С.Б.* Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 92–94.

⁴ *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1952. Т. I. С. 109–110.

⁵ *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 187–189.

⁶ *Малыгин П.Д.* Торжок в составе Новгородских земель (конец I тыс. н. э. – конец XV в.); автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 14; *Кобозев Ю.А.* Сухопутные дороги Тверских земель по письменным источникам XV – XVII вв. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1999. Вып. 3. С. 184–199.

⁷ *Ян Стрейс.* Три путешествия. М., 1935. С. 151.

⁸ Археологическая карта России. Тверская область. М., 2003. Ч. 1. С. 230.

⁹ *Рысенкова Е.В., Степанова Ю.В.* Источники по истории феодального землевладения и хозяйства Новоторжского уезда XV–XVII вв. // Исторические исследования в образовательном пространстве Тверского региона: Матер. межвузовской научной конференции молодых ученых исторического факультета Тверского государственного университета, 20 апреля 2017 г. / сост., ред. Т.Г. Леонтьева (отв. ред.), А.В. Винник, Ю.В. Степанова. Тверь, 2017. Вып. 3. С. 18–25.

моты № 370, 446, 167, 362, 94, 273, 97). Предположительно, Медна была во владении Онцыфора Лукинича ещё в 1340–1360-х гг., т. к. сохранились указания на новоторжские владения посадника в новгородской берестяной грамоте № 358¹⁰.

Вероятно, между 1376 и 1389 гг. село было продано Юрием Онцыфоровичем боярину Михаилу Федоровичу Крюку-Фоминскому и его сыну Ивану Михайловичу¹¹.

Возможно, село было передано новыми владельцами под патронат Троице-Сергиева монастыря, что обеспечивало Михаилу Федоровичу и Ивану Михайловичу защиту со стороны монастыря и широкие права.

К моменту передачи в монастырь в селе Медна имелось значительное боярское хозяйство. Дача села Медны в Троице-Сергиев монастырь была вскоре утверждена жалованной грамотой великого князя Василия Васильевича, в которой он сослался на предшествующие грамоты своего деда Дмитрия Донского и своего отца Василия Дмитриевича. Дмитрий Донской выдал Троице-Сергиеву монастырю грамоту на село Медну, т. к. был заинтересован в его поддержке в пограничном с Новгородом районе¹². В конце XIV в. Торжок приобрёл большое значение для Московского княжества в борьбе с Тверью¹³.

В 1430 г. село Медна стало вкладом в Троице-Сергиев монастырь Ивана Михайловича Крюкова-Фоминского¹⁴. В грамотах перечисляются 16 деревень, тяготевших к селу Медна и также являвшихся владениями Троице-Сергиева монастыря: Дуброва, Залужье, Исконница, Климятино, Красилниково, Машутино, Напругово, Оксиньино, Олексино, Олехово, Павлово, Попок, Раменье, Речица, Рыскуново. Деревня Речица была рубежной с Тверским уездом¹⁵.

В XVI–XVII вв. село Медна относилось к Дмитровской волости Новоторжского уезда. В первой половине XVI в. село стало крупным центром ремесла и торговли на пространстве между Новгородом и Москвой. Жалованной грамотой Ивана IV от 16 декабря 1539 г., направленной городовым

¹⁰ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 550.

¹¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1. С. 26. № 2.

¹² Корецкий В.И. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю (Из истории монастырского землевладения XIV–XVI вв.) // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1959. Вып. 21.

¹³ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 154; Малыгин П.Д. Древний Торжок (Историко-археологические очерки). Калинин, 1990. С. 36–37.

¹⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1. С. 63–64. № 70, 71.

¹⁵ Кутаков С.С., Степанова Ю.В. Тверской уезд в XVI веке по данным писцовых описаний: опыт создания геоинформационной системы // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». М., 2013. № 40. С. 115–120; Кутаков С.С., Степанова Ю.В. Границы и административное деление Тверского уезда в XVI веке // Историческая география. М., 2016. Т. 3. С. 280–317.

приказчикам Торжка, в Новоторжском уезде разрешалось производить торговлю только на посаде города Торжка и в селе Медна Троице-Сергиева монастыря¹⁶.

В 1541 г. Троицкий монастырь получил губную грамоту на села Медна и Кунганово в Новоторжском уезде¹⁷. Сохранилась также сотная грамота с писцовой книги Новоторжского уезда письма Ивана Федоровича Сурмина 1544 г.¹⁸

В XVI в. Медна было крупнейшим селом посадского типа¹⁹. Согласно сотной 1544 г., в селе находились Никольская церковь, монастырский двор, двор священника и 14 келий «на монастыре», 80 дворов, из которых лишь 16 были крестьянскими, остальные являлись дворами непашенного населения – ремесленников. Основными ремесленными специальностями в Медном в это время были сапожное и портновское дело. В селе числилось 9 дворов сапожников, 8 дворов портных, 1 двор овчинника. Имелись также 4 двора калачников, 4 хлебников, 3 кузнецов, 1 плотника, 1 скомороха. К селу тяготели деревни Машутино, Олехово, Оксиньино, пустоши Кокошкино и Полянка.

По писцовой книге 1594 г. в селе Медна числилось 5 дворов духовенства, 23 крестьянских двора и 76 непашенных дворов, в которых числилось 7 портных мастеров, 4 сапожников, 2 кузнеца, 1 овчинник, 1 лапотник, 1 скоморох, 3 калачника, 2 мясника, 1 селедник, 1 солодовник, 1 пивовар, 2 рыболова, 2 торговцев солью. В селе было 30 лавок, в которых торговали хлебом, калачами, мясом и «всяким мелким товаром». В лавках торговали жители как самого села – «меденцы», так и окрестных деревень.

В первой половине XVI в. Медна, по-видимому, была конфискована у Троице-Сергиева монастыря. Сохранилась грамота 1552 г. о пожаловании Василию Ляпунову, Курбатовича Шишкину волости Медна в кормление, «что было дано за выезд деду отца ево»²⁰. М.С. Черкасова указала на конфискации троицких земель в 1570–1580-х гг. В это время отбирались, как правило, живущие земли, пускаемые в поместную раздачу, а затем они же возвращались в виде пустошей для последующего восстановления. Однако текст кормленной грамоты свидетельствует о более раннем факте перехода. Более того, конфискация произошла раньше 1552 г., т. к. в грамоте указан предыдущий кормленщик – Ондрей Багриков. В научной литературе

¹⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. академии наук. СПб., 1836. Т. I. С. 165–166. № 188.

¹⁷ Тверские акты, изданные Тверской ученой архивной комиссией под редакцией Сергея Шумакова. Акты 1506–1647 гг. Тверь, 1896. Вып. 1. С. 13.

¹⁸ Рубцов М. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV–XVI вв. Старица, 1905. Вып. II. № 6. С. 17–21.

¹⁹ Сорина Х.Д., Урбан Ю.Н. Из истории Верхневолжья: курс лекций. Тверь, 2004; Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII века (по архиву Троице-Сергиевой Лавры): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Вологда, 2001.

²⁰ Юшков А.И. Акты XIII–XVII вв., представленные в разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. Ч. 1. С. 142.

есть предположение, что данный акт фальсифицирован²¹. Однако сходные случаи перехода троицких селений к другим землевладельцам и обратно известны. Такова судьба троицкого села Присеки, деревень Аркатово и Икорниково в Бежецком Верхе, которые минимум дважды переходили монастырю²². В конце XVI в. Медна вновь находилась во владении Троице-Сергиева монастыря. Вопрос о конфискации Медны накануне отмены системы кормлений требует дальнейшего изучения, как и в целом условия земельных пожалований монастырям в XV–XVI вв.

По свидетельству Я. Стрейса, в Медном путешественники закупали свежую рыбу, яйца, масло²³. Известен рисунок из альбома Августина Мейерберга 1661–1662 гг., изображающий село Медна с Никольской церковью и пристанью²⁴.

В Смутное время село пострадало от разорения в результате походов и боевых действий различных группировок. Наиболее активные действия в районе села Медна проводились в 1609–1610 гг. в период борьбы русского войска под предводительством М.В. Скопина-Шуйского совместно со шведским войском Я. Делагарди против приверженцев Лжедмитрия II.

После Смутного времени в первой половине XVII в. село имело значительно меньшие размеры в сравнении с XVI в. По данным писцовой книги Новоторжского уезда 1626 г., в селе находилась деревянная церковь Николая Чудотворца с приделом св. Сергия Радонежского. В селе проживали поп Матвей Федосеев, дьяк Мишка Родионов, пономарь Дмитрейко Юрьев, просвирица Ульяница Гаврилова, находился монастырский двор. Насчитывалось 10 крестьянских дворов, 4 непашенных двора, в селе в общей сложности проживало 37 человек мужского пола²⁵. Вместе с селом в землевладение Троицкого монастыря входили деревни Речица и Оксиньино, пустоши Олехово, Матюшино, Гуглицова Нива, Овсяниково, Онцыфорово, Схолова, Кудрино.

В середине – второй половине XVII в. в селе жили каменщики, кирпичники, плотники. Роспись лучшим плотникам села содержится в документах Валдайского Иверского монастыря: Филатка Трофимов, Ивашка Родионов, Сидорка Алексеев, Пантелейко Игнатьев, Кудинка Иванов, Оска Алексеев.

---

²¹ Антонов А.В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 154. № 168.

²² Фролов А.А. «Новый» хозяйственный документ XV в. из архива Троице-Сергиева монастыря: датировка и атрибуция // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 4. С. 1098.

²³ Ян Стрейс Три путешествия. М., 1935. С. 151.

²⁴ Альбом Мейерберга. Вид и бытовые картины России XVII века. М., 1903. Л. 13.

²⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. № 801.

В 1650-х гг. села Медна и Кунганово были отданы в порядке обмена патриарху Никону, а затем Валдайскому Иверскому монастырю²⁶. В это же время Иверский монастырь купил село Выдропужск с близкими деревнями. В 1654 г. монастырские власти начали в Медне строительство деревянного моста, для чего было заготовлено «лесу четыресаженного 1700» (то есть 1700 бревен длиной 4 сажени). Из Медны в монастырские житницы поставлялся пятинный хлеб (налог, введенный во время русско-польской войны 1654–1667 гг.). Медновские крестьяне возили в монастырь бутовый камень. В 1658 г. кирпичники и плотники из Медны участвовали в строительных работах в Валдайском Иверском монастыре. В 1657 г. в Медне был построен большой двор для проезда царя и патриарха из Москвы в Иверский монастырь.

Несмотря на смену принадлежности и строительные работы в 1650-х гг. село переживало кризис, о котором свидетельствуют грамоты Иверского монастыря: «иные людишка сами скудны, а иные вымерли».

В 1667 г. после низложения патриарха Никона Медна с окрестными деревнями вновь перешло к Троице-Сергиеву монастырю и оставалось в его владении до секуляризационной реформы Екатерины II 1764 г. В начале XIX в. село Медна относилось ведомству ямской канцелярии. По данным ревизии 1711 г., в это время в нем проживали 620 человек мужского пола²⁷.

В XVII в. село представляло из себя ремесленный центр на пути из Торжка в Новгород, т. к. практически половина его дворов принадлежала ремесленникам.

Таким образом, история села Медна отражает процесс развития земельных отношений в XIV–XVII вв. Локализация землевладения с центром в селе Медна маркирует новгородско-тверской рубеж, восходящий к XIII–XIV вв. Село в силу положения на крупнейшем транзитном пути стало крупным торгово-ремесленным центром. В значительной степени население Медны было связано с обслуживанием Большой Московской дороги и нужд путешественников. Однако крупный торг и часть ремесленников, несомненно, были ориентированы и на население села и его округи, а также выполняли монастырские заказы. По размерам Медна XVI–XVII вв. сопоставима не только с крупнейшими селами соседнего Тверского уезда – Лотошино, Кушалино, Единоново, Княж Владимирово Городище, – но и с Микулиным и Городней на Волге, которые в XVI в. являлись городами²⁸.

²⁶ Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), собранные о. Архимандритом Леонидом // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 5. СПб., 1878.

²⁷ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 502, ч. 1.

²⁸ Кутаков С.С. Села в Тверском уезде XVI–XVII веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2019. № 3(51). С. 88–97.

Список литературы:

1. Антонов А.В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3.
2. Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. I.
3. Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936.
4. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Корецкий В.И. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю (Из истории монастырского землевладения XIV–XVI вв.) // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1959. Вып. 21.
6. Кутаков С.С. Сёла в Тверском уезде XVI–XVII веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2019. № 3(51). С. 88–97.
7. Кутаков С.С., Степанова Ю.В. Тверской уезд в XVI веке по данным писцовых описаний: опыт создания геоинформационной системы // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». М., 2013. № 40. С. 115–120.
8. Кутаков С.С., Степанова Ю.В. Границы и административное деление Тверского уезда в XVI веке // Историческая география. Том 3. М.: Аквилон, ИВИ РАН, 2016. С. 280–317.
9. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. С. 154.
10. Малыгин П.Д. Древний Торжок (Историко-археологические очерки). Калинин, 1990. С. 36–37.
11. Малыгин П.Д. Торжок в составе Новгородских земель (конец I тыс. н. э. – конец XV в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
12. Кобозев Ю.А. Сухопутные дороги Тверских земель по письменным источникам XV – XVII вв. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1999. Вып. 3. С. 184–199.
13. Рысенкова Е.В., Степанова Ю.В. Источники по истории феодального землевладения и хозяйства Новоторжского уезда XV–XVII вв. // Исторические исследования в образовательном пространстве Тверского региона: Матер. Межвузовской научной конференции молодых ученых исторического факультета Тверского государственного университета, 20 апреля 2017 г. / сост., ред. Т.Г. Леонтьева (отв. ред.), А.В. Винник, Ю.В. Степанова. Тверь, 2017. Вып. 3. С. 18–25.
14. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962.
15. Фролов А.А. «Новый» хозяйственный документ XV в. из архива Троице-Сергиева монастыря: датировка и атрибуция // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 4. С. 1093–1106.

16. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М.: Высшая школа, 1977.

Об авторе:

МЕНДЕЛЕЕВ Никита Дмитриевич – аспирант, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31), e-mail: mendelev17@yandex.ru

**THE VILLAGE OF MEDNA FROM NOVOTORZHISKY UYEZD
IN THE CONTEXT OF LAND RELATIONS IN NOVGOROD
LAND IN THE 14TH – 16TH CENTURIES**

N.D. Mendelev

Tver State University, Tver, Russia

The article is devoted to the village of Medna (modern name Mednoye) in Novotorzhsky uyezd as a major trade and craft center on the road from Moscow to Novgorod in the context of the history of land organization. This village was a marker of the Novgorod–Tver frontier since the XIV century. During the XIV–XVII centuries the ownership of this village changed several times. The village appeared as a fiefdom of the Novgorod Posadniks' family. The longest belonging of Medna was to the Trinity-Sergius Monastery. An episode of confiscation of the village from the monastery in the second half of the 16th century was revealed, but later the village for unknown reasons returned to the ownership of the monastery.

Keywords: *census books, Novotorzhsky uyezd, Medna, Novgorod land, Novgorod, historical geography, charter, village, possession.*

About the author:

MENDELEEV Nikita Dmitrievich – Postgraduate Student, the Department of Russian History, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31) e-mail: mendelev17@yandex.ru

References

- Antonov A.V., *Iz istorii velikoknyazheskoj kancelarii: kormlenny`e gramoty` XV – sere diny` XVI veka*, Russkij diplomatarij, M., 1998, Vy`p. 3.
Baxrushin S.V., *Nauchny`e trudy`*, M., Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. T. I.
Cherkasova M.S. *Krupnaya feodal`naya votchina v Rossii koncza XVI – XVII veka (po arxivu Troice-Sergievoj lavry`)*. Diss... dokt. ist. nauk. Vologda, 2001. S. 94.
Frolov A.A., «Novyj» *hozyajstvennyj dokument XV v. iz arhiva Troice–Sergieva monastyrya: datirovka i atribuciya*, Quaestio Rossica, 2017, T. 5, № 4, S. 1093–1106.

- Koreczkij V.I., *Pravaya gramota ot 30 noyabrya 1618 g. Troice-Sergievu monasty`ru (Iz istorii monasty`rskogo zemlevladieniya XIV–XVI vv.)*, Zapiski otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki SSSR im V.I. Lenina, M., 1959, Vyp. 21.
- Kuchkin V.A., *Formirovanie gosudarstvennoj territorii Severo-Vostochnoj Rusi v X – XIV vv.*, M., 1984.
- Kutakov S.S., *Syola v Tverskom uezde XVI–XVII vekov*, Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya», 2019, № 3(51), S. 88–97.
- Kutakov S.S., Stepanova Yu.V., *Granicy i administrativnoe delenie Tverskogo uezda v XVI veke*, Istoricheskaya geografiya, M., Akvilon, IVI RAN, 2016, T. 3, S. 280–317.
- Kutakov S.S., Stepanova Yu.V., *Tverskoj uezd v XVI veke po dannym pischovy`x opisaniy: opyt sozdaniya geoinformacionnoj sistemy*, Informacionny`j byulleten` associacii «Istoriya i komp`yuter», M., 2013, № 40, S. 115–120.
- Maly`gin P.D., *Drevnij Torzhok (Istoriko-arxeologicheskie ocherki)*, Kalinin, 1990.
- Kobozev Yu.A., *Suxoputny`e dorogi Tverskix zemel` po pis`menny`m istochnikam XV – XVII vv.*, Tver`, Tverskaya zemlya i sopredel`ny`e territorii v e`poxu srednevekov`ya, Tver`, 1999, Vyp. 3, S. 184–199.
- Rysenkova E.V., Stepanova Yu.V., *Istochniki po istorii feodal`nogo zemlevladieniya i xozyajstva Novotorzhskogo uezda XV–XVII vv.*, Istoricheskie issledovaniya v obrazovatel`nom prostranstve Tverskogo regiona, Materialy Mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii molodyx uchenyx istoricheskogo fakul`teta Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, 20 aprelya 2017 g., sost., red. T.G. Leont`eva (otv. red.), A.V. Vinnik, Yu.V. Stepanova, Tver`, 2017, Vyp. 3, C. 18–25.
- Tixomirov M.N., *Rossiya v XVI stoletii*, M., 1962.
- Veselovskij S.B., *Selo i derevnya v severo-vostochnoj Rusi XIV–XVI vv.*, M., L., 1936.
- Yanin V.L., *Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya*, M., 1977.
- Zaliznyak A.A., *Drevnenovgorodskij dialect*, M., 2004.

Статья поступила в редакцию 22.10.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.

УДК 94(540)(=21)''18''

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.147–154

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МАГИИ И КОЛДОВСТВЕ У НАРОДОВ ИНДИИ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОБЗОРАХ Е.П. БЛАВАТСКОЙ¹

О.А. Менделеева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье предпринят анализ представлений о сущности магии и магических практик у народов Индии в этнографических работах Е.П. Блаватской, выявленных в ходе экспедиций в Индию в конце XIX в. Характеристика изучаемой концепции основана на раскрытии ключевых понятий, таких как источники магических сил, формы магических практик и их назначение. Е.П. Блаватская выделила заклинания, заговоры и наговоры как основные компоненты магических практик, различаемых по цели использования и структуре. Концепции исследовательницы, выраженные в нескольких трудах, построены на твердой этнографической аргументации. Автор приходит к выводу, что для Е.П. Блаватской магия не была продуктом сверхъестественных сил, а являлась следствием накопления практических знаний и психологического влияния на население.

Ключевые слова: *Е.П. Блаватская, магия, магические практики, Индия, религия, наука, племена.*

Исследователь Е.П. Блаватская известна многим как выдающаяся мыслительница, основательница Теософического общества и одна из самых авантюрных представительниц дворянского сословия Российской империи XIX в. Её теософские работы хорошо известны миру, однако сквозь размышления об истине прослеживается логичный, но не очевидный факт: свои исследования она строила на этнографическом материале, полученном в ходе путешествий по Востоку. Общение с местным населением, сбор различных историй и наблюдение за повседневной жизнью были залогом для развития её размышлений. Так как особое внимание в работах уделялось религии и философии, невозможно было не затронуть близкую категорию культуры – магию. Поэтому в данном исследовании предпринимается попытка выявить представления Е.П. Блаватской о сущности магии у

---

¹ Научный руководитель – заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета, докт.ист. наук, доцент А.В. Белова.

народов Востока, а также представить этнографические материалы её путешествий, демонстрирующие её проявления.

Проблема сущности и проявлений магии имеет долгую традицию исследования в этнографической и антропологической науке. Магия как категория является выражением мировоззренческих установок людей и обществ, которая определяла их отношения с природой, являлась необходимой частью выживания и стратегией поведения в стрессовых ситуациях. Вследствие этого уже в период формирования исторической науки эта тема занимала особое место в изучении первобытных народов и племен аборигенов. В зарубежной историографии социальные и культурологические функции магии были описаны в фундаментальных трудах английских антропологов Э.Б. Тайлора², Дж.Дж. Фрэзера³, Б. Малиновского⁴, французского этнолога и социолога К. Леви-Стросса⁵ и др.

Обширное этнографическое исследование коллектива авторов «Народы Южной Азии»⁶ при описании разнообразия религиозных течений в Индии с древнейших времен до второй половины XX в. не затронуло темы магии или её пережитков, что было характерно для этнографической науки в советский период с концентрацией внимания на кастовой системе общества или религиозного разнообразия региона, однако выделяются работы крупного советского и российского востоковеда Л.В. Шапошниковой⁷, которая повторила маршрут Е.П. Блаватской и смогла описать малоизвестные племена Индии, собрав значительный этнографический материал, описывающий в том числе и магические практики.

В обширном исследовании доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН И.С. Рыжаковой внимание уделяется знахарству и колдовству как отдельной категории культурного пространства современной Индии, что указывает на актуальность темы исследования в нынешнее время⁸.

В ранних трудах, «Письма из пещер и дебрей Индостана»⁹ и «Загадочные племена на Голубых озерах»¹⁰, носящих чисто этнографический характер, Е.П. Блаватская описывала проявления магических практик, которые она наблюдала лично или получала о них сведения от свидетелей в ходе путешествия по Британской Индии.

² Тайлор Э. Первобытная культура. М., 2021.

³ Фрэзер Дж.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 2020.

⁴ Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 2015.

⁵ Леви-Стросс К. Глава IX. Колдун и его магия // Структурная антропология. С.147-164.

⁶ Народы Южной Азии / отв. ред. С.П. Толстого. М., 1963.

⁷ Шапошникова Л.В. По Южной Индии. М., 1962; *Её же*. Тайна племени голубых гор. М., 1969.

⁸ Рыжакова С.И. Северная Бенгалия: этнический профиль и этнографическая картина восточно-пригималайских областей Индии. М.; СПб., 2022.

⁹ Блаватская Е.П. Письма из пещер и дебрей Индостана. М., 2008.

¹⁰ Блаватская Е.П. Загадочные племена на Голубых озерах. М., 1994.

В более поздних трудах, классически воспринимаемых как теософские, значительное внимание уделяется проблеме магии и колдовства. В «Разоблаченной Изиде» автор указывала на необходимость изучения упомянутых явлений для понимания сущности науки. Там же автор указывала на сущность данного феномена: магия происходит из физического и духовного состояния человека, поэтому не имеет ничего общего со сверхъестественными силами¹¹. Таким образом, следует отметить именно этнографический базис этой концепции, а также близкое знакомство автора с древними индийскими трактатами¹², которые на момент её путешествия и написания трудов имели влияние на повседневную и религиозную сторону жизни местного населения.

С.А. Токарев определяет магию как совокупность обрядов, связанных с верой в способность человека сверхъестественным путем воздействовать на людей, животных, явления природы, а также на воображаемых духов и богов, органическую часть всякой религии¹³.

Посетив столицу Нилгирийского округа, город Утакамаду, Е.П. Блаватская приступила к изучению местных племен. Главной их этнографической особенностью стало применение магических практик, по свидетельствам многих местных жителей, к числу которых относились индийцы и европейские поселенцы. От исследователей и жителей, не принадлежащим к тодам, эти практики скрывались¹⁴. Такая скрытность, вероятно, объясняется ролью магических практик в жизни народа. Е.П. Блаватская отмечала, что религия тогда является основополагающим фактором организации их повседневной жизни, начиная от демографической ситуации и заканчивая экономической деятельностью. Поэтому многие магические практики были связаны именно с этим культом¹⁵. Однако несколько магических практик все же стали известны благодаря личным наблюдениям Е.П. Блаватской и опросу свидетелей.

В основе многих религиозных и магических практик лежало общение «избранных» с буйволами. Только часть племени (неженатые взрослые мужчины-старейшины) имели право разговаривать с ними¹⁶. Что оно представляло по содержанию, не представляется возможным узнать, так как происходило на языке тода, который не был известен иностранцам и даже многим представителям племени (то есть женщинам и женатым мужчинам). Внешнюю сторону этого общения Е.П. Блаватская наблюдала сама, многое из увиденного совпадало с услышанными ранее свидетельствами в Утакамаду. В процессе этого общения буйвол «слушал и понимал»¹⁷. Один из тода таким способом спас Е.П. Блаватскую от нападения вожака стада.

¹¹ Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. М., 2013.

¹² Там же. С. 51, 54, 59; *Ее же*. Письма из пещер. С. 134, 136.

¹³ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.

¹⁴ Блаватская Е.П. Загадочные племена. С. 14–19.

¹⁵ Там же. С. 87.

¹⁶ Там же. С. 27–29.

¹⁷ Блаватская Е.П. Загадочные племена. С. 42–43.

Обращение к животному должно было быть почтительным, сопровождаться поклоном. Слова произносились на ухо животному, слова были не слышны третьим лицам. Таким образом старейшина исключал вероятность посвящения в тайну этого общения третьих лиц. Действие было очень схоже по внешним признакам с заговорами. По определению Л.В.Беловинского, заговор определяется как действие, направленное на приостановку деятельности благодетельных или вредных сил природы или другого человека с целью нанести вред или, напротив, принести пользу¹⁸. То есть они скорее близки к заклинаниям. Взаимодействие же тогда с буйволами носило характер диалога с божеством.

Однако заговоры также присутствовали в культуре тогда. Е.П. Блаватская указывает, что лечебные магические практики, которые демонстрировали жители племени, мало чем отличались от русского знахарства, она видела в этом универсальность культурно-исторического процесса. Заговоры несли в себе отпечаток «белой магии»: они происходили из добра и света, как характеризовали это старейшины племени, поэтому не могли исцелять людей, грешивших в течение жизни, особенно если это касалось употребления алкоголя¹⁹.

Стоит отметить, что для двух описанных племён Е.П. Блаватская употребляла два разных понятия: магия и колдовство. Колдовство, согласно народным представлениям, являлось способностью человека причинить вред или снять его. Последнее неизменно происходило из первого, но при условии использовании магии в корыстных целях и отхода от обычаев при совершении магической практики. Курумбы являлись противоположностью тогда, воплощением «черной магии» или колдовства. Им свойственно было применение гипноза, по свидетельствам жителей Утакамаду, в корыстных целях. Как правило, их магические практики были направлены на людей с целью причинения вреда²⁰. Этот же взгляд еще раньше она отразила в «Письмах из пещер и дебрей Индостана», указывая на отношение населения к разным течениям индуизма. Как правило, секты, которые совершали ритуалы жертвоприношений, например, шиваисты, оценивались негативно, а их действия попадали в категорию «колдовства»²¹. На этом примере чётко прослеживается принадлежность исследовательницы к традициям донучного знания. Собирая этнографический материал и фиксируя его, Е.П. Блаватская перенимала воззрения изучаемых сообществ и включала этот материал в свою теософскую концепцию.

Чаще члены племени применяли наговор. Курумб обычно появлялся перед человеком, «обидевшим» его, и указывал на количество дней до момента его смерти. Несколько представителей колониального общества стали жертвами подобных инцидентов. Люди постепенно умирали, хотя фи-

¹⁸ Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории XVIII – начало XX в. М., 2003. С.241.

¹⁹ Блаватская Е.П. Загадочные племена. С. 60–64.

²⁰ Там же. С. 89–101.

²¹ Блаватская Е.П. Письма из пещер. С. 75–76.

зически были здоровы. Е.П. Блаватская отмечала скорее эмоциональные и психические ухудшения: возникновение галлюцинаций, апатии и тревожности²². Исходя из этого, исследовательницей был сделан вывод о научной природе «магии» на Голубых горах, которая имела в основе психологическое убеждение в совокупности со способностями, которые еще не были открыты наукой о человеке. Подобное утверждение о психологической природе магии высказал К. Леви-Стросс, видевший в основе данного явления социально-психологическое воздействие шамана на индивида²³. Об этом говорит и сама процедура наговора: курумб обязательно появлялся перед человеком, обидевшим его, смотрел четко в глаза, использовал фразы с сильной эмоциональной окраской. После этого жертва оказывалась как бы в социально изменённом пространстве: окружающие постоянно поднимали тему смерти, выискивали признаки ухудшения здоровья. Местные жители изначально настраивались на неотвратимость смерти, переставили есть и пить, а их состояние постепенно ухудшалось²⁴.

Таким образом, смерть могла наступать скорее не по причине магического воздействия, а из-за нейрофизиологических процессов в организме человека.

Также стоит отметить, что, исходя из представленных свидетельств в работах Е.П. Блаватской, магические практики были повсеместно распространены именно в племенах, у которых социальная дифференциация в меньшей степени проявлялась в кастовом делении. В центральных и южных районах магические практики осуществляли лишь представители касты факиров. Однако их «магические практики» использовались для заработка или развлечения толпы²⁵, а род занятий был обусловлен социальной структурой. Вследствие этого магия и магические практики имели корни в общественных и материальных условиях жизни населения. В большинстве регионов Британской Индии жизнь в городах или деревнях, приверженность к одной из распространенных религий (индуизму или исламу) и кастовая система «обезопасили» человека, дали ему ожидаемый образец поведения. Его борьба за выживание стала менее очевидной, и, соответственно, стремление подчинить природные силы потеряло свою актуальность. С другой стороны, племена тогда и курумбов проживали в малоизученных районах Нильгирийских гор, они соседствовали с дикими животными, по большей части жили в обществе с присваивающим хозяйством. Их выживание было центральной проблемой развития общества. Об этом также косвенно свидетельствует небольшая численность населения в их поселках.

Подводя итог, следует сказать, что значительная часть магических практик данных племен так и осталась неизвестной для Е.П. Блаватской, так как образ жизни этих общин был закрытым, а рассуждения о природе магии и веры имели неординарный, специфический характер. Зачастую это

²² Блаватская Е.П. Загадочные племена. С. 66–73.

²³ Леви-Стросс К. Указ. соч. С.151–158.

²⁴ Блаватская Е.П. Загадочные племена. С. 66–73.

²⁵ Блаватская Е.П. Письма из пещер. С. 75–76.

приводило к двоякому толкованию со стороны исследовательницы или возведению ментального барьера между автором и объектом исследования. Однако описанные практики указывают на существование магических действий, характерных для племён ранней родовой общины. Применение магических практик, как правило, было связано с решением повседневных насущных задач. Магические практики не стремились подчинить природу, в основе веры в магические способности членов племени лежали идеи об их божественном происхождении, дарованном высшими божествами. Они не противодействовали божественной воле, наоборот, являлись её воплощением. Эта концепция близка к мнению А.М. Токарева, который обозначал, что существование магии и религии невозможно друг без друга²⁶. То есть следует говорить о развитии у тогда и курумбов примитивной религии, еще тесно связанной с магическими практиками, на что указывает и Е.П. Блаватская.

Описывая проявления магии в других частях, нередко также автор упоминала логичность магии и её связь с системой знаний из разных наук. Так, указывалось, что многие индийские правители не раз обращались к «священным людям», которые воспринимались населением как «маги». К сожалению, помимо этого названия, других наименований автор не дает. Однако логично будет предположить, что они относились к одной из каст брахманов, исходя из указаний на просьбы о «молитвах», а также на сам факт поклонения правителей этим людям²⁷, что указывает на их принадлежность именно к высшей касте. Ещё одно доказательство в пользу такого рассуждения находится в самих познаниях указанных «магов»: они хорошо были знакомы со свойствами растений и минералов и анатомией человека, что подразумевает необходимость в получении специального образования, которое в индийских реалиях Нового времени могли получить только брахманы или кшатрии. В данном случае магия и наука фактически сближаются, и для Е.П. Блаватской эти понятия являются синонимичными. То же она услышала от одного из своих спутников, выходца из местного населения, который так отзывался о музыке: «У нас все наши легенды приписывают магическое влияние музыке, как дару и науке, прямо ниспосланным на землю богами»²⁸. Как не парадоксально, но в этой фразе смешиваются три понятия, хорошо известные европейским исследователям того времени, но мало совместимые согласно известным теориям – магия, наука и религия. Вследствие этого выделяется ещё одно подтверждение того, что магия понимается в концепции Е.П. Блаватской как система знаний, основанная на практическом опыте.

Взгляды Е.П. Блаватской на сущность магии формировались из её тесного взаимодействия с местным населением. При этом её понимание сущности явления включало представления об объясняемой природе ма-

---

²⁶ Токарев С.А. Указ. соч.

²⁷ Блаватская Е.П. Письма из пещер. С. 58–63.

²⁸ Там же. С. 108.

гии. Источником скорее стало не западноевропейское рациональное представление об отсутствии сверхъестественных необъяснимых сил, а индийская культурная парадигма, которая представляла изучаемые явления как науку. Многие проявления магии, по мнению Е.П. Блаватской, имели в основе психические основания человека, поэтому их нельзя считать «псевдонаучными», а природу – непознаваемой. В своей сути исследуемая концепция близка к идеям Б. Малиновского, рассматривавшего магию как социальный механизм, который был тесно связан с общественными структурами и обуславливал собой тип мотивации поведения людей. Таким образом, Е.П. Блаватская уже во второй половине XIX в. ввела уникальную концепцию понимания магии как культурного феномена, которое позже было показано и в других концепциях авторов более позднего времени.

Список литературы:

1. *Рыжакова С.И.* Северная Бенгалия: этнический профиль и этнографическая картина восточно-пригималайских областей Индии. М.; СПб.: Нестор-История, 2022.
2. *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990.
3. *Шапошникова Л.В.* По Южной Индии. М.: Издательство Восточной литературы, 1962.
4. *Шапошникова Л.В.* Тайна племени голубых гор. М.: Наука, 1969.
5. *Леви-Стросс К.* Глава IX. Колдун и его магия // Структурная антропология. М.: Наука, 1985. С.147-164.
6. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М.: Академический проект, 2015.
7. *Тайлор Э.* Первобытная культура. М.: Директ-Медиа, 2021.
8. *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Азбука-Аттикус, 2020.

Об авторе:

МЕНДЕЛЕЕВА Ольга Андреевна – аспирант, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31), e-mail: sadikova1998@list.ru

THE ESSENCE AND MANIFESTATION OF MAGIC AND MITHCRAFT IN THE ETHNOGRAPIC WORKS OF E.P. BLAVATSKAYA

O. A. Mendeleeva

Tver State University, Tver, Russia

The article presents the analysis of ideas about the essence of magic and magical practices among the peoples of India in the ethnographic works of E.P. Blavatskaya, revealed during expeditions to India in the late XIX century. The characterization of the studied concept is based on the disclosure of key concepts such as the sources of magical forces, forms of magical practices and their purpose. E.P. Blavatsky singled out spells, incantations and incantations as the main components of magical practices, distinguished by the purpose of use and structure. Constructed concepts of the researcher, expressed in several works, are built on solid ethnographic argumentation. The author concludes that for H.P. Blavatsky magic was not a product of supernatural forces, but was a consequence of the accumulation of practical knowledge and psychological influence on the population.

Keywords: *E.P. Blavatskaya, magic, magical practices, India, religion, science, tribes.*

About the author:

MENDELEEVA Olga Andreevna – Postgraduate Student, Department of General History, Tver State University (Russia, 170100, Tver, 16/31 Trekhsviatskaya St., Tver), e-mail: sadikova1998@list.ru

References:

- Ryzhakova S.I., *North Bengal: Ethnic Profile and Ethnographic Picture of the Eastern Prigimalayan Regions of India*, M., St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2022.
- Tokarev S.A., *Early forms of religion*, M., Politizdat, 1990.
- Shaposhnikova L.V., *Po South India*, M., Izdatelstvo Vostochnaya Literatura, 1962.
- Shaposhnikova L.V., *Mystery of the tribe of blue mountains*, M., Nauka, 1969.
- Lévi-Strauss K., *Chapter IX. The Sorcerer and His Magic*, *Structural Anthropology*, M., Nauka, 1985. C. 147–164.
- Malinovsky B., *Magic, Science and Religion*, M., Academic Project, 2015.
- Tylor E., *Primitive culture.*, M., Direct Media, 2021.
- Fraser D.D., *The Golden Bough. The study of magic and religion*, M., Azbuka-Atticus, 2020.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(470.331)”12/14”

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.155–161

ТВЕРСКОЙ ФЕОДОРОВСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ: К ВОПРОСУ О КТИТОРАХ И ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ

Г.С. Гадалова

Тверской областной общественный фонд культуры,
г. Тверь, Россия

Статья посвящена одному из древнейших монастырей г. Твери, основанному в устье реки Тьмаки при впадении в Волгу. Большинство исследований относится к периоду возведения каменного храма Феодоровского монастыря в 1323 г. при игумене Иване Царегородце и дальнейшей судьбе обители, а также к созданию в монастыре греческого устава Фомой Сирианом в 1317 г. Вопрос о ктиторах обители в науке не ставился. Впервые в статье на основании летописных данных и родословных книг выдвинута гипотеза о причастности к строительству Феодоровского мужского монастыря потомков боярина Феодора Черниговского.

Ключевые слова: *Тверь, Тверское княжество, Тверской Феодоровский монастырь (Федоровский монастырь), боярин Феодор Черниговский, XIII–XV вв., ктиторы, бояре, тверские князья, летописи, родословные книги.*

По сообщению тверских летописцев, каменный храм Феодоровского мужского монастыря во имя свв. Феодора Тирона и Феодора Стратилата был заложен в 1323 г.¹ в Твери при епископе Варсонофии (1315–1328) и князе Дмитрии Михайловиче Тверском (1318–1326).

По мнению исследователей, к созданию церкви имел отношение некий Феодор, казнённый в Волжской Булгарии, которая с 1220–1240-х гг. входила в состав Золотой Орды. В Никоновской летописи оба события – казнь христианина в «болгарех» и строительство церкви в Твери – следуют друг за другом², ср.: «Того же лѣта в Болгарехъ, иже на Волзѣ и Камѣ, замучиша нѣкоего христианина Иерусалимлянина, гостя суща много богатъ-

¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 15. М., 2000. Стб. 414; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922 (репринт: М., 2000). Стб. 42 (6831 г.).

² Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 2. М., 1962. С. 145; Салимов А.М. Средневековое зодчество Твери и прилегающих земель. Тверь, 2015. Т. 1. С. 153–159.

ства имущее и много философии изучена именемъ Феодора; и прѣшеса съ ними о вѣрѣ, они же окаании не стерпѣша своего поруганиа, замучиша его за православную вѣру христьянскую, мѣсяца Апрѣля 21 день. Того же лѣта совершена бысть и свѣщенна церковь камена во Твери во имя святаго Феодора, юже соверши и украси игумень нѣкий, именемъ Иванъ Царегородецъ»³. С точки зрения Е.Л. Конявской, «мученическая смерть Федора, которого знали в Твери, могла повлиять на решение поставить каменную церковь тезоименитых святых»⁴.

О создании и ктиторах деревянной Федоровской церкви сведений нет. Подтверждением тому, что монастырь существовал до каменной постройки храма, является известие, что «здесь в 1317 г. был написан хранящийся в Ватиканской библиотеке греческий устав, который “Фома Сирианин писал в пределах России в городе, называемом Тверь, в монастыре святых великомучеников Федора Тирона и Федора Стратилата”»⁵.

Возможно, купец Феодор Иерусалимлянин имел какое-то отношение к тверскому монастырю, но вряд ли он был основателем обители.

Между тем в Договорной грамоте 1316 г. о мире князя Михаила Тверского с Новгородом наряду с «Елферием Жидьславичем» упоминается боярин «Федоръ Юрьевичъ»⁶, который, по версии А.В. Кузьмина, мог быть сыном новгородского боярина Юрия Михайловича, тестя Ярослава Ярославича⁷. Если эта версия верна, то можно утверждать, что в помощниках княгини Ксении в воспитании княжича Михаила был её родной брат Фёдор, который мог иметь отношение к Федоровскому монастырю в Твери по дате рождения или крещения, например, в феврале (как известно, память Феодора Тирона – 17 февраля, а Феодора Стратилата – 8 февраля). Если род боярина Федора Юрьевича имел отношение к Великому Новгороду, где в 1292–1294 гг. была сооружена на месте «поруганного» древнего храма церковь св. Федора⁸, то он, конечно, мог воздвигнуть в Твери деревянный храм в память о своих родных и своем покровителе. Однако данная версия уязвима, поскольку кто точно скрывается за именем «Федоръ Юрьевичъ», неизвестно.

Следует отметить, что среди тверских бояр был Борис Федорович Половой – сын Феодора Черниговского, сложившего голову вместе с князем Михаилом Всеволодовичем Черниговским за веру христианскую в Ор-

³ ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885. С. 188–189 (6831 г.).

⁴ Конявская Е.Л. Тверской Феодоровский монастырь в XIV–XV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2024 (в печати). Благодарю Е.Л. Конявскую за предоставленный материал.

⁵ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. С. 145. См. также: Красносельцев Н. Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885. С. 22–23.

⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949. С. 23, № 11.

⁷ Кузьмин А.В. На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 257.

⁸ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 327–328 (6800, 6802 гг.).

де 20 сентября 1246 г.⁹ Согласно родословным книгам, Борис Половой прибыл из Чернигова на службу в Тверь¹⁰. По мнению В.С. Борзаковского, он пришёл к Владимирскому, Новгородскому и Тверскому князю Ярославу Ярославичу¹¹. Историк не поясняет, прибыл ли боярский сын Борис Федорович к тверскому князю в Псков, когда тот был в изгнании, или в Тверь, служил ли князю Александру Невскому или его брату Андрею и пришёл ли к князю Ярославу после смерти обоих братьев.

Вместе с тем уход из Черниговского княжества вполне обоснован, поскольку после гибели князя Михаила Всеволодовича «в середине XIII в. Черниговская земля перестает существовать как относительно единая и определенная государственная территория»¹². Дети черниговских мучеников должны были искать себе новые земли. Старший сын князя Михаила Черниговского Ростислав, женатый на дочери венгерского короля Белы IV принцессе Анне¹³, ушёл в Угры, т. е. обосновался в Венгрии. Как отметил В.А. Кучкин, «согласно известиям XVI–XVII вв. черниговский князь Михаил Всеволодович оставил после себя пятерых сыновей: Ростислава, Романа, Мстислава, Симеона и Юрия. О владениях Ростислава поздние русские источники ничего не говорят, венгерские и немецкие свидетельства им неизвестны. По тем же поздним известиям второй сын Михаила Роман правил в Брянске. Третий сын Мстислав владел Карачевым и Звенигородом (на р. Оке). Четвёртый сын Симеон княжил в Глухове и Новосиле. Пятый сын Юрий был князем в Тарусе. Показательно, что ни один из сыновей князя Михаила Всеволодовича не владел Черниговом. Следует полагать, что Чернигов полностью перешёл под ордынский контроль и вместо русского князя там правил ордынский баскак»¹⁴.

Родословные книги свидетельствуют, что боярин Феодор Черниговский, «властодержатель греческого града Сардинии, иже Средиц нарицается», после завоевания города болгарским царем Иваном Асенем переселился в Угры, а позже – к князю Михаилу Черниговскому, где стал боярином¹⁵. Насколько верны эти сведения, трудно сказать, так как зарубежный выезд предков при составлении родословных был, можно сказать, неотъемлемой частью «представительной генеалогии»¹⁶.

Род боярина Феодора продолжили сын Борис и внук Фёдор, ставшие тверскими боярами. Правнук Михаил, по прозванию Шетень, праправнук Константин Михайлович и прапраправнук Иван Константинович были ты-

⁹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 386–393; ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 136–139 (6754 г.)

¹⁰ Кузьмин А.В. Указ. соч. С. 255.

¹¹ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 222–223.

¹² Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв. М., 2009. С. 130.

¹³ ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 180 (6751 г.).

¹⁴ Кучкин В.А. Черниговское княжество в 40-х гг. XIII–XIV вв.: доклад (М.: ИРИ РАН, 27 апреля 2021 г.).

¹⁵ Потомство боярина Феодора // Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи / сост. А.А. Бобринский. Ч. 1. СПб., 1890. С. 252.

¹⁶ Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989. С. 22.

сячками в Твери. Из этого следует, что боярин Борис Фёдорович, потомки которого Шетневы остались верны Тверскому княжескому дому до конца его существования¹⁷, был приближен к княжеской семье.

Церковь Михаила Архангела на Волге исследователи связывают с постройкой боярина Михаила Шетеня, первого тысяцкого из рода Борисовичей¹⁸. Вполне возможно, что начало Феодоровскому монастырю в Твери положили черниговские бояре – Борис Федорович Половой или его сын Федор Борисович, отец Михаила Шетеня. Логично, что первый деревянный храм при впадении Тьмаки в Волгу был назван в честь патрона погибшего в Орде боярина Феодора Черниговского – свв. Феодора Тирона или Феодора Стратилата, или изначально в честь обоих святых, прославившихся своей мученической кончиной во имя Христа, как и черниговские святые. Несомненно, память о черниговских подвижниках, почитавшаяся по всей Руси, стала примером в деле воспитания княжича Михаила.

Когда точно была построена церковь в честь Фёдора, сведений нет. По косвенным данным и в сугубо предположительном ключе можно предполагать о её существовании в Твери в 1270-е – 1280-е гг. Известно, что в Твери в 1270-у гг. существовал храм Козьмы и Дамиана, ставший местом погребения князя Ярослава Ярославича. Этот деревянный храм, по мнению Н.Н. Воронина, мог быть построен «новгородскими основателями Твери», поскольку культ Козьмы и Дамиана, как полагал ещё В. С. Передольский, был особенно популярен в Новгороде¹⁹. Вполне возможно, он был не единственным в последней четверти XIII в. храмом. Так, из летописей известно, что в 1276 г. выгорела вся Тверь, осталась только одна церковь: «Въ лѣто 6784 погорѣ Тѣѣрь, толико остана церкви едина»²⁰. Пожар, в Твери, уничтоживший городские и церковные постройки, произошел и в 1282 г.: «То-го же лѣта погорѣ городъ Тверь»²¹.

Вполне возможно, если до пожаров не было церкви св. Феодора при впадении Тьмаки в Волгу, то она вполне могла появиться после одного из них. В любом случае её ктиторм мог стать боярин Фёдор Борисович, создавший храм в память своего деда, боярина Фёдора Черниговского, и в честь общих патронов, которые к тому же почитались как покровители воинов, что важно было для княжеской вотчины.

По всей видимости, боярин Фёдор Борисович был наставником княжича Михаила Тверского в ратном деле. А его сын Михаил, по прозванию

¹⁷ См.: Род Шетневых // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1851. Кн. 10. Смесь. С. 117–118.

¹⁸ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. С. 145. См. также: Лурье Я.С. Роль Твери в создании Русского национального государства // Учен. зап. ЛГУ. 1939. Сер. ист. наук. 36. Вып. 3. С. 107; Воронин Н. «Песня о Щелкане» и Тверское восстание 1327 г. // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 75–77.

¹⁹ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1962. Т. 2. С. 498–499, прим. 11; Передольский В. С. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898. С. 163–165.

²⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 33; Т. 15. Стб. 405; Т. 7. СПб., 1856. С. 173.

²¹ ПСРЛ. Т. 7. С. 176 (6790 г.).

Шетень, скорее всего, рос с княжичем и был ему сотоварищем в играх, а позднее, став соратником великого князя Михаила Ярославича, служил тысяцким в Твери. Оттого и церковь Архангела Михаила Михаил Шетень построил в честь и своего, и княжеского патрона. Житие княжны Софьи Тверской, сестры князя Михаила Ярославича, свидетельствует о существовании Михайло-Архангельского мужского монастыря в 1293 г.²² По мнению исследователей, каменный храм Архангельского монастыря был отстроен на рубеже XIII–XIV вв.²³

К сожалению, до наших дней Тверской Феодоровский монастырь не сохранился. Ещё в 1446 г. «разорилъ монастырь» великий князь Борис Александрович: церковь перенёс в кремль, а на месте обители построил «градъ Любляинъ»²⁴. В Смутное время в начале XVII в. монастырь был разорён (в 1626 г. церковь стояла ещё без кровли²⁵), в 1680 г. обитель приписали к Воскресенскому Ново-Иерусалимскому монастырю. С петровских времён Фёдоровский монастырь стал училищным, поскольку по Указу Петра I его передали Архиерейскому дому под школу. В 1773 г. монастырь за ветхостью был разобран.

Хочется надеяться, что археологические раскопки в будущем или новые источники откроют завесу тайны о конкретном времени постройки одной из древнейших обителей города. В настоящее время на острове в устье Тьмаки в 2002 г. возведена церковь во имя св. благоверного князя Михаила Ярославича Тверского.

Список литературы:

1. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М.: АН СССР, 1962. Т. 2. – 558 с., ил.
2. Воронин Н. «Песня о Щелкане» и Тверское восстание 1327 г. // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 75–82.
3. Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв. М.: Квадрига, 2009. – 226 с., карты.

---

²² Тиганова Л.В. Повесть о Софье Ярославне Тверской // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1972. Вып. 33. С. 253–264; Гадалова Г.С. Повесть о княжне Софье Ярославне Тверской как исторический источник по истории и культуре Тверского края // Тверь, тверская земля и сопредельные территории / Под ред А. Хохлова. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 412–427; Кучкин В.А. Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского // Религии мира. Истории и современность. 2002. М., 2002. С. 138–141.

²³ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. С. 145–146; Салимов А.М. Средневековое зодчество Твери и прилежащих земель. Т. 1. С. 150–151.

²⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб.493 (6954 г.); Инока Фомы Слово похвальное / Сообщ. Н.П. Лихачева. СПб., 1908. С. 23–26; То же // БЛДР. СПб., 2005. Т. 7. С. 96–99.

²⁵ Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 года. Город Тверь. Тверь, 1901. С. 95.

4. Кузьмин А.В. На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2014. – 336 с.
5. Кучкин В.А. Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского // Религии мира. Истории и современность. 2002. М., 2002. С. 138–141.
6. Лурье Я.С. Роль Твери в создании Русского национального государства // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 36. Сер. ист. наук. Вып. 3. С. 85–109.
7. Салимов А.М. Средневековое зодчество Твери и прилежащих земель. Т. 1. Тверь: ГАСК, 2015. – 594 с., ил.
8. Тиганова Л.В. Повесть о Софье Ярославне Тверской // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1972. Вып. 33. С. 253–264.
9. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989.

Об авторе:

ГАДАЛОВА Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, Тверской областной общественной фонд культуры (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Советская, д. 54), e-mail: gadalova@list.ru

TVER FEODOROVSKY MONASTERY: ON THE QUESTION OF KTITORS AND THE TIME OF CREATION

G. S. Gadalova

Tver Regional Public Cultural Fund, Tver, Russia

The article is dedicated to one of the oldest monasteries in the city Tver, founded at the mouth of the Tmaka River at its confluence with the Volga. Most of the studies relate to the period of construction of the stone temple of the Feodorovsky Monastery in 1323 under Abbot Ivan Tsaregorodets and the further fate of the monastery, as well as to the writing of the Greek charter in the monastery by Thomas the Syrian in 1317. The question of the monastery's patrons has not been raised in science. For the first time in the article, on the basis of chronicle sources and genealogical books, a hypothesis is put forward about the involvement of the descendants of the boyar Feodor of Chernigov in the construction of the Feodorovsky Monastery.

Keywords: Tver, Tver Principality, Tver Feodorovsky Monastery (Tver Feodorovsky Monastery), boyar Feodor of Chernigov, XIIIth–XVth centuries, ktitors, boyars, princes of Tver, chronicles, genealogical books.

About the author:

GADALOVA Galina Sergeevna – Candidate of History, Tver Regional Public Cultural Fund, (Russia, 170100, Tver, Sovetskaya St., 54), e-mail: gadalova@list.ru

References

- Kuchkin V.A., *Zhitie Sof'i, sestry Mihaila YAroslavicha Tverskogo*, Religii mira. Istorii i sovremennost', 2002, M., 2002, S. 138–141.
- Kuz'min A.V., *Na puti v Moskvu: Ocherki genealogii voenno-sluzhiloj znati Severo-Vostochnoj Rusi v XIII – seredine XV v.*, M., Rukopisnye pamyatniki drevnej Rusi, 2014, T. 1. – 336 s.
- Lur'e Ya.S., *Rol' Tveri v sozdanii Russkogo nacional'nogo gosudarstva*, Uchenye zapiski LGU, 1939, № 36, Seriya istoricheskikh nauk, Vyp. 3, S. 85–109.
- Salimov A.M., *Srednevekovoe zodchestvo Tveri i prilezhashchih zemel'*, Tver', GASK, 2015, T. 1. – 594 s., il.
- Tiganova L.V., *Povest' o Sof'e Yaroslavne Tverskoj*, Zapiski Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki im. V.I. Lenina, M., 1972, Vyp. 33, S. 253–264.
- Unbegaun B.O., *Russkie familii*, M., Progress, 1989.
- Voronin N., «*Pesnya o Shchelkane*» i *Tverskoe vosstanie 1327 g.*, Istoricheskij zhurnal, 1944, № 9, S. 75–82.
- Voronin N.N., *Zodchestvo Severo-Vostochnoj Rusi XII–XV vekov*, T. 2, M., AN SSSR, 1962. – 558 s., il.
- Zajcev A.K., *Chernigovskoe knyazhestvo X–XIII vv.*, M., Kvadriga, 2009. – 226 s., karty.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.

УДК 94(4)''374/1492''

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.162–170

«MALA POTESTAS»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НИЗЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А.К. Гладков

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

В статье, основанной на анализе трактатов Иоанна Солсберийского, Фо-
мы Аквинского и Иоанна Парижского, автор находит ответы на фунда-
ментальные вопросы средневековой политической мысли (как необхо-
димо вести себя подданным в случаях, когда к власти пришел тиран?
Что следует делать народу в условиях гонений на веру? как должно реа-
гировать на притеснения со стороны властей – учинить мятежи или тер-
петь?) и определяет характер отношения латинских писателей к нече-
стивой власти. Делается заключение, что средневековые мыслители до-
пускали смещение тирана лишь в том случае, когда он окончательно
укоренился в своих злодеяниях, нарушил сперва человеческие законы,
затем природные, а после поправил и Божественные. Тогда тиран стано-
вился «врагом Бога», утрачивал легитимность и сакральность, а народ
получал высшую санкцию на его свержение.

Ключевые слова: *тирания, политическая мысль, полемическая тради-
ция, Иоанн Солсберийский.*

В средневековой политической мысли необходимость жить сообща
традиционно объяснялась естественными потребностями человека («Nam
unus homo per se sufficienter vitam transigero non posset. Est igitur homini
naturale, quod in societate multorum vivat»)¹. Человек, согласно Аристотелю,
являлся существом одновременно и общественным и политическим
(«Naturale autem est homini ut sit animal sociale et politicum, in multitudine
vivens, magis etiam quam omnia alia animalia, quod quidem naturalis necessitas
declarat»)². Именно отсюда проистекает надобность утверждения едино-

---

¹ *Divi Thomae Aquinatis doctoris angelici De regimine principum ad regem Cypri et De regimine judaeorum ad ducissam Brabantiae. Politico opusculo duo ad fidem optimarum editionum diligenter recusa Joseph Mathis curante. Taurini, 1923. P. 2* (Далее – *De regimine principum ad regem Cypri* с указанием книги (римские цифры), главы (арабские) и страниц); *Johannes Quidort von Paris Über königliche und päpstliche Gewalt (De regia potestate et papali)* (далее – *De regia potestate et papali*) // *Textkritische Edition mit deutscher Übersetzung von Fritz Bleienstein. Stuttgart, 1969. I. S. 75.*

² *De regimine principum ad regem Cypri. I. 1. P. 2; De regia potestate et papali. I. S. 75.*

личной власти государя (*rex*), выступающего в роли своеобразного «направляющего начала», кормчего, ведущего подданных к достижению «общего блага» («*In omnibus autem quae ad finem aliquem ordinantur, in quibus contingit sic et aliter procedure, opus est aliquot dirigente, per quod directe debitum perveniatur ad finem. Non enim navis, quam secundum diversorum ventorum impulsu in diversa moveri contingit, ad destinatum finem perveniret, nisi per gubernatoris industriam dirigeretur ad portum*»)³.

Подкрепляя свои суждения выдержками из Св. Писания – преимущественно ветхозаветными свидетельствами о целесообразности совместного существования⁴, схоласты акцентируют внимание читателей на особом значении разума (*ratio*), дарованного человеку для обеспечения пропитания и собственной безопасности. Рациональная составляющая социального бытия отличает индивида от животного: если зверям свойственна «природная данность» («... *aliis animalibus insita est naturalis industria* (здесь и далее курсив наш. – А.Г.) *ad omnia ea, quae sunt eis utilia vel nociva, sicut ovis naturaliter aestimat lupum inimicum*»)⁵, некое инстинктивное начало, позволяющее им, в частности, естественным образом отличить «овцу» от «волка» – себе подобных от врагов, то для человека характерна способность к познанию мира, полученная им от рождения («*Homo autem norum, quae sunt suae vitae necessaria, naturalem cognitionem habet solum in communi, quasi eo per rationem valente ex universalibus principiis ad cognitionem singulorum, quae necessaria sunt humane vitae, pervenire*»)⁶; с помощью разума он приобретает жизненный опыт и навыки работы, но только объединившись, люди могут постигать предметы видимого мира во всем его многообразии.

В природе человека заложено стремление к объединению с себе подобными; постепенно из «равных» выделяется тот, кого «множество» за его достоинства и заслуги ставит над собой и почитает за «государя» (*rex, princeps*)⁷. Праведный правитель, которого иногда именуют «пастырем» («... *Dominus per Ezech dicit: Servus meus David rex super omnes erit, et pastor unus erit omnium eorum*»)⁸ и «отцом народа» («*Habet tamen aliquam similitudinem regis, propter quam aliquando reges populorum patres vocantur*»)⁹, призван, избегая личной выгоды («*Ex quo manifeste ostenditur, quod de ratione regis est quod sit unus, qui praesit, et quod sit pastor commune multitudinis bonum, et non*

³ De regimine principum ad regem Cypri. I. 1. P. 1.

⁴ Ibid. I. 1. P. 2.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII / Recognovit et Prolegomenis, Apparatu Critico, Commentario, Indicibus Instruxit Clemens C. I. Webb / Introd. by P. McNulty. N. Y., 1979. Vol. I–II (1 ed. – 1909). Vol. I. Lib. IV. Cap. 1. P. 235 (Далее – Policraticus с указанием тома, книги (римские цифры), главы (арабские) и страниц); De regimine principum ad regem Cypri. I. 6. P. 8.*

⁸ De regimine principum ad regem Cypri. I. 1. P. 3.

⁹ De regimine principum ad regem Cypri. I. 1. P. 3.

suum commodum quaerens»¹⁰), руководить подданными ради «общего блага», обеспечивая их всем необходимым, защищая и оберегая их интересы. Истинный государь (*rex verus*), непременно обладающий рядом добродетелей, – смирением (*animus*), скромностью (*modestia*), умеренностью (*moderatio*), милосердием (*miser cordia*), – должен защищать христианскую веру, а также божественные и человеческие законы, которые являются залогом благоденствия и спасением от всякого преступления¹¹. В основу «блаженного царства» благочестивого монарха, носителя божественной благодати и заступника (*defensor*) Церкви были положены концепция справедливости («...aequitas... rerum conuenientia est, quae cuncta coaequiparat ratione et imparibus rebus paria iura desiderat, in omnes aequabilis, tribuens unicuique quod suum est»¹²), рассматривавшаяся как центральная добродетель, сохраняющая человеческое общество¹³, и идея равного (*aequum*) для всех воздаяния за преступления. Часть средневековых мыслителей (в частности, Иоанн Солсберийский, Фома Аквинский и Иоанн Парижский) признавала за государем определенную сакральность, видя в самом факте его власти проявление воли Бога и свидетельство Его особой милости (*gratia*). Другие авторы, напротив, фактически приравнивали власть государя к власти Творца («Potestas enim regis potestas Dei est»¹⁴). Противопоставление *princeps Dei* и *tyrannus diaboli* также переносилось на страны и народы, находившиеся под их властью: так, *regnum iustitiae* провозглашалось в средневековых текстах антиподом погрязшего в грехах *regnum tyranni*, при этом сам тиран, – гонитель (*persecutor*) веры и *oppressor populi*, – был полным искажением образа законного (добродетельного) монарха. Индивидуальные черты государя (*princeps*) – «Александра Македонского», и тирана (*tyrannus*) – «Юлия Цезаря», с течением времени приобрели характер типологических особенностей, отличающих праведную и неправедную власти и непосредственно связанных с социальной и духовной действительностью: от жизни и манеры поведения подданных непосредственно зависело то, какая власть у них будет (Иоанн Солсберийский прямо писал о том, что за грехи народа на него посылается бремя в лице ложных государей – тиранов: «Nam et peccata populi faciunt regnare uocritam...»¹⁵) – добродетельная и милующая или греховная и карающая¹⁶.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Policraticus. Vol. I. 4. 2. P. 237.

¹² Ibidem.

¹³ *Guillaume de Conchis* Das Moraliu dogma philosophorum des Guillaume de Conches. Lateinisch, altfranzösisch und mittelniederfränkisch / Hrsg. von J. Holmberg. Paris, 1929. S. 12.

¹⁴ Tractatus Eboracenses. I–VI / Ed. H. Boehmer // MGH. Libelli de Lite Imperatorum et Pontificum saeculis XI. et XII. conscripti. Hannoverae, 1897. T. III. S. 667.

¹⁵ Policraticus. Vol. II. 8. 18. P. 358.

¹⁶ В этой связи см.: *Hugonis monachi Floriacensis*. Tractatus de regia potestate et sacerdotali dignitate / Ed. E. Sackur // MGH. Libelli de Lite Imperatorum et Pontificum saeculis XI. et XII. conscripti. Hannoverae, 1892. T. II. I. 4. P. 468; 469.

Средневековые писатели полагали, что «нет ничего хуже тирании» («*tirannide... nihil est peius*»; «... *regimen tyranni est pessimum*»¹⁷), ибо *potestas injuria* подменяет благо, общее для всех подданных, интересами отдельного правителя¹⁸. Поэтому чем сильнее тираническое государство, утвержденное на принципах единоличной власти, тем значительнее вред, наносимый им «множеству» («... *ita e converso erit et in injusto regimine, ut videlicet quanto regens est magis unum, tanto magis sit nocivum*»¹⁹). Попирая законы, правители, лишённые добродетелей, утверждают порядок, подчинённый их личной справедливости, весьма далекой от идеалов *justitia Dei*²⁰. Разлагающее начало, которое они олицетворяют, наносит непоправимый вред всему «множеству». Тираны не только угнетают подданных, но и, что особенно важно, чинят им препятствия на пути духовного совершенствования; ведь в добродетельных и благочестивых людях они видят врагов и прямую угрозу собственным потестарным устремлениям²¹. Опасаясь прихода к власти узурпаторов, некоторые латинские писатели, прежде призывавшие, хоть и с некоторыми оговорками, покорно следовать воле монарха, будь он благочестив или грешен²², стали ответственно заявлять о праве подданных на сопротивление (*resistentia, contumacia*) нечестивому правителю. Может даже создаться обманчивое впечатление, что мыслители вели внутренний спор с самими собой: выступать ли им за примирение с игом тирании, или взывать к высшему отмщению. В очередной раз возникала проблема согласования библейских заповедей и исторической реальности, центрального принципа христианской этики «не убий» и жизненной необходимости свержения тирана. И снова вставали острые вопросы о том, допускается ли христианину умертвить несправедного правителя; может ли он, не нарушив закон, покарать тирана; не является ли смещение недостойного властителя предательством?

В Средние века «оскорбление величества» считалось одним из тяжчайших государственных преступлений (*crimen maiestatis, perduellio*), под которым понимали не только измену (*perfidia*) и предательство (*proditio*), нанесение морального вреда властителю, но даже его физическое устранение. Пролитие крови правителя, являвшегося носителем и одновременно хранителем «образа божественного величия» (*imago quaedam diuinitatis est princeps, imago deitatis princeps*)²³, расценивалось как святотатство (*sacrilegium*)²⁴. Предательство короля, приведшее его к гибели, рассматривалось как своеобразное «поругание святыни» по двум причинам: во-первых, в лице монарха-страстотерпца сам Господь, даровавший ему особую благо-

¹⁷ De regimine principum ad regem Cypri. I. 3. P. 4.

¹⁸ Ibid. P. 5.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Policraticus. Vol. I. 4. 2. P. 237.

²¹ De regimine principum ad regem Cypri. I. 3. P. 5–6.

²² Policraticus. 8. 18.

²³ Ibid. 8. 17.

²⁴ Policraticus. 6. 25

дать и высокое достоинство «стоять над всеми», вновь принимал на себя крестные муки, а во-вторых, – со смертью правителя страдало все общество²⁵. В едином «политическом теле государства» (*corpus rei publicae*) наступал разлад: его органы и члены переставали действовать сообразно главной цели социального бытия – достижению мира и добродетельного образа жизни.

Итак, убийство законного, добродетельного правителя – «смертный грех» и гнуснейшее преступление, «иудино предательство» и нарушение завета Творца почитать данную Им власть («... a Deo potestas regia in terris est...»). Подняв руку на легитимного государя, преступник самочинно выступал в роли исполнителя воли Божьей. Однако, как замечает Кассиодор, нет никого среди смертных, кто мог бы судить государя. Лишь один Господь – «праведный судья», вольный выбирать орудие отмщения. Если отношение средневековых авторов к нелегитимным выступлениям подданных, устремлённым на свержение законного правителя, вполне ясно, то далеко не столь однозначна их позиция по отношению к действиям, направленным против тирана, олицетворявшего образ дьявола (*imago diaboli, Luciferianae imago*)²⁶. Напомним, что и у Иоанна Солсберийского, и у Фомы Аквинского, – двух наиболее авторитетных политических писателей эпохи Средневековья, – встречаются пассажи прямо противоположного значения: проповедь идеалов смирения и терпения как основных средств борьбы с «неправедным игом»²⁷ «парадоксальным» образом уживается с допущением низложение тирана, воспринимаемого ими как законный и справедливый²⁸ акт воздаяния. Однако анализ их произведений убеждает в отсутствии внутренних противоречий в оценках *potestas injuria* и методов «борьбы» с ней. Внешнее несоответствие суждений о тирании было сознательным приемом, позволяющим во всем объеме развернуть перед читателем картину грехопадения человека, облеченного властью, как малой, так и весьма значительной. С целью демонстрации механизмов появления *potestas injuria* схоластами была предложена типология тирании «по составу» («тирания одного» и «тирания множества»; у Фомы Аквинского, следующего за рассуждениями Аристотеля, есть тезис о том, что «демократия», принципиально отличающаяся от «политии», представляет собой особую форму незаконной и несправедливой власти – «тирании народа», угнетающей богатых, см: «Si vero iniquam regimen exerceatur per multos, *democratia* nuncipatur, id est potentatus populi, quando scilicet populus plebejorum per potentiam multitudinis opprimit divites»)²⁹, «по действию», т. е. по способам, легитимным или незаконным (*usurpator*), получения власти, и «по масштабу» воздействия на окружающих.

²⁵ Ibid. 6. 25

²⁶ Ibid. 8. 17.

²⁷ Ibid. 8. 20; De regimine principum ad Regem Cypri. I. 6.

²⁸ Policraticus. 1. 3.

²⁹ De regimine principum ad regem Cypri. I. 1. P. 3.

Таким образом, выработка различных ответных мер на *actio tyranni* напрямую зависела от двух факторов: типа, к которому принадлежал тиран, и степени его грехопадения – способности или неспособности принести покаяние и изменить образ жизни³⁰.

Наблюдая за поступками и бытом властителя, оценивая его слова и писания, можно понять, насколько глубоко он укоренился в своих злодеяниях. Основательное знание психологии западноевропейской аристократии позволило Иоанну Солсберийскому проследить внутреннюю эволюцию, претерпеваемую тираном, и выявить несколько трудноуловимых для взора стороннего наблюдателя стадий, каждая из которых отражает определённый этап духовного вырождения человека, облечённого властью и ставшего на путь порока. Размышляя о вреде забав (*nugae*), Иоанн как бы между прочим употребляет понятия, в действительности имеющие огромное значение для реконструкции представлений о *potestas injuria*, характерных для эпохи Средневековья: «враг народа» (*hostis populi, publicus hostis*) и «враг природы» (*hostis naturae*). Под первым понимается тиран, а под вторым – охотник (*venator*); оба термина в некотором смысле дополняют друг друга. Подобно тому как тиран угнетает подданных, охотник загоняет безвинных животных; один убивает людей, а другой, до поры до времени, – лесных тварей; роднит их жадность, жестокость (как у Кентавра)³¹ и гордыня (как у Нимрода; «*Primus ergo ponitur Nembroth robustus uenator contra Dominum. Eum reprobum fuisse non ambigis, quem omnium doctorum turba condempnat. Traditur hic in tantam elationis erupisse uerborum, ut non uereretur iura temerare naturae, cum consortes conditionis et generis, quos ingenuos illa creauerat, hic addiceret seruituti*»³²).

В Средние века неоднократно указывалось на то, что государю, дабы приблизиться к идеалу совершенного монарха, следует скорее миловать, чем карать грешников, предпочитать милосердие вынужденной жестокости; в глазах латинских авторов бесстрастие (*impatientia*) государя и подданных выступает одним из ведущих условий утверждения благочестивого общества, в то время как вождения способствуют духовному вырождению, итогом которого и тиран, и охотник уподобляются диким зверям³³, лишенным разума и способности к добродетели. Фактически, *venator* – это *tyrannus*, но только стоящий в начале нравственной деградации; *publicus hostis* представляет первую стадию преобразования человека в тирана. Образ действий этого «малого тирана» четко укладывается в составленную Иоанном классификацию несправедливых правителей «по масштабу», в которой различаются «частные», руководящие семьёй и родом, «государственные», управляющие страной, и «церковные» тираны, стоящие во главе приходов и епархий.

³⁰ Policraticus. Vol. II. 8. 21. P. 379.

³¹ Ibid. Vol. I. 1. 4. P. 26–27.

³² Ibid. P. 27.

³³ De regimine principum ad Regem Cypri. I. 3.

Излив гнев на родных и друзей, истребив ни в чём не повинных, беззащитных животных, тиран обращает свой взор на людей и, переходя на вторую стадию перерождения, постепенно становится «врагом народа» (*publicus hostis, hostis populi*). Злоупотребляя властью, он нарушает установленный Богом закон, попирает право и справедливость, угнетает подданных, одним слово – разрушает «гражданский мир». Не утолив неуёмной жажды убийства, влекомый желанием подчинить всех и вся своей воле, тиран выступает против духовенства, ограничивает свободы Невесты Христовой (*libertas ecclesiae*), соответствуя тем самым третьей стадии распада личности и становясь «врагом Церкви» (*hostis ecclesiae, persecutor ecclesiae*). Однако когда тиран прилагает все свои силы на уничтожение церкви и ее клира, тщится низвергнуть ее учение и внести смуту в «стадо Христово», тогда он, доходя до предела вырождения, при котором уже просто невозможно мирное с ним сосуществование, обрекает себя на возмездие со стороны Господь, видящего в тиране-безбожнике Своего врага (*hostis Dei, hostis Domini*) и друга дьявола (*amicus diaboli*). Таким образом в восприятии латинских авторов, сам Создатель воздаст тирану по заслугам (Втор. 3, 21; Втор. 7, 24; Иер. 34, 21; Ос. 10, 15.)³⁴. Люди же могут выступать в роли орудия, коим будет вершиться суд над нечестивым государем³⁵.

Действия тирана (*hostis Dei*) направлены не только на полное подчинение церкви своей воле, но и на порабощение государства в целом, в итоге ведущее народ к гибели. В политических трактатах нередко возникает оппозиция *servitus/libertas*, противопоставление государства свободных и рабов, преследующих в своем развитии различные цели («*Alius autem est finis conveniens multitudini liberorum, et servorum*»)³⁶. Речь в данном случае идет не столько о буквальном следовании эллинистически-римской традиции, в основе которой лежит идея социальной дифференциации, сколько о совершенно новом, христианском, прочтении, построенном на моральном толковании различных состояний человеческой души и общественной роли индивида. Если праведный правитель, являющийся «рабом справедливости», борется за свободу народа, то тиран, – «раб греха» (*servus peccati*), – в своей политической деятельности стремится подменить «божественную справедливость» (*justitia Dei*) ложной *justitia tyranni* и, как следствие, ввести народ в состояние рабства. Государство тирана – это, как правило, государство рабов (*respublica servorum*). Нечестивый монарх, подчиняющий подданных собственной воле, искажает божественный закон, ибо делает от природы свободного (бывшего «причиной самого себя») рабом, т. е. «причиной другого». Тем самым определяя социальное бытие человека, тиран лишает его права выбора между добром и злом, дарованного ему от рождения Богом, и личной свободы; вся жизнь подчиненных порочной власти подданных обращена к постоянному утолению греховной жажды и отстра-

³⁴ De regimine principum ad Regem Cypri. I. 6.

³⁵ Policraticus. 8. 21.

³⁶ De regimine principum ad Regem Cypri. I. 1. P. 3.

нена от праведного пути. Именно в этой связи в средневековой политической мысли возникает теория легитимного низложения тирана, построенная не только на толковании отдельных пассажей Св. Писания, произведений Аристотеля и Цицерона, но и на принципах единого для всех мистического кодекса жизни, своеобразного *regula vitae populi*.

Тиран, о смерти которого писали латинские авторы, и гибель которого они по большей степени оправдывали, прошёл в своей внутренней эволюции путь от «врага» природы и народа, до «врага» Церкви и Бога. Достигнув последней стадии, – *hostis Dei*, – он тем самым сам обрёл себя на гибель, и суд Божий непременно его настигнет. Ведь не случайно же, как показывает история, конец нечестивых правителей жалок («*omnium tyrannorum finem esse miseriam*»)³⁷.

Список литературы:

1. *Divi Thomae Aquinatis doctoris angelici De regimine principum ad regem Cypri et De regimine judaeorum ad ducissam Brabantiae. Politico opusculo duo ad fidem optimarum editionum diligenter recusa* Joseph Mathis curante. Taurini, 1923.
2. *Guillaume de Conchis Das Moraliu dogma philosophorum des Guillaume de Conches. Lateinisch, altfranzösisch und mittelniederfränkisch* / Hrsg. von J. Holmberg. Paris, 1929.
3. *Hugonis monachi Floriacensis Tractatus de regia potestate et sacerdotali dignitate* / Ed. E. Sackur // MGH. Libelli de Lite Imperatorum et Pontificum saeculis XI. et XII. conscripti. Hannoverae, 1892. T. II.
4. *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII* / Recognovit et Prolegomenis, Apparatu Critico, Commentario, Indicibus Instruxit Clemens C. I. Webb / Introd. by P. McNulty. N. Y., 1979. Vol. I–II.
5. *Johannes Quidort von Paris Über königliche und päpstliche Gewalt (De regia potestate et papali)* / Textkritische Edition mit deutscher Übersetzung von Fritz Bleienstein. Stuttgart, 1969.
6. *Tractatus Eboracenses. I–VI* / Ed. H. Boehmer // MGH. Libelli de Lite Imperatorum et Pontificum saeculis XI. et XII. conscripti. Hannoverae, 1897. T. III.

Об авторе:

ГЛАДКОВ Александр Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская академия наук (Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32а), e-mail: gladkov2010@yandex.ru

---

³⁷ Policraticus. 2. 8.

«MALA POTESTAS»: THE THEORETICAL ASPECTS OF THE MONARCH'S DETHRONEMENT IN MEDIEVAL POLITICAL THOUGHT

A.K. Gladkov

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

In article, based on analysis of the most influential political treatises of the XII-th-XIVth centuries, such as John of Salisbury's «Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum», Thomas Aquinas' «De regimine principum ad regem Cypri» and John of Paris's «De regia potestate et papali», author tries to find an answers on the fundamental quaestions of medieval power's reflections (how should subjects behave when tyrant came to power? What should people do under conditions of persecution for faith? How should man react to authorities' oppressions – revolt or suffer?) and studies representations of «mala potestas», id est tyranny («rex injustus»), and tyrannicide's strategies of argumentations. The author investigates logic of intellectual constructions consarning problems of legal actions against usurper power.

Keywords: *tyranny, political thought, polemical tradition, John of Salisbury.*

About the author:

GLADKOV Alexander Konstantinovich – Candidat of History, Assistant professor, Senior Scholar, the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, 119334, Moscow, Leninsky prospect, 32a), e-mail: gladkov2010@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.10.2023 г.

Подписана в печать 15.12.2023 г.

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).083

DOI 10.26456/vthistory/2023.4.171–179

ИСТОРИК И ПРИЗРАК ПОЛИЦЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (ХУТАРЕВ-ГАРНИШЕВСКИЙ В.В. ПРОТИВОСТОЯНИЕ. СПЕЦСЛУЖБЫ, АРМИЯ И ВЛАСТЬ НАКАНУНЕ ПАДЕ- НИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1913 – 1917 ГГ. М.: ИЗДА- ТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА, 2020. – 648 С.).

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

В рецензии показано, что хотя автор книги проделал весьма основательную исследовательскую работу, его книга не лишена характерных недостатков, на которые уже указали другие специалисты. Причина видится в том, что он настолько основательно углубился в свою исследовательскую «шахту», что окружающее историческое пространство оказалось неразличимым. Автор по существу смотрит на прошлое глазами охранителей самодержавия. Тем не менее, достоинством работы следует признать то, что независимо от намерений автора, приводимые им документы свидетельствуют, что накануне падения самодержавия политический сыск империи был поражен изнутри. Коррупция, провокации, некомпетентность агентуры, приписки, дезинформация вышестоящего начальства стали обычной практикой жандармской деятельности. Противостоять революции полиция не могла.

Ключевые слова: *Российская империя, Первая мировая война, спецслужбы, армия, революция.*

Автор представил исследование, заслуженно привлекающее внимание рецензентов¹. «Задача исто-

риков, – заявляет он, – приблизиться к пониманию механизма падения монархии, породившего невиданный социальный взрыв...» (с. 9). Однако работа не лишена некоторых странностей. Не буду, однако, повторять замечания рецензентов: в книге есть нечто такое, что

---

¹ См.: Ульянова Л.В. Политический сыск и русская армия накануне и в годы Первой мировой войны // Российская история. 2021. № 2. С. 200–206; Дунаева А.Ю. Рец. на: Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913 – 1917 гг. – М.: Издательство Института Гайдара, 2020. –

---

648 с. // Российская история. 2021. № 2. С. 207–214.

требует более широкого взгляда на предмет исследования.

Начнем с названия: кому противостояли «спецслужбы, армия и власть» накануне *падения* российской монархии? И неужели социальный взрыв был порождён именно её падением, а не наоборот? Можно ли было предотвратить то, происхождение чего остаётся неясным? Удастся ли прояснить ситуацию с помощью анализа деятельности спецслужб, если известно, что ещё в 1913 г. их руководство «признало неизбежность скорой революции и взяло курс на выработку мер по предотвращению принятия ею характера общенационального вооруженного восстания...» (с. 13–14)?

Так что пытались предотвратить спецслужбы и с кем ни боролись? Именно на этом, всё ещё не решённом, как кажется автору, вопросе сконцентрировано данное исследование. Однако основные его усилия направлены не на объясненное «противостояние», а на рассмотрение ситуации *внутри* спецслужб. Им приходилось решать свои (становящиеся всё более запутанными) задачи, занимаясь самореформированием.

Исследователи задумываются над проблемами эффективности политического сыска в России не впервые². Как полагает В. Хутарев-

Гарнишевский, для советской историографии был характерен набор ложных тезисов: коррупция в политической полиции, массовая фабрикация дел и т. п., что якобы составляло соль всей жандармско-полицейской работы (с. 21). Заявление звучит странно: в рецензируемой книге примеров такого рода более, чем достаточно.

В постсоветской литературе одни авторы исходили из того, что Февральская революция была подблем народного бунта, другие полагали, имела место «измена элит». Между тем, ни то, ни другое, согласно автору, изначально не вписывалось в предмет ведения политического сыска: «Его основной задачей была борьба с попытками ниспровержения существующего строя прежде всего *революционными партиями и группами* (курсив наш. – В.Б.). И надо заметить, что работа сыска в этом направлении была весьма эффективной» (с. 23). Действительно, накануне Февраля революционные организации были малозаметны. Однако известно, что в определённых условиях они способны восстанавливать силы. Что же мешало спецслужбам не допустить слияния революционеров со стихией массового возмущения?

Раньше историки старались представить полицейских тупыми «защитниками режима». Теперь в них готовы видеть достойных

---

² См.: *Пережудова З.И.* Политический сыск России. 1880–1917 гг., М., 2000 [2013]; *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг. Шпиономания и реальные проблемы. М., 2000; *Романов К.С.* Департамент полиции МВД накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.) СПб., 2002; *Здано-*

вич А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство М., 2004; *Дунаева А.Ю.* Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М., 2012; и др.

стражей самодержавия. Что же им мешало, старается выяснить автор? Оказывается, «набор задач, поставленных перед жандармерией, был столь велик и многообразен, а численность личного состава столь незначительна, что корпус по определению не мог выполнить одинаково качественно весь возложенный на него спектр обязанностей» (с. 554). Во-вторых, органы сыска были ориентированы на противодействие заговорщикам и революционерам, то есть заведомо оказывались бессильными перед массовыми движениями (с. 565). В-третьих, система взаимоотношений охранительных инстанций была законодательно запутана; более того, территориальные органы политического сыска оказывались в двойном подчинении. Наконец, негативно сказывалась «практически полная безучастность императора Николая II к органам безопасности» (с. 555).

Действительно, изъяны такого рода имели место. Однако вряд ли в охранительных структурах их было больше, чем в других ведомствах. Уместно ставить вопрос о разбалансированности системы в целом, отразившейся на слабости отдельного ее звена. Напротив, автор предпочитает рассматривать ситуацию из «своего угла». Соответственно существо проблемы зауживается соответственно используемому кругу источников.

Существует ещё одна причина, «мешающая» автору. За всяким историческим сочинением стоят проблемы современности, «актуализирующие» прошлое. После падения Советского Союза в политической

истории России воцарилось мода на многопартийность. При этом начали с восхваления социалистов и либералов, затем двинулись вправо, сначала осуждая, затем якобы беспристрастно оценивая правых и черносотенцев. Исследовательские приоритеты менялись под латентным давлением политики. Дошло до того, что на прошлую политическую жизнь стали взирать глазами охранки. Книга отражает этот момент.

Хутарев-Гарнишевский старается быть объективным. Он берётся последовательно рассмотреть личный состав и кадровую политику политического сыска, деятельность спецслужб в ходе войны, попытки установления ими контроля над армией, наконец, кризис охранной деятельности. Столь основательные задачи выдвигаются впервые. Используются материалы российских центральных архивов и Центрального государственного исторического архива Украины. Основное внимание уделяется руководителям сыска. Характеристика рядовых жандармов даётся вскользь – главным образом в связи их нехваткой. Между тем, уровень их профессиональной подготовки был крайне низок. С моральным обликом обстоит не лучше – соответствующие примеры приводятся. Отсюда не только коррупция и провокации, но и многочисленные отписки и приписки (в общем характерные для любых организаций такого типа).

Иные из исследователей склонны писать о жандармах с нескрываемой брезгливостью. Автор, со своей стороны, указывает на

«ложные тезисы советской историографии»: коррупцию, массовую фабрикацию дел, «провокацию якобы составлявшую соль всей жандармско-полицейской работы» (с. 21). Между тем подобные представления составляли своего рода общественное достояние. «Ложь, донос, клевета, выдумка, – всё это, часто рождённое личной мстостью и личными счетами – вот основа, на которой происходит, так называемая, борьба старого режима и самодержавного произвола с “крамолой”», – так оценивал охранителей в 1917 г. известный журналист П. Пильский. Конечно, этого «излишне» эмоционального автора легко обвинить в необъективности – естественной в условиях революционной эйфории. Но недостатком информированности он не страдал. «Нигде больше нет такой массы лжи, как здесь, лжи трусливой, гаденькой, подленькой... С этой глубиной лжи может равняться разве только жандармская же мстительность, мелкая, личная, скверная..., – писал он, приводя массу примеров. – Но, в сущности, это – “бюрократия”, такая же равнодушная к смыслу своей “деятельности”, такая же затхлая...»³.

Можно возразить: люди несовершенны, однако отлаженный государственный механизм способен работать вопреки их слабостям. На деле архаичная система патерналистского типа оказывается особо уязвимой именно в связи со своим «человеческим наполнением». В принципе это можно ком-

пенсировать моральной самоотдачей исполнителей. Напротив, их нравственная деградация делает государство беспомощным.

Вместо того, чтобы задуматься над этим, автор старается доказать пагубность реформ в охранном ведомстве, начатых В.Ф. Джунковским. При этом он соглашается, что к началу Первой мировой войны они были необходимы. Тем не менее, проведённые реформы «нанесли тяжёлый удар по безопасности политического режима... Джунковский сломал сложившуюся в 1902–1912 гг. систему политического розыска, но не создал (или не успел создать) ничего ей на замену...» (с. 556–557). При этом автор слишком основательно использует мнения противников Джунковского из того же ведомства (с. 15–16)⁴.

Ранее историки смотрели на дело иначе. И стоит ли делать козлом отпущения человека, пытавшегося (к месту или нет) морально оздоровить полицейскую систему? Джунковский резонно считал, что стукачам не место в Государственной думе. Точно так же он полагал, что военнослужащих не следует оскорблять излишними подозрениями. В прошлом большинство исследователей оценивало деятельность Джунковского именно под этим углом зрения. Да и большевики не сразу расстреляли своего невольного «помощника» в деле избавления от предателя Р. Малиновского. В конце концов, если

³ Пильский П. Охранка и провокация. Пг., 1917. С. 4, 7.

⁴ Рецензенты с таким приемом не соглашались. См.: Российская история. 2021. № 2. С. 203–204, 208–209.

государство пытается действовать на правовых основаниях, то должен кто-то осуществлять это на практике? Правда, известно, что наиболее опасное время для негодного режима наступает тогда, когда он пытается «исправиться». Порой этому способствуют именно «честные» его сторонники.

В заключительной части исследования автор обстоятельно перечисляет организационные недостатки системы. Оказывается, «жандармерия являлась одновременно и политическим сыском, и контрразведкой, и военной полицией, и полицией нравов, железнодорожной полицией, в определённых случаях должна была выполнять функции внутренних войск» (с. 554). Возможно, нагрузка действительно была непомерно велика. В связи с этим «борьба военных и полицейских властей заблокировала работу спецслужб...». Однако «военным не удалось поставить своего человека на пост директора департамента полиции», в результате чего в начале сентября 1916 г. последовал «разгром и отставка почти всего высшего руководства МВД и департамента полиции» (с. 560). «Тонкая» работа сделалась невозможной. «Коррупция, примат доноса, некомпетентность агенты, и нежелание большинства жандармов, назначенных в руководство КРО, конфликтовать с непосредственным военным начальством, – вот основные причины того, почему контрразведка проводила массовые репрессии», – утверждает автор. При этом он отмечает, что «местные жандармские управления оказывали сопротив-

ление противозаконным действиям контрразведывательных отделений» (с. 559).

Казалось бы, места для конспирологических домыслов не остаётся. Однако некоторые авторы в принципе не допускают, что система могла действовать «неправильно», ибо государство – всё, остальное – ничто. Таково воображение людей, зашоренных тотальной подозрительностью. Это по-своему преломляется в некоторых нынешних работах: здесь и восхищение «всевидящим оком», и невольная реабилитация провокации, и даже своего рода апология предательства. Общественная мораль по-своему резонирует и с прошлым, и с настоящим. Это относится и к рецензируемой работе.

В заключительной части книги заводится старая песня: «В конце 1915 – начале 1916 г. руководство департамента полиции получило точные данные от секретной агентуры о наличии антиправительственного заговора в руководящем и старшем офицерском составе армии, о единении части офицерства с парламентской оппозицией и революционными партиями». Об этом конспирологи твердили не раз. В отличие от них, автор признается, что «расследование этих сведений зашло в тупик» (с. 560).

В чём причины *общественного* тяготения к конспирологии? Это достаточно известно. Иные «первооткрыватели», не обладая должной теоретической и общекультурной подготовкой, поспешно связывают «знаковые» события вымышленными зависимостями. Чем сложнее объект исследования, тем соблазни-

тельное его упрощенное истолкование. Системно взаимосвязанные процессы примитивизируются особенно часто. Клио словно намеренно устраивает проверку на сообразительность своим служителям. И не надо удивляться и тому, что легковесные «гипотезы» находят отклик в среде лиц, вечно озабоченных поисками «виновных». Всё это характерно для граждански недоразвитых обществ, лишённых чувства сопричастности к «большим» событиям.

Впрочем, в отличие от занудливых конспирологов Хутарев-Гарнишевский излагает свою версию событий не столь навязчиво. Порой его позиция выглядит уклончивой. Похоже, он настолько глубоко зарылся в свою исследовательскую «шахту», что окружающее пространство оказалось неразличимым. Отсюда общий результат.

Особенно удивляет то, что автор смотрит на противников существующего строя глазами его охранников. Так, оказывается, что «со времен Цюрихской межпартийной конференции 1910 г., организованной эсерами, шло объединение работы всех социалистических партий в воинской среде, а во время войны с ними сблизилась кадеты». Более того, после образования военно-промышленных комитетов «появилась легальная площадка для проведения негласных переговоров буржуазии, оппозиционных политиков и общественных деятелей с представителями революционного и рабочего движения» (с. 561). Более того, «важную роль в расшатывании политического режима сыграла политическая деятельность...

Н.В. Рузского и М.Д. Бонч-Бруевича». С другой стороны, «в 1916 г. батюшинская контрразведка в Петрограде стала активно заигрывать с рабочими массами, пытаясь возродить полицейский социализм... а также забрать у полиции функции контроля над крупными промышленными предприятиями». Отсюда следует странный вывод: «Результатом стал рост забастовочного движения в столице накануне революции» (с. 559). Как этому можно было противодействовать? Похоже, автор сожалеет, что «планы совместных действий армии и полиции для подавления беспорядков существовали лишь на бумаге» (с. 564).

К слову сказать, о фигуре генерала Н.С. Батюшина высказывалось и высказывается немало противоречивых мнений. Кое-кому хочется видеть в нем неподкупного борца со шпионами. На деле он сыскал славу человека, неразборчивого в средствах. Некий аноним писал М.В. Алексееву в Ставку 20 февраля 1917 г.: «Комиссия ген. Батюшина, известная в обществе под именем Батюшинской шайки, представляет собой целую армию, составленную из всех отбросов общества, выплывших во время войны: прапорщиков запаса, уклоняющихся от действительной службы, взяточников, вымогателей, шантажистов, пьяниц, мошенников и тому подобных. Вместо того, чтобы заняться розыском немецкого шпионажа... комиссия эта занялась шантажом и вымогательством... Батюшинские молодцы... обивают пороги у родных и близких заключённых, вымогая

деньги за их освобождение... Лица эти, составляя позор для армии, опасны и для государства, подрывая в корне авторитет власти»⁵. Конечно, трудно поверить, что ситуация была настолько мрачной. Однако сказанное почти дословно подтверждается Хутаревым-Гарнишевским (с. 338).

Последние месяцы существования самодержавия были наполнены таким количеством взаимных обвинений, наветов, клеветы, основанных на слухах, что, казалось, исследователь может выстроить любую версию событий. Относительно Батюшина говорили, что он (как и Б.В. Штюмер) пользовался услугами известного афериста И.Ф. Манасевича-Мануйлова⁶. Утверждали даже, что Мануйлов состоял у Батюшина секретарем⁷. Как бы то ни было, сложилось мнение, что «весь процесс Мануйлова – это сплошное обвинение нашей администрации, такой неразборчивой в своих орудиях и средствах управления»⁸.

Мануйловых арестовывали, но система разваливалась. И не приходится удивляться, что генерал Батюшин вместо того, чтобы ловить шпионов поближе к линии фронта, принялся искать их среди столичных банкиров. Разумеется, это была мутная публика. Но сомнительно, чтобы их денежные аферы и политические интриги

были связаны с настоящим шпионажем.

Система была обречена. Удивительно, однако, что автор, соглашаясь на этот счет, опирается только на мнение жандармов. При этом склонность охранителей сгущать краски не учитывается. Это также вызывает разочарование.

Тем не менее, нельзя не отметить, что в целом автор представил текст, заслуживающий серьезного внимания со стороны исследователей революции. Хотя политический сыск был занят делами революционных организаций, в департаменте полиции отложились и сведения о росте забастовочного движения в столицах, и данные о росте цен на продукты в Петрограде (С. 589–590). Спрашивается, что мешало власти предпринять соответствующие меры? Или действительно «за 1916 г. спецслужбы настолько свыклись с неизбежностью приближающейся революции и своей неспособностью ее предотвратить, что фактически пассивно приняли факт свержения монархии» (с. 564).

В заключение, отталкиваясь от названия книги, хочется спросить: кому же по-настоящему пытались противостоять спецслужбы – социалистам, либералам, националистам? И могла ли их работа быть эффективной, если империя разваливалась *изнутри*, не исключая самих органов политического сыска? Прохудившиеся сети охраны могли выловить десяток другой революционеров и даже нескольких зазевавшихся шпионов, но остановить поток революционного возмущения они были не в состоянии.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 94.

⁶ Там же. Д. 1059. Л. 939; Д. 1060. Л. 1037; Д. 1063. Л. 1323; Д. 1067. Л. 1338.

⁷ Там же. Д. 1060. Л. 1098.

⁸ Там же. Д. 1071. Л. 50.

А всеобщее возмущение, принявшее массовый характер, в немалой степени подогрело действия самих спецслужб.

Менее всего хотелось бы ставить под сомнение ценность проделанной автором работы. В любом случае привлечённый им ма-

териал (особенно «побочный») весьма существенно обогащает наше представление о психосоциальной обусловленности назревавшей революции. Заявленное в заглавии книги «противостояние» ей оказалось делом безнадёжным.

Список литературы:

1. Дунаева А.Ю. Рец. на: Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913 – 1917 гг. – М.: Издательство Института Гайдара, 2020. – 648 с. // Российская история. 2021. № 2. С. 207–214.
2. Ульянова Л.В. Политический сыск и русская армия накануне и в годы Первой мировой войны // Российская история. 2021. № 2. С. 200–206.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН (Россия, 117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

HISTORIAN AND THE GHOST OF THE POLICE STATE (KHUTAREV-GARNISHEVSKY V.V. CONFRONTATION. SPECIAL SERVICES, ARMY AND AUTHORITY ON THE EVE OF THE FALL OF THE RUSSIAN EMPIRE, 1913 – 1917. M.: GAIDAR INSTITUTE PUBLISHING HOUSE, 2020. – 648 S.)

Vladimir P. Buldakov

*The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

The review shows that although the author of the book has done very thorough research, his book is not without characteristic shortcomings, which have already been pointed out by other experts. The reason seems to be that he delved so thoroughly into his research “mine” that the surrounding historical space turned out to be indistinguishable. The author essentially looks at the past through the eyes of the guardians of autocracy. Nevertheless, the merit of the work should be recognized that, regardless of the author’s intentions, the documents he provides indicate that on the eve of the fall of the autocracy, the political investigation of the empire was struck from within. Corruption, provocations, incompetence of agents, postscripts, misinformation from higher authorities have become a common practice of gendarmerie activity. The police could not resist the revolution.

Keywords: *Russian Empire, World War I, intelligence services, army, revolution.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Russia, 117292, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References

- Dunaeva A.Yu., *Rec. na: Hutarev-Garnishevskij V.V. Protivostoyanie. Specsluzhby, armiya i vlast' nakanune padeniya Rossijskoj imperii, 1913 – 1917 gg. – M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2020. – 648 s., Rossijskaya istoriya, 2021, № 2, S. 207–214.*
- Ul'yanova L.V., *Politicheskij sysk i russkaya armiya nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny, Rossijskaya istoriya, 2021, № 2, S. 200–206.*

Статья поступила в редакцию 08.10.2023г.

Подписана в печать 15.12.2023 г

Адрес редакции: 170001, Россия, Тверь,
ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201.
Телефон/факс: 8 (4822) 34–16–85.

E-mail: history.decanat@tversu.ru

Журнал «Вестник Тверского университета. Серия История» является научно-теоретическим журналом, представляющим широкий спектр проблем всеобщей и отечественной истории, историографии, источниковедения, археологии, вспомогательных исторических дисциплин. Выходит с 2007 г. по 4 номера в год. Журнал учреждён Тверским государственным университетом и является подписным периодическим научным изданием. Публикуются статьи, подготовленные преподавателями и сотрудниками исторического Тверского государственного университета, а также учёными из других научных и образовательных учреждений России, ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы несут персональную ответственность за содержание статей, представленных к публикации.

Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN в Париже (1998-5037), что обеспечивает информацию о нём в соответствующих международных реферативных изданиях.

Требования к оформлению, содержанию и доставке текстов в редакцию

К публикации принимаются **статьи** кандидатов и докторов наук объёмом 1 п. л. (40 тыс. зн. с пробелами), **статьи** докторантов, аспирантов и соискателей объёмом 0,5 п. л. с аннотациями 800 знаков; **сообщения** (краткая информация о научной проблеме, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; **рецензии** (0,3 п. л.) с аннотациями до 400 знаков.

В статье допускаются ссылки на авторефераты диссертационных работ.

Статьи и сообщения высылаются по почте заказным письмом главному редактору (Леонтьевой Татьяне Геннадьевне) или ответственному секретарю журнала (Богданову Сергею Владимировичу) по адресу: 170021, Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201, доставляются лично автором по указанному адресу или высылаются по электронной почте.

Вместе с распечатанным вариантом (межстрочный интервал – полуторный, шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль, сноски постраничные, нумерация сноска сквозная) представляется электронная версия на CD дисках. В отдельных файлах должны содержаться: статья, резюме, сведения об авторе (авторах). Сведения об авторах статьи включают: фамилию, имя и отчество полностью, учёное звание, степень, должность, место работы (полное название), почтовый адрес места работы с индексом города и указанием страны, номера контактных телефонов (с кодом города) и адрес электронной почты. **Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.**

Рукопись статьи должна представлять собой готовый оригинал-макет на одной стороне чистой белой бумаги формата А4. Рукопись статьи сопровождают: фамилия, имя, отчество автора, указанные полностью, название статьи; **аннотация** (800 зн.), содержащая постановку проблемы, историографию, краткий анализ источников и основной вывод статьи;

ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний) **на русском и английском языках**. Английский вариант должен быть идентичен русскому.

Статья должна сопровождаться списком **цитированной литературы** на русском языке и в транслитерации.

Требования к оформлению приложений к тексту статьи

1. Фамилии авторов

Фамилии авторов статей представляются в одной из принятых международных систем транслитерации для авторов.

Чтобы избежать дублирования профилей в БД авторам важно:

придерживаться одной системы транслитерации для всех своих публикаций;

придерживаться указания одного места работы, так как данные о принадлежности к организации (аффилиации) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора. Отсутствие данных об аффилиации ведёт к потере статей в профиле автора, а указание на различные места работы ведёт к созданию дублей профилей.

2. Название организации и ведомства

Название организации используется для идентификации авторов, для создания их профилей и профилей организаций. Данные о публикациях авторов, связанных с конкретными организациями, используются для получения полной информации о научной деятельности организаций (и в целом страны). Во избежание создания дублирующих профилей организации в статьях необходимо **употреблять официальное (общепринятое) без сокращений названия организации на английском языке**, что позволит более точно идентифицировать принадлежность авторов и предотвратит потери статей в системе анализа. Узнать правильное англоязычное название вузов и многих других организаций можно на их официальном сайте. Исключение составляют не переводимые на английский язык наименования фирм, которые даются в транслитерированном варианте.

Использование перед основным названием дополнительных данных («Учреждение Российской академии

наук...», «ФГБОУ ВО» и т. п.) является лишним – это только затрудняет идентификацию организации.

3. Заглавие статей на английском языке

– заглавия научных статей должны быть информативными;

– в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;

– в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитераций с русского языка, кроме непереводимых названий собственных имен и др. объектов, имеющих собственные названия; также не используется непереводимый сленг, известный только русскоговорящим специалистам. Это также касается авторских резюме (аннотаций) и ключевых слов.

4. Авторские резюме (аннотации) на английском языке

Авторское резюме призвано выполнять функцию независимого от статьи источника информации, должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части публикации.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объём 800 зн.).

Аннотации должны быть написаны качественным английским языком.

Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «например», «в результате» и т. д. («consequently», «for example», «the benefits of this study», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The study tested», но не «It was tested in

this study» (частая ошибка российских аннотаций).

Предпочтительным вариантом аннотации является краткое повторение в ней структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

В качестве помощи для написания англоязычных аннотаций (рефератов) можно рекомендовать обратиться к российскому ГОСТу 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования», который был разработан, в основном, для информационных изданий и к «Рекомендациям к написанию аннотаций для англоязычных статей, подаваемых в журналы издательства Emerald» (Великобритания): (<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm>).

5. Пристательные списки литературы

Список литературы приводится отдельным блоком («References»), русскоязычные ссылки даются в транслитерированном виде, иностранные источники приводятся без изменений. Если список литературы состоит только из англоязычных источников, то блок References может отсутствовать.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет учтена при оценке научной деятельности её авторов, а также организации, региона, страны. В транслитерированных ссылках **недопустимо использовать** разделительные знаки российских ГОСТов (/ , – и т. п.).

Наиболее значимыми составляющими в библиографических ссылках являются **фамилии авторов, названия журналов, книг, конференций, выходные данные (включая название издательства для монографий и №№ страниц для статей, опубликованных в журналах или сборниках). В ссылках на сборник статей указывается фамилия составителя или научного редактора.** При транслитерации в описание ссылки необходимо **вносить всех авторов.**

Другие требования к предоставляемым материалам

К предлагаемому для публикации в «Вестнике ТвГУ» статьям прилагается рецензия научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа (подпись заверена, печать) или внешнего оппонента-специалиста. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. В рецензии раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика, отмечается научная и практическая значимость статьи, указывается на соответствие её оформления требованиям «Вестника ТвГУ».

Основные разделы статьи: введение, содержащее историографию и историко-ведческий анализ проблемы, основная часть, заключение (выводы), в котором указаны новые результаты и их теоретическое или практическое значение; список литературы.

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор статьи.

Постраничные сноски должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале «Вестник ТвГУ. Сер.: История»: в сноске указываются выходные данные, достаточные для библиографического поиска, при этом должны быть соблюдены правила библиографических сокращений (сб. ст., Мат. конф., дисс. ... канд. ист. наук и т. д.), фамилия и инициалы авторов выделяются курсивом, ссылка на архивные фонды первично оформляется с полным названием архивного учреждения, затем даётся только аббревиатура. **В постраничные сноски не помещаются примечания к тексту статьи!** При их наличии они могут быть размещены после текста статьи, редколегия оставляет за собой право удалить примечания.

Иллюстрации

Рисунки выполняются в графическом редакторе и предоставляются в редакцию отдельным файлом. Рисунки к статье должны иметь расширение *.jpg и чёткую легенду.

За оформление имеющихся в статье графических материалов (графики, диа-

граммы) ответственность несёт автор. При вёрстке журнала они не редактируются.

Порядок рецензирования рукописей

Поступившей в редакцию рукописи присваивается регистрационный номер, о чём редакция информирует авторов по электронной почте. Рукописи, оформленные с нарушением правил для авторов, не рассматриваются. **Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.**

По получении статьи от автора редакция направляет её на рецензирование двум рецензентам, которые выносят заключение о возможности публикации. На основании экспертного заключения редколлегии принимает текст к изданию, либо направляет на доработку. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации.

Редакция не берёт на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала. Корректуре автору не предоставляется. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования.

Если статья отклонена, то автору сообщается мотивированное заключение рецензента. После переработки автором материалы рассматривает главный редактор и принимает решение о публикации.

Оплата за публикацию рукописей аспирантов не взимается.

Полнотекстовые сетевые версии выпусков научного журнала «Вестник Тверского университета. Серия История» можно найти в свободном доступе в Научной Электронной Библиотеке ТвГУ (<http://eprints.tversu.ru>) и на сайте журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: История»: <http://vestnik.tversu.ru/history>

Формат цитирования статей из журнала

В целях обеспечения корректного представления информации о статьях в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) редакционная коллегия рекомендует следующее оформление ссы-

лок на статьи, опубликованные в серии «История» журнала «Вестник ТвГУ»:

Автор Название статьи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Год. № 1. С. [страницы].

Пример:

Булдаков В. П. Постреволюционная Россия: идеология и управление // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 49.

в транслитерации:

Buldaikov V. P., *Postrevolyutsionnaya Rossiya: ideologiya i upravlenie*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2015, № 3, S. 49.

Контактные данные ответственных за выпуск

170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, к. 201.

Телефон/факс: 8 (4822) 34-16-85.

Главный редактор – Татьяна Геннадьевна Леонтьева 8 (4822) 34-16-85.

Ответственный секретарь – Сергей Владимирович Богданов

Bogdanov.SV@tversu.ru)

E-mail: history.decanat@tversu.ru

URL: <http://vestnik.tversu.ru/history>

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: «История». № 4 (68). 2023

**Подписной индекс: 85716 (подписной интернет-каталог
«Пресса России»)**

Подписано в печать 19.12.2023. Выход в свет 22.12.2023.

Формат 70х108¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,1.

Тираж 500 экз. Заказ № 294.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел. издательства: 8 (4822) 35-60-63.

Цена свободная.